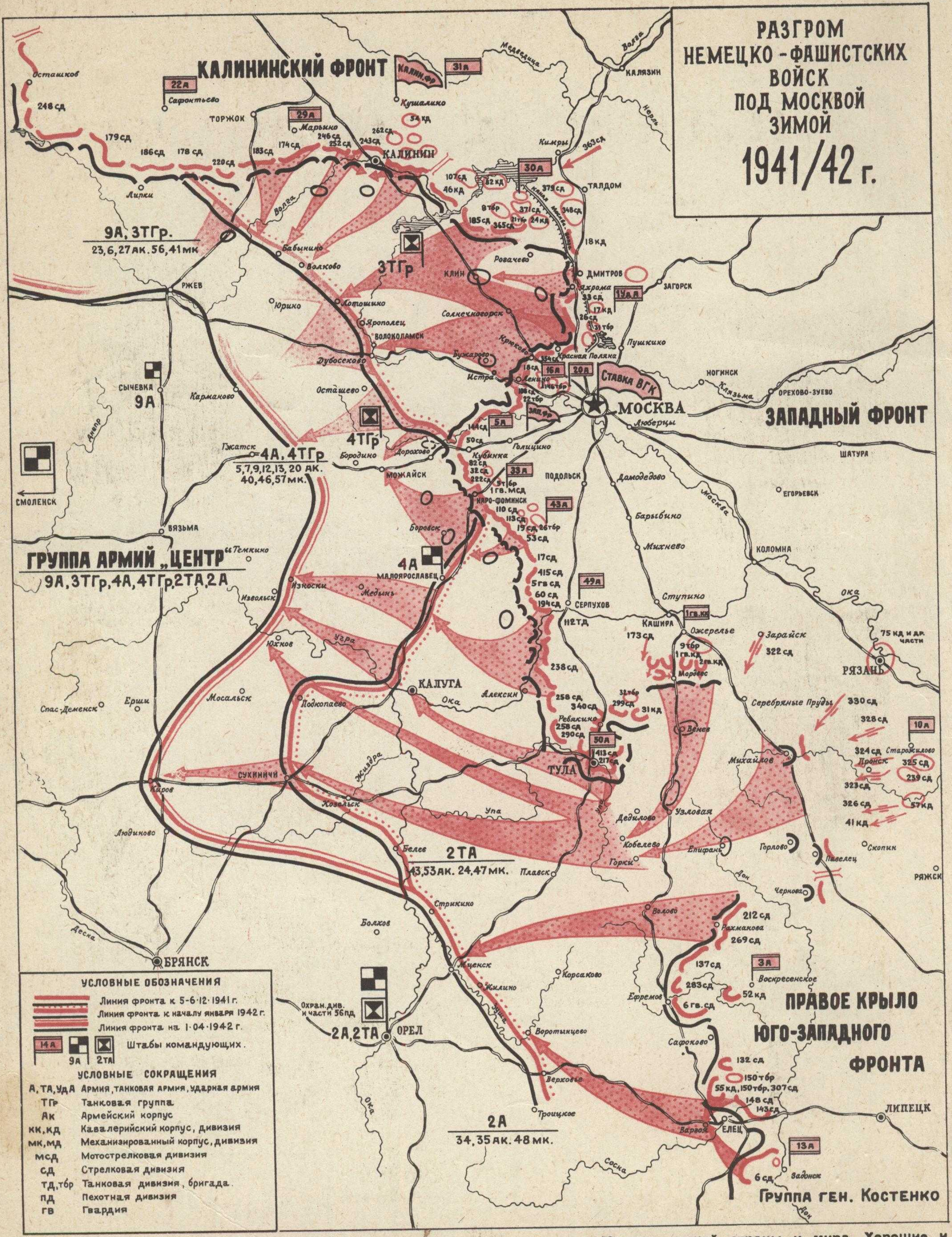

ПИОНЕР

ДЕКАБРЬ 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1966 г.

Старые боевые армейские карты потерты на сгибах, иногда пробиты навылет, исчерканы командирскими карандашами — они умеют рассказывать. Но и среди заслуженных, боевых и военных эта карта особенная. Она хранит на себе летопись немецкого разгрома. В ней спасение Москвы, нашей страны и мира. Хорошие и смелые люди пролили кровь и отдали жизнь за каждую малую черточку на этой карте. И она, эта карта, говорит: «Помните! Гордитесь!»

КЛЮЧ К НОМЕРУ

Д. УХТОМСКИЙ

Лев КАССИЛЬ

Н. ТИХОНОВ

Нам стало известно, что в одном дворе одного дома ребята не знают, как встретить Новый год.

● **С БОЛЬШОЙ НОВОГОДНЕЙ ПОДСКАЗКОЙ** под мышкой помчался по указанному адресу наш посыльный. Однако попалась ему на пути ледяная горка, захотелось прокатиться... И трах-тарарах! Разлетелись по ветру все подсказки...

● **ПИКОЛЕТТО** встал, отряхнулся и поглядел вокруг. У него слегка кружилась голова, и все же ему было очень весело. Он смело шагнул вперед. Ведь мы всегда смелеем, когда опасность уже позади...

— Ты Дед Мороз? — сказал Стефано.

— Нет, я трубочист.

— Трубочисты все черные-черные, а ты серый!

«Нет, нет,— подумал Стефано,— только Дед Мороз мог вылезти из камина. А что он не признается, так это даже интереснее...»

● — Как странно,— сказал самому себе **СМЕХОТРОН**.— Похоже на то, что мне в голову приходят чужие новогодние мысли. Вот, например, одна чужая мысль: **«Недаром прозвали меня ПОЛИГЛОТОМ:** на семидесяти трех языках я знаю, как будет «Новый год», но ни одного раза сам я не был на празднике Нового года...»

— Нет, это не мои мысли,— изумлялся все больше и больше Смехотрон.— Я и в прошлом году был на елке и в этом пойду. У меня полным-полно приглашений и билетов.

— Стоп,— сказал себе Смехотрон.

— Стоп,— говорим мы,— довольно! Пусть читатель сам разбирается теперь, что же **новогоднего** в нашем новогоднем номере!

А еще в последней книжке «Пионера»:

● Заканчивается повесть **ЮРИЯ ЯКОВЛЕВА.**

● В операции **«ЦВЕТЫ НА БРУСТВЕРЕ»** участвует писатель **ЛЕВ КАССИЛЬ.**

● Печатаются стихи **НИКОЛАЯ ТИХОНОВА.**

● В театре **«ФОНАРИК»** — новая премьера.

● **«КОРАБЛИК»** держит курс на свой юбилей.

● С **МАЛЬЧИКОМ ИЗ СПИЧЕЧНОЙ КОРОБКИ** случаются новые неожиданные происшествия.

● **КОНКУРС** фантастических рассказов ребят **ПРОДОЛЖАЕТСЯ.**

12

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

ГОД ИЗДАНИЯ 43

ДЕКАБРЬ 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1966 г.

МОЙ БОЕВОЙ ДРУГ

Юрий ЯКОВЛЕВ

Рисунки
Е. МЕДВЕДЕВА.

Повесть

(Окончание)

11

На Петроградском фронте шли напряженные бои. Не было дня, чтобы землю не сотрясали взрывы. А по ночному небу плыли красные облака — их озаряли горящие деревни.

По дорогам медленно двигались фургоны с большими санитарными крестами на брезенте. В Петроград увозили раненых красноармейцев.

Когда гремели орудия, птицы умолкали. Их было не видно и не слышно. Но после боя они как бы оживали и с новой силой пробовали свои дудочки и свистки. Котя шагал по разбитой дороге и похлопывал себя прутиком по ноге, как это делал командир артиллерийского полка. На этот раз его внимание привлек далекий нарастающий гул. Мальчик огляделся и на фоне белых облаков увидел маленький крестик. Гул звучал все громче, а крестик превращался в самый настоящий боевой аэроплан с двухэтажными крыльями, с колесами-шасси, с пропеллером, который от быстрого вращения казался трепещущим голубоватым кругом.

Аэроплан летел так низко, что чуть не сбивал макушки деревьев. Котя, щурясь от вихря и грохота, разглядел на крыльях красные горящие звезды.

— Наш! Наш! — крикнул Котя, но не услышал своего голоса: так громко гремел мотор аэроплана.

Потом произошло необъяснимое: аэроплан закашлялся, накренился и стал прижиматься к земле. По ржи прошла золотая волна. И вот аэроплан уже не летел, а, подпрыгивая на кочках, катился по полю.

Котя бежал к приземлившейся машине. Стебли ржи путались под ногами и мешали передвигаться, но Котя разрывал их руками и спешил дальше.

Аэроплан вздрогнул, покачнулся вперед и остановился, запутался в стеблях ржи. Он был похож на птицу, попавшую в силки.

Когда Котя подбежал к аэроплану, мотор уже не работал, но лопасти пропеллера продолжали описывать медленные плавные круги. Широко раскинутые крылья были нацелены в небо и как бы продолжали полет. От аэроплана тянуло жаром и пахло перегретым маслом. И Котя вдыхал в себя таинственные запахи боевой летучей машины.

Пилот поднял на лоб большие квадратные очки, ловко вывернулся и очутился на нижнем крыле. Он был весь в черной коже, которая каждое его движение сопровождала скрипом. И куртка, и брюки-галифе, и краги, похожие на кегли, и кобура с наганом — все было черным, кожаным. Коте показалось, что перед ним тот самый авиатор, который пролетел над полком и махал ему рукой, одетой в перчатку.

— Ты откуда взялся? — спросил пилот, стягивая с головы шлем с квадратными очками.

Его светлые волосы, зачесанные на пробор, растрепались и слиплись. А усталые зеленоватые глаза ввалились от долгих бессонных ночей.

— Я артист,— отозвался Котя, не сводя глаз с пилота.

— Любопытно! — Пилот располагающе улыбнулся и спрыгнул с крыла в рожь.— Что же ты делаешь в театре военных действий? Доброволец?

Слово «доброволец» звучало так заманчиво и значительно, что Котя невольно кивнул головой.

— Доброволец!

Но тут же добавил:

— У меня нет бабушки. Меня не с кем оставить. Вот я и... доброволец.

Усталый пилот рассмеялся:

— Ну, раз нет бабушки, тогда другое дело!

— У вас аэроплан сломался? — тут же поинтересовался мальчик.

Пилот испытующе посмотрел на него и сказал:

— Одна штуковина отказала.

— Я сейчас сбегаю к Яшечкину... он починит.

Котя был уверен, что его Яшечкин все умеет делать, даже чинить аэропланы.

— К какому Яшечкину? — спросил пилот.

Котя очень удивился, что военный человек не знает Яшечкина.

— К нашему,— сказал он.

— А-а-а, к нашему,— понимающе сказал пилот и тут же как бы невзначай спросил: — К какому нашему — к красному или к белому?

Котя покосился на красные остроугольные звезды, которые пламенели на крыльях аэроплана, и уверенно сказал:

— Яшечкин — красный.

Котя почувствовал, что пилот очень обрадовался, потому что он весело подмигнул ему.

— Отлично! А я подумал, что ты белый.

— Это, наверное, из-за волос. Они у меня длинные выросли, но я их остригу. Под нулевой номер... Как вас зовут?

— Военлет Капралов! — ответил пилот и заскрипел черной кожей.

— А меня зовут Котя... Я вас видел. Вы летели над полком и махали мне рукой. Помните?

Пилот засмеялся, энергично потер глаза ладонью и спросил:

— Далеко до наших?

— Видите колокольню? Мы там. Пойдемте вместе.

— Вместе? Нет, вместе я не могу. Мне надо быть при машине. Я за нее головой отвечаю.

Котя смотрел на военлета большими темными глазами. Перед ним был не простой боец, а одетый в черную кожу выходец из другой стихии, где парят орлы и рождается гром и куда обычному человеку заказан путь. И, сам не зная почему, Котя набрался смелости и сказал:

— Вы не подумайте, я не собираюсь поступать на сцену. Когда я вырасту, то буду, как вы, военлетом.

Он боялся, что его новый знакомый рассмеется, но военлет Капралов улыбнулся зеленоватыми глазами и сказал:

— Отлично. А теперь беги. Не тяни время.

— Я быстро!

Котя повернулся и побежал, руками прокладывая дорогу во ржи.

В следующее мгновение военлет быстрым движением расстегнул кобуру и достал наган с тонким стволом. Поднял руку. Прищурил глаз. И вороненая прицельная мушка очутилась между лопаток бегущего мальчика.

Раздался легкий щелчок. Выстрела не последовало. Он нажал еще раз — барабан повернулся, револьвер молчал.

Военлет плюнул и стал рассматривать оружие. Патронов в барабане не было.

— Черт возьми! — выругался он и подошел к аэроплану.

Котя бегал по селу и спрашивал:

— Яшечкин? Вы не видали Яшечкина?

Для него замковый третьей батареи был единственным человеком, который мог найти выход из любого положения. Например, раздобыть бензин для приземлившегося во ржи аэроплана.

— Где же Яшечкин?

Никто не видел Котиного друга, никто не знал, где он.

Котя отчаялся найти его, да и времени не было, он подбежал к первому попавшемуся бойцу и сказал:

— Там во ржи... аэроплан... Одна штуковина отказала.

Боец долго не мог понять, в чем дело, но согласился пойти с Котей в поле, к аэроплану.

Когда они вышли из села, то увидели большое чадящее пламя.

— Что это? — растерянно спросил Котя.

— Горит твой аэроплан,— сказал боец.

— Как же так? Значит, белые подожгли

его. И военлет Капралов сгорел вместе со своей боевой машиной!

— Не знаю,— ответил боец,— кто мог поджечь машину? Не знаю.

Когда они подошли ближе, аэроплан догорал. Черный, обуглившийся остов стоял посреди поля. Военлета не было. Он либо сгорел со своим аэропланом, либо ушел, не дождавшись бензина.

12

А в это время Яшечкина с забинтованной головой принесли на шинели в избу и положили на сено. Вражеский снаряд, разорвавшийся на огневой позиции, ранил его рваным куском металла.

Замковый третьей батареи не стонал, не жаловался на боль. Он лежал бледный, с широко раскрытыми глазами. Всегда он вроде дремал, а теперь глаза у него были широко открыты.

— За малым присматривайте,— сухими, потрескавшимися губами прошептал он товарищам, которые принесли его.

Еще в конце села Котя узнал, что его друг ранен. Он сразу забыл о красивом военлете и о сгоревшем аэроплане. Не замечая людей, несся он по селу к избе, где рядом со знаменем французской революции лежал его друг.

— Яшечкин, что с вами?

— Ничего, ничего...— прошептал в ответ ему замковый третьей батареи.— На войне случается.

— Я отомщу им,— сказал Котя.

— Но-но-но,— одними губами произнес боец.— Без тебя отомстят... Я еще сам отомщу. Ты что думаешь...

Бинт был белый, а на нем алело пятно. Словно кто-то раздавил спелую земляничку.

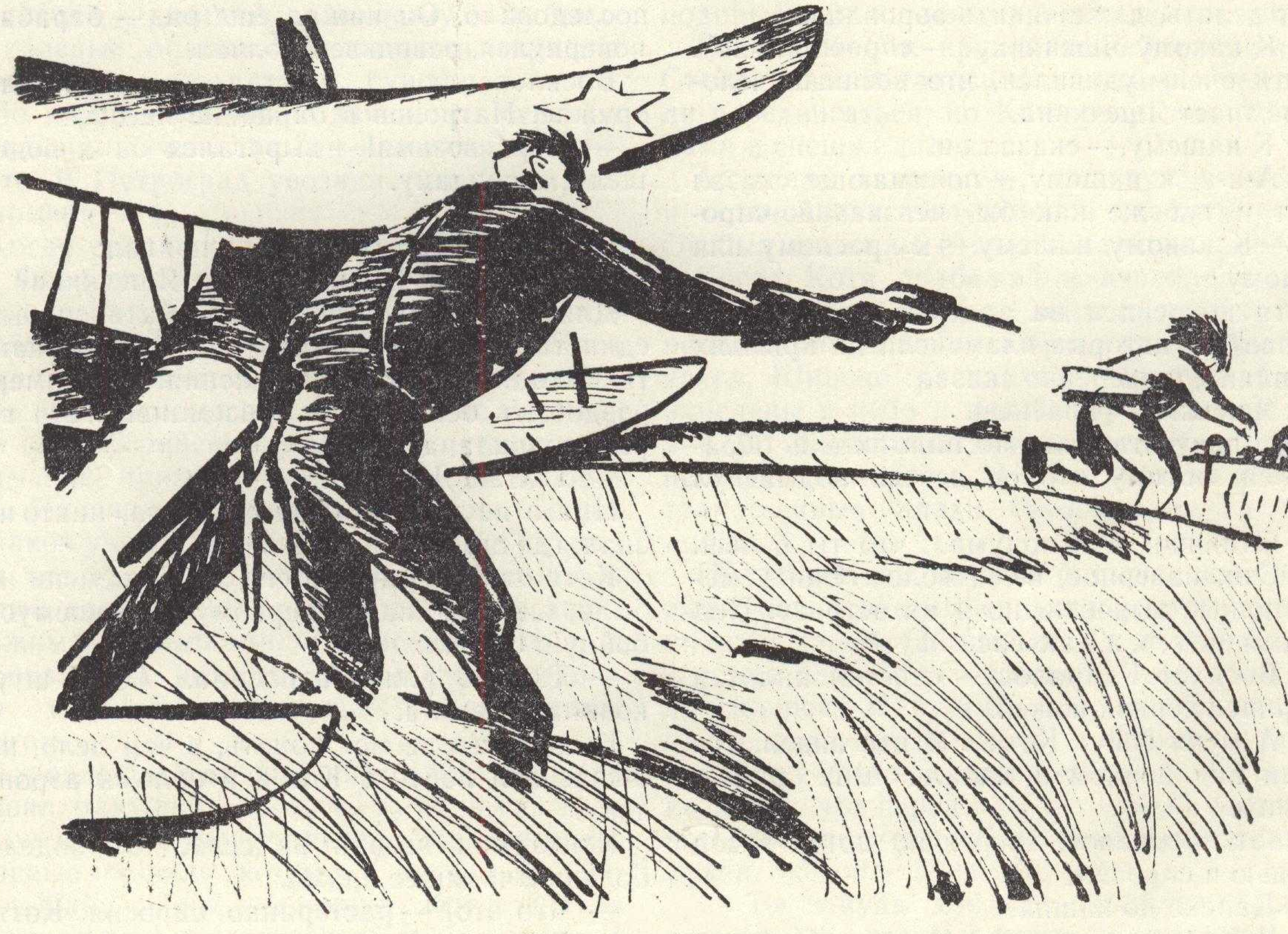
— Доктор был? — спросил Котя.

— Зачем доктор? Фельдшер перевязал—и ладно... Ты иди, иди. Погуляй... Жаль, подметки не успел тебе сменить. Износились.

Весь день Котя ни на шаг не отходил от раненого друга. Он поил его из медной кружки и поправлял сено под головой. И все спрашивал:

— Болит?

Яшечкин молчал. И только с благодарностью смотрел на мальчика.

Он нажал еще раз — барабан повернулся, револьвер молчал.

Потом он забылся. И уже в забытьи тихо стонал, кому-то жаловался:

— Печет... Приложить бы подорожник... Подорожник...

А под вечер в расположении третьей батареи появилась Котина мама. Она приехала на автомобиле, который ужасно тарахтел и выстреливал клубы синего дыма. Она знала, что Котя здесь, и ей не терпелось найти его. В одной избе нет. В другой нет. Пришлось обойти полсела, пока наконец она не очутилась в избе, где у изголовья раненого бойца сидел ее сын.

Мама вошла беззвучно и остановилась на пороге.

Котя сидел на скамье. На колене у него лежала знакомая тетрадочка, а губы были в синем химическом карандаше. Ей показалось, что она не видела сына год, а может быть, два. Его смуглое лицо обветрилось, а между бровей появились две строгие морщинки. Он осунулся, и от этого скулы стали шире, а впадинка на подбородке глубже.

— Котя! Сынок!

Он вздрогнул. Распрямился. Пристально посмотрел на маму, словно хотел убедиться, что это действительно она, и уже потом кинулся к ней. Прижался. Почувствовал ее тепло. И от этого родного тепла ему стало спокойно, он как бы очутился в полной безопасности, защищенный от всех бед и опасностей.

Но в следующее мгновение ему стало стыдно этого покоя. Он высвободился из маминых рук и посмотрел на раненого друга.

— Как ты живешь без меня? — спросила мама.

— Тише. Он задремал, — одними губами ответил Котя.

— Кто это?

— Яшечкин.

Мама перевела взгляд и увидела бойца с забинтованной головой. Он спал. В продольных морщинках лба, выдавая страдание, блестели капельки пота.

— Подорожник,— в забытьи прошептал боец.

Котя вопросительно посмотрел на маму.

— А зачем подорожник?

— Говорят, он оттягивает боль.

— Я сбегаю нарву.

Мама покачала головой.

— Большой ране это не поможет. Пойдем, сынок.

— Я не могу. Он мой друг.

— Хорошо,— согласилась мама,— я останусь с тобой... Ты теперь такой большой, самостоятельный. А губы у тебя опять лиловые.

— Я пишу стихи.

Мама поцеловала Котю и села рядом. Она ни о чем не расспрашивала сына. Только смотрела на него. Так они сидели дотемна. Котя начал тереть глаза, чтобы они не слипались. Потом закрыл их — только на минутку! — и уже не смог открыть. Он уснул, прижавшись головой к маминому плечу.

Мама взяла из рук мальчика тетрадку. В ней были написаны стихи:

Жил Яшечкин отважный,
Товарищ боевой.
На третьей батарее
Сражался, как герой.
Ему осколок вражий
В голову попал,
И Яшечкин отважный,
Как скошенный, упал.
Его забинтовали,
Сказали: «Полежи.
А мы пойдем скорее
На наши рубежи!»
Гремела канонада,
А Яшечкин лежал...

Дальше он не успел написать. Уснул.

Утром Яшечкина увезли в Петроград, в лазарет.

13

Начались осенние дожди. Они лили с утра до вечера. А по ночам, став невидимыми, шуршали в опавших листьях, и часовым казалось, что кто-то крадется к нашим постам.

На войне дождь вдвойне неприятен. Намокшие шинели стали тяжелыми и не грели. Колеса орудий вязли в размытых колеях. Шерсть артиллерийских коней покрылась серой броней застывшей глины. Уже второй день не проглядывало солнце, словно его сбил с небосвода шальной снаряд и оно укатилось куда-то далеко от земли.

В осенние дни 1919 года войска генерала Юденича от отступления перешли к бегству.

Котя на орудийном передке спешил, спешил в сожженную деревеньку, где обосновались саперы. Промокшее пальтишко прилипало к спине, суконный шлем с малиновой звездой стал жестким и тяжелым, как стальная каска. Кони остановились, и славная колесница с налипшей глиной превратилась в маленькую сцену. Котя встал на сиденье, обвел задумчивым взглядом бойцов и сказал:

— У меня свежая газета... Я прочту вам слова Ленина.

Он достал из кармана сложенную вчетверо газету. Газета смялась и намокла, но Котя расправил ее и стал читать:

— «Войска Юденича разбиты и отступают. Товарищи рабочие, товарищи красноармейцы! Напрягите все силы! Во что бы то ни стало преследуйте отступающие войска, бейте их, не давайте им ни часа, ни минуты отдыха. Теперь больше всего мы можем и должны ударить как можно сильнее, чтобы добить врага».

Дождь тек по плечу маленького агитатора и мочил газетный лист со словами Ленина. И Котя спешил, чтобы газета совсем не размокла.

Потом Котя сдвинул на затылок буденовку и стал читать свои стихи:

Толстый белый генерал
Очень громко заорал:
— Я родился самым смелым,
Красный Питер будет белым!

Но рабочие полки
Ощетинили штыки.
Толстый белый генерал
Очень быстро удирал.

Как пустился наутек,
Потерял один сапог.
А за Лугою-рекой
Потерял сапог другой.

Не видать ему Невы.
Не видать ему Москвы.
Про победу зря орал
Толстый белый генерал!

И снова, подпрыгивая на ухабах, мчится орудийный передок по размытым дорогам Петроградского фронта. Котю бросает из стороны в сторону, и брызги летят ему в лицо. Глаза мальчика задумчивы. Он молчит. И ездовой молчит.

Неожиданно Котя говорит:

— Не люблю войну. Из-за Яшечкина. Если бы не было войны, он не лежал бы в лазарете с забинтованной головой.

— А говоришь, что будешь военным,— усмехнулся ездовой.

— Буду! — упрямо сказал Котя.— Буду, чтобы защищать революцию.

Лошадь протяжно заржала. Издалека донеслась пулеметная очередь, как будто кто-то рассыпал гремящее многоточие.

В этот день вечером героический театр получил приказ вернуться в Петроград.

14

Вот уже второй месяц, как замковый третьей батареи Яшечкин лежал в лазарете. Кончились осенние дожди. Темная ветка тополя, которую он видел в окне, побелела от свежего снега. Потом ветки совсем не стало видно, потому что стекло затянули причудливые ледяные узоры.

Уже разгромленные войска Юденича трусливо бежали за границу. И артиллерийский полк укатил куда-то на юг добивать полки других белых генералов.

А Яшечкин все лежал на лазаретной койке. Рана заживала медленно и трудно. Голова была в бинтах. И замкового третьей батареи все еще не переводили в разряд ходячих больных.

Яшечкин затосковал, все чаще вспоминая полк, свою пушку, своих лошадей. Он подолгу думал о Коте. Неужели судьба никогда не сведет его с маленьким боевым другом?

Пушки отгремели. Что же Котя не приходит к нему? Или забыл своего друга?

А может быть, с мальчиком случилось что-нибудь на фронте? Война никого не жалеет. Война есть война.

«Поправлюсь,— думал боец,— обязательно разыщу его. Найти в Петербурге театр куда легче, чем лазарет, тем более что лазаретам теперь нет числа».

Однажды в лазарете давали концерт для раненых. В большом каменном коридоре поставили скамейки, и все, кто мог передвигаться, собрались сюда, опираясь о плечи тех, кто покрепче.

Яшечкин остался в палате один. В открытую дверь из зала-коридора долетала музыка, пение. А когда разыгрывалась сцена, раненый боец закрывал глаза и старался представить себе артистов, которые произносят красивые слова.

И вдруг он услышал знакомый голос:

Жил Яшечкин отважный,
Товарищ боевой.
На третьей батарее
Сражался, как герой.

Яшечкин вздрогнул от неожиданности. Он не мог ошибиться — это был Котя. И как бы подтверждая это, из коридора долетели слова:

Ему осколок вражий
В голову попал.
И Яшечкин отважный,
Как скошенный, упал.

Яшечкин не мог больше лежать. Собрав силы, он привстал на локте. Голова гудела, и боль отдавалась в ней горячими ударами. Он стиснул зубы и заставил себя сесть. Еще немного. Еще одно усилие. Но сил не хватило — раненый боец упал на подушку.

В соседней комнате зазвучали хлопки. Это раненые награждали юного артиста-агитатора за его выступление. И тогда Яшечкин от отчаяния крикнул:

— Котя!

Он кричал изо всех сил, но голос его был слабым, и его заглушали хлопки.

— Котя!

От своего бессилия Яшечкин почувствовал себя одиноким и забытым, никому не

«Есть!» — изо всех сил хотелось крикнуть раненому, но с губ сорвался только слабый стон. Яшечкин потерял сознание.

Когда он очнулся, на его койке сидел Котя. Мальчик почти не изменился, только глаза его немного впали и стали еще задумчивей.

— Как ваше здоровье? — спросил Котя.

— Дело идет на поправку,— отвечал Яшечкин.

— Долго еще лежать?

— Месяц. А может быть, поболее.

— Я буду к вам приходить. Я искал вас по всему Петрограду.

— Ну вот еще... время тратил.

Из-за двери послышался голос:

— Котя, пора ехать!

Яшечкин остался в палате один.

нужной развалиной. Вот даже Котя не слышит его, не идет.

В коридоре снова стало тихо. Вот теперь бы в самую пору и крикнуть, но раненому неожиданно расхотелось кричать. Ему показалось, что Котя знает, что он лежит здесь в бинтах один, но он забыл друга и не идет. Не хочет! Наверное, он уже ушел.

— Товарищи,— донесся из соседней комнаты Котин голос.— Я разыскиваю друга. Он был ранен. Нет ли у вас в госпитале замкового третьей батареи Яшечкина?

— Иди, тебя товарищи зовут,— сказал Яшечкин. Котя видел по глазам друга, что ему очень не хочется расставаться, но он говорил: — Иди, тебя товарищи зовут. Мне теперь будет легко, раз ты побывал.

— Я скоро приду опять. Обязательно приду,— сказал Котя, пожимая слабую руку Яшечкина.

Он ушел. А боец еще смотрел на дверь, и ему слышались стихи:

Жил Яшечкин отважный,
Товарищ боевой...

Анна Павловна несла добровольное дежурство в палате тяжелораненых. Никто не знал, что привело ее сюда. Говорили, что ее сын пропал без вести на фронте, но когда в лазарет прибывало «пополнение», она никогда не расспрашивала о сыне. И вообще она была крайне молчаливой. И походка у нее была легкой, бесшумной. Она как бы старалась причинять людям как можно меньше беспокойства. В минуты волнения ее лицо покрывалось красными пятнами, словно Анна Павловна мгновенно заболевала корью.

Анна Павловна долго приглядывалась к Коте и как-то спросила Яшечкина:

— Это ваш сын?

— Нет, это мой боевой друг.

— Совсем ребенок — и уже боевой друг. Боже мой! Наверное, маленький герой?

— Герой не герой, а малый серьезный. И к тому же еще артист.

— Артист? — изумилась Анна Павловна.

— А что вы думаете! Он такие стихи сочиняет... Как Пушкин.

Пушкин был единственный поэт, которого знал замковый третьей батареи.

Анна Павловна сдержанно улыбнулась и, чтобы не обидеть раненого, не стала ему возражать. Она села на краешек койки и сказала:

— Открою вам один секрет. Я готовлю выступление детей в лазарете. Позвольте мне пригласить вашего... боевого друга.

Яшечкин не возражал. И Котя получил приглашение в большой серый дом на Екатерининском канале, где жила Анна Павловна.

Котя остановился перед высокими двустворчатыми дверями и потянул на себя круглую медную пуговку. За дверью тотчас зазвенел колокольчик. Потом послышалось неторопливое шарканье и глухой, шершавый голос спросил:

— Что угодно?

— Я к Анне Павловне,— отозвался Котя.

Щелкнул французский замок. Дверь отворилась.

Перед Котей в тусклом свете угольной лампочки стояла сухая, сгорбленная старуха с плоским морщинистым лицом.

— Зайдите! — выдавила из себя старуха и поползла по коридору.

Она была похожа на черепаху. Котя поплелся за ней по мрачному коридору, уставленному вешалками, шкафами и еще какими-то не различимыми в полутьме предметами.

Потом Котя очутился в огромной полутемной комнате. В большой люстре горела только одна лампочка, и люстра напоминала букет, который весь завял и лишь один цветок не сморщился и не поблек. Эта единственная лампочка освещала большие ровные квадраты паркета, похожего на шахматную доску, массивный обеденный стол, буфет, тяжелые портьеры, висевшие на деревянных баранках.

В углу высокая кафельная печь белела, как сугроб.

На диване сидели три мальчика и одна девочка. А рядом в кресле сидела Анна Павловна. Завидев Котю, она поднялась ему навстречу.

— Котя, здравствуй. Мы сейчас начнем. Дети, познакомьтесь. Это Котя.

Котя по очереди протягивал руку круглолицему Сержу в матросском костюмчике с якорями на рукаве, белобрысому Мише с двумя водоворотами вихров на голове, Борису — мешковатому краснолицему парню, который все время надувался, сопел и ерзал на месте. Лиля поднялась с места и сделала Коте книксен. Она была девочкой с хорошими манерами.

Поздоровавшись с новыми знакомыми, Котя уселся на стул и стал ждать, что будет дальше. А дальше Анна Павловна сказала:

— Дети, начнем репетицию. На днях мы пойдем с вами в лазарет, к раненым.

Первым выступил Серж. Он читал стихотворение Пушкина «Осенняя пора, очей очарованье», при этом его широкое лицо расплывалось в улыбке. Можно было подумать, что он читает очень смешные стихи.

Котя сидел в сторонке и рассматривал освещенную одной лампочкой комнату. Он вдруг представил, как бы почувствовал себя здесь Яшечкин и как застенчиво жался бы в уголок и крутил в руках фуражку. Котя вспомнил, как Яшечкин спросил его:

«А что такое Бастилия?»

«Это такая тюрьма в Париже,— отвечал ему Котя.— Народ разрушил ее, а из камней Бастилии построил мост через Сену».

«Через сено мост?» — удивился боец.

Котя засмеялся и сказал:

«Сена — это не сено. Это река так называется».

Яшечкин не обиделся, что Котя засмеялся. Он удивленно покачал головой.

«Надо же! Чего только люди не придумают: реку сеном назвали!»

Сейчас мрачная полутемная квартира показалась Коте холодным казематом Бастилии. А что, если ее разрушить и построить мост через Фонтанку?

Миша декламировал стихотворение Никитина «Вот моя деревня, вот мой дом родной». Читал он тихим голосом, и все время забывал слова, и, пока вспоминал, повторял:

— Вот моя деревня... Вот моя деревня...

Ребята хихикали.

Борис читал «Песнь о вещем Олеге». Каждую строчку он делил пополам вдохом и выдохом. Словно проделывал тяжелое гимнастическое упражнение:

— Как ныне сбира-ется вещий Олег
Отмстить неразум-ным хозарам.

Лиля пела про птичку, которая попалась, не уйдет из клетки, но зато ей дадут конфет и чаю с сухарями.

Настала очередь Коти. Он встал. Слегка откинул голову назад и начал читать:

Смелый красный авиатор
В бой ведет аэроплан.
В этот бой его послали
Пролетарии всех стран.

В большой холодной комнате слова щелчками отдались где-то под потолком. Это было домашнее эхо.

На его аэроплане
Звезды красные горят.
Белым толстым генералам
Не отдаст он Петроград.

У него в кабине бомбы,
А в руке зажат наган.
Он ведет корабль воздушный,
Как отважный капитан.

Котя кончил читать и поклонился. Ребята захлопали ему. Анна Павловна задумчиво смотрела на Котю. Потом она сказала:

— Странные стихи... В них недетская сила. Откуда у тебя такая ненависть к белым? Ты же еще мальчик.

— Они ранили моего друга,— сказал Котя.

— Кто же этот твой друг?

— Замковый третьей батареи Яшечкин. Вы же его знаете.

— Да, да, раненый солдатик.

16

В это время за Котиной спиной прозвучал мужской голос:

— А мне нравится стихотворение!

Котя оглянулся. В полумраке у стены стоял человек в сером пальто и в круглой шляпе. Котя не рассмотрел его лицо, зато он увидел, как изменилась Анна Павловна. Она не «заболела корью», но губы ее задрожали, и она испуганно поднесла руку ко рту.

— Жорж, мальчик! — прошептала она и заморгала часто-часто, словно в оба глаза попали соринки.

Коте показалось странным, что взрослого человека называют мальчиком.

— Ты живой?!

— Ну, конечно, живой, раз вошел в комнату и слушаю стихи.

Незнакомец снял шляпу и зашагал навстречу Анне Павловне. При свете единственной лампочки Котя увидел светлые волосы, зачесанные на пробор, и ввалившиеся от усталости глаза. Незнакомец поцеловал хозяйку и повернулся к Коте.

— Здравствуй! Не узнаешь меня?

Перед Котей стоял военлет Капралов. Мальчику стало крайне неловко — как это он не узнал его! Но гражданское платье сильно изменило военлета, который совершил вынужденную посадку в районе третьей батареи.

— Я думал, вы погибли, ведь ваш аэроплан сгорел,— признался Котя.

— Аэроплан действительно сгорел,— расстегивая пальто, сказал военлет Капралов.— А я, как видишь, жив.

— Какой аэроплан сгорел? — испуганно спросила Анна Павловна, которая все это время не сводила глаз с пришельца.

— Мама, вы забываете, что я вернулся с войны. А там все горит. Даже аэропланы.

— Боже мой!.. А где ты познакомился с Котей?

— На фронте.— Военлет подмигнул мальчику и, как пароль, произнес строчки: — «Смелый красный авиатор в бой ведет аэроплан».

И Котя, как отзыв на пароль, прочитал:

— «В этот бой его послали пролетарии всех стран!»

Анна Павловна пристально посмотрела на военлета и сказала:

— Пойдем, отдохнешь с дороги... Боже мой!.. Дети, займитесь пока... декламацией...

— До свидания, фронтовой друг! — весело сказал военлет и вместе с Анной Павловной зашагал прочь.

Ребята молча проводили глазами нежданного гостя. В темном углу начали бить часы. Котя насчитал семь ударов.

— Я пойду. До свидания...

Тяжелая дверь отворилась, и Котя как бы очутился в холодной темной пещере. Держась рукой за стенку, мальчик стал медленно пробираться к выходу. Ему казалось, что сейчас откуда-то выползет черепаха и зашипит на него. Но вместо шипения он услышал приглушенные голоса, доносящиеся из соседней комнаты. Котя остановился и прислушался. Разговаривали хозяйка дома и военлет Капралов.

— Ты не спал двое суток. Откуда у тебя только берутся силы! Ляг.

— Ничего, ничего. Теперь я кум королю. Сквозь три кордона пробрался. Не хочу спать... Кстати, из-за этого мальчонки я чуть под расстрел не попал, когда летел к Юденичу.

Голоса умолкли. Котя стоял, окруженный тьмой, как человек заблудившийся в пещере, и не знал, что ему делать. Неужели военлет с усталыми зелеными глазами оказался предателем, а красные звезды на его самолете были фальшивыми звездами? Надо скорей выбираться из этой пещеры.

Котя на ощупь добрался до двери и повернул французский замок.

А в это время в большой нетопленной квартире на Екатерининском канале Анна Павловна хватилась Коти.

— Где же Котя? Почему он не с вами? — спрашивала она своих гостей.

— Он... ушел,— ответил Серж.

— Странно...— Анна Павловна «заболела корью».— Не попрощался...

— Он куда-то спешил,— сказала Лиля.

— Да, да,— рассеянно сказала хозяйка.— До свидания, дети.

И она легко и бесшумно направилась в соседнюю комнату.

Жорж сидел у камина, в котором догорал старый стул. Блики пламени отражались на его черном кожаном галифе. Глаза военлета-предателя были закрыты.

— Жорж, он ушел.

— Кто ушел? — Жорж открыл глаза и подался вперед.

— Твой фронтовой друг... Котя.

— Ну и что из этого?

Жорж сидел у камина, в котором догорал старый стул.

— Он ушел раньше всех, не простившись... Он мог слышать наш разговор. Какой ужас!

— Никакого ужаса,— резко сказал Жорж и поднялся с кресла.— Идет бой. И никакого ужаса. Однако осторожность никогда не мешает.

17

В солнечный апрельский день замкового третьей батареи Яшечкина выписывали из лазарета. Ему принесли военные брюки, гимнастерку, высокие стоптанные сапоги, терпеливо ждавшие своего хозяина в темной лазаретной каптерке. Яшечкин натянул на себя старое обмундирование и удивился, что оно висит на нем, словно досталось с чужого плеча. После легких туфель-шлепанцев сапоги оказались неимоверно тяжелыми и каждый шаг сопровождали грохотом.

Яшечкина покачивало от слабости, и когда он неторопливо спускался с лестницы, то крепко держался за перила.

Голова кружилась, а в ушах стоял звон. Но старый солдат держался и всячески скрывал свою слабость. Он зашел в канцелярию, чтобы получить направление в полк, но начальник покачал головой и сказал:

— Демобилизован вчистую.

— Как так вчистую?! — недовольно переспросил боец.— У меня в полку обязанности, там же орудие.

— Никаких орудий! С того света чудом выкарабкался да еще подавай ему орудие! Сколько лет провоевал?

— Считай, шесть лет.

— И не навоевался? — усмехнулся начальник канцелярии.— В строй вернуться и не мечтай. Счастливого пути, товарищ демобилизованный красноармеец.

Яшечкин молча повернулся и пошел к выходу.

Весеннее солнце сразу ослепило, оглушило его, и бывший боец на всякий случай уперся рукой в стену. Пели ранние птицы, стучали о железные подоконники частые капли тающего снега. И свежий ветер с Невы пахнул оживающей землей, морем и солнцем. Яшечкин вдыхал в себя ветер и жмурился от света. Он почувствовал, как маленькая крепкая рука сжала его руку. Это был Котя. Он узнал его по руке.

— Котя!

— Яшечкин!

Яшечкин открыл глаза. Он привык видеть мальчика в длинном белом халате, а мальчик привык его видеть лежащим на койке с забинтованной головой. Сейчас один для другого они были в диковинку и рассматривали друг друга с нескрываемым интересом.

— Ты вытянулся.

— А вы похудели.

— Ничего. Жирок — дело наживное. Пошли?

Они двинулись по тротуару, мокрому от тающего снега, подставляя лица пригревшему солнцу. Нева вскрылась, и посредине уже медленно плыли серые льдины. Невский лед не спешил выйти в море, хотя за ним в верховьях дожидался своей очереди ладожский лед. Льдины наползали на берег, цеплялись за могучие быки мостов, образуя настоящую ледяную свалку.

Котя и замковый третьей батареи шли по набережной.

— Хорошо, когда весна,— сказал Котя.

— Хорошо,— согласился его спутник.— Скоро орудия на летнюю смазку переводить будут...

Последние слова он произнес задумчиво и даже с грустью.

— Вы в полк поедете? — спросил Котя. Яшечкин махнул рукой.

— Отвоевался я, брат.

— Вы же теперь совсем здоровый!

На мосту они, перевесившись через перила, стали смотреть на движение льда. И обоим — мальчику и бойцу — казалось, что они стоят на борту большого судна, которое, раздвигая льды, плывет к морю.

— Куда вы сейчас пойдете? — спросил Котя.

— Пойду к брату. Маманя у меня умерла. Брат остался. Надо как-то устраиваться в гражданской жизни.

Котя почувствовал в словах друга растерянность. Он и сам не мог представить себе Яшечкина без орудия, без передка, нагруженного снарядами, без лошадей в упряжке. Яшечкин умеет ставить орудие на крюк и снимать с крюка, ловко открывать рукояткой замок и засылать в патронник поблескивающий медью унитарный патрон — так артиллеристы называют снаряды. Что же будет он делать без коней и пушек?

И, как бы отвечая на вопрос мальчика, старый боец сказал:

— Я до службы столяром был. Мне по столярному делу надо податься.

Котя внимательно посмотрел на Яшечкина-столяра. Бледный, осунувшийся, он казался мальчику другим человеком. Подме-

нили в лазарете Яшечкина. Был артиллеристом, стал столяром.

— Я узнаю у папы,— сказал Котя,— может быть, театру требуется столяр? У меня сегодня репетиция в семь часов, пойдемте вместе?

— Неловко как-то,— сказал Яшечкин.

— Очень даже ловко! В театре большой темный зал. Вы сядете в уголок, никто и не увидит. Идет?

— Идет,— ответил замковый и впервые улыбнулся.

— Тогда приходите к Михайловскому саду в половине седьмого.

— Хорошо.

Котя расстался с другом и побежал по мосту. А Яшечкин стоял, прислонясь к перилам, и смотрел ему вслед. И улыбка не сходила с его лица.

18

В этот день Котя читал стихи на заводе Розенкранца. Трибуна, обтянутая красным кумачом, была высока, и приходилось все время привставать на цыпочки.

Моя страна Ре-Се-Фе-Се-Р,
И победим мы голод.
В одной руке холодный серп,
В другой — горячий молот.

Рабочий питерский стрелял
Из пушки и винтовки —
Юденич, белый генерал,
Бежит без остановки.

Грохочет музыка станков.
У русских хватит духу —
Мы разобьем, как беляков,
Голод и разруху!..

Потом Котя вышел на улицу и чуть не столкнулся со стариком. Старик был какой-то худой и взъерошенный. Косматые брови росли торчком, и глаза запутались в них, как в сетях.

Потом Котя стоял в очереди за хлебом. Мама просила его обязательно купить хлеб. Очередь тянулась бесконечно медленно, и Котя волновался, как бы не опоздать на встречу с Яшечкиным.

Наступили сумерки, когда Котя наконец получил хлеб. Хлеб был пористый и пахучий. От него веяло теплом. Котя спрятал хлеб за пазуху и по дороге в Михайловский сад отщипывал маленькие кусочки и отправлял их в рот.

На Садовой улице Котю обогнал мужчина в сером пальто с бархатным воротником. Руки прохожего были глубоко засунуты в карманы, локти прижаты к бокам. Бесшумная, пружинистая походка, на ногах черные краги.

Котя не успел рассмотреть его лицо, потому что воротник был поднят, шляпа надвинута на глаза, прохожий смотрел в другую сторону. Но острая неожиданная догадка мелькнула в мыслях мальчика: военлет Капралов!

Котя прибавил шагу. Он не подумал о том, что бессилен что-либо сделать с этим взрослым, видавшим виды человеком, что, может быть, в глубоком кармане серого пальто спрятан револьвер. Мальчик видел перед собой белого, который летал на аэроплане с красными звездами, врага, предателя, которому нельзя дать уйти.

Только бы Яшечкин пришел поскорей!

Котя прибавил шагу. Он поравнялся с серым пальто и зашагал в ногу с черными крагами. Сердце стучало. Котя заглянул в лицо прохожему и сказал:

— Здравствуйте!

Военлет остановился. Его глаза настороженно сузились. Он не сразу узнал мальчика. Но в следующее мгновение он уже улыбался. Его усталое лицо посветлело, а зеленые глаза заблестели весело и дружелюбно.

— Здравствуй, фронтовой друг! Как живешь? Все стихи сочиняешь?

Котя растерялся. Он не знал, чему верить: зеленым дружелюбным глазам или тому, что слышал в темном коридоре в квартире на Екатерининском канале.

— Нет,— сказал Котя,— не сочиняю. Некогда.

— Правильно. Не мужское это дело,— одобрительно кинул военлет и незаметно прибавил шагу.

Котя не отставал. Мальчик почувствовал, что сейчас военлет-предатель уйдет и ничего нельзя будет сделать. Главное, дойти до Михайловского сада — там Яшечкин.

— А вы больше не летаете? — спросил Котя.

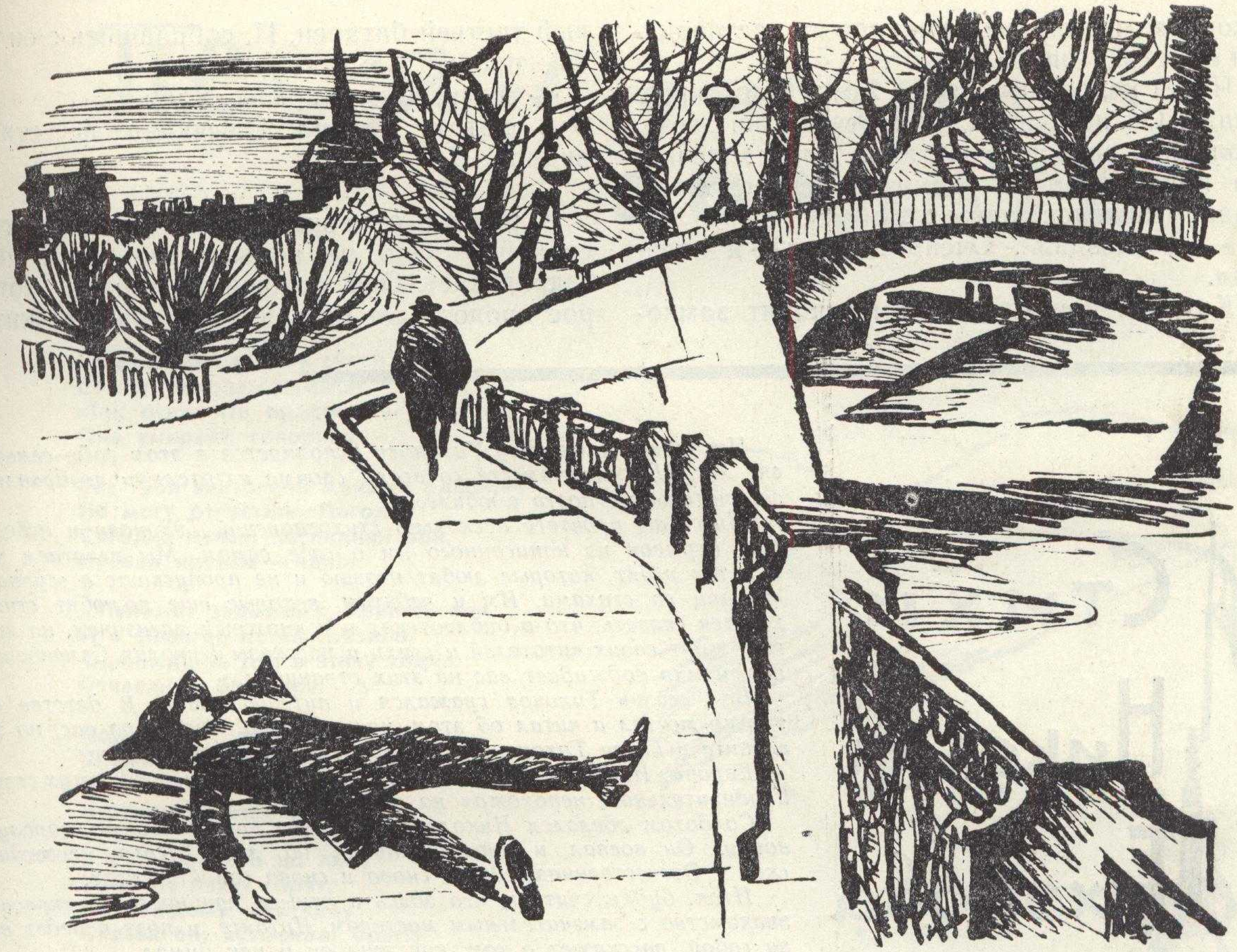
— Временно не летаю,— отозвался Капралов.

Они поравнялись с входом в Михайловский сад. Яшечкина не было. Вероятно, не пришло время, а может быть, он задержался. Котин спутник остановился и сказал:

— Ну, прощай. Я пойду прогуляюсь.

— И я прогуляюсь,— подхватил Котя.

Военлет пожал плечами и вошел в сад. Котя поспешил за ним.

Котя почувствовал страшный удар.

Сумерки окутали деревья Михайловского сада. Между черных стволов мерцали огни Инженерного замка. Военлет быстро шел в глубину опустевшего сада. Котя ни на шаг не отставал от него. Мальчик не испытывал страха, он был уверен, что сейчас появится Яшечкин. Надо только выиграть время.

На улице за оградой заиграл духовой оркестр, медные тарелки звонко ухали в такт шагающим красноармейцам. Если бы можно было подать им сигнал! Но медные тарелки все равно заглушили бы голос...

— Шел бы ты домой,— не поворачивая головы, сказал военлет.— Что ты хочешь от меня?

— Вы предатель,— тихо сказал мальчик.

Он сам не понимал, как эти слова сорвались с губ. Они прозвучали сами собой, чтобы остановить военлета, оглушить его, как удар.

Военлет действительно остановился. Теперь он уже не улыбался. Его лицо было холодным и бледным. Казалось, оно вообще не умеет улыбаться.

— Я не предатель,— твердо сказал он.— Я верен тому, кому присягал.

Он повернулся спиной к мальчику и зашагал дальше. Коте показалось, что он слышит знакомые шаги замкового третьей батареи. И он крикнул:

— Стойте! Сейчас придет Яшечкин.

Военлет молча шел вперед. Он уже почти бежал. Они очутились на набережной канала. Зашагали по гранитным плитам. Котя не отставал от уходящего врага. Он не мог остановиться...

Где же Яшечкин?

И вдруг летчик остановился, резко повернулся к мальчику. Его глаза заблестели.

— Уйди с моего пути!

— Нет!

Он схватил мальчика за плечи и с силой бросил на гранитные плиты... Котя почувствовал страшный удар. Грохочущее пламя обожгло ему глаза, грудь, сердце. Деревья покачнулись и стали проваливаться в темную бездну. И весь мир с огнями, звездами, звуками, запахом земли, с нев-

ской свежестью опрокинулся и растворился в густой, топкой темноте.

Через какое-то время Котя приоткрыл глаза. Он не увидел ни деревьев, ни звезд. Большое, заросшее щетиной лицо Яшечкина приблизилось к нему, и неторопливый знакомый голос повторял:

— Я опоздал... Очень спешил — и опоздал.

Котя не понимал, о чем говорит замковый третьей батареи. И, собравшись с силами, прошептал:

— Только не говорите маме...

А потом и лица Яшечкина не стало видно.

В ранних сумерках пламя вечного огня спокойно. Оно не колышется, а как бы вздрагивает. Оно похоже на сердце, которое продолжает биться, продолжает жить.

Стихи Николая Тихонова

Николаю Семеновичу Тихонову исполняется в этом году семьдесят лет. «Пионер» вместе со всеми своими читателями поздравляет замечательного поэта с юбилеем.

Ниже вы прочтете несколько стихотворений Тихонова и небольшой отрывок из написанного им о себе самом. Мы печатаем это для тех ребят, которые любят поэзию и не пропускают в журнале страниц со стихами. Им и ребятам, которые еще полюбят стихи, хочется сказать, что в библиотеках и в книжных магазинах, на полках, ждут своих читателей и стихи и рассказы Николая Семеновича, целый мир поджидает вас на этих страницах.

Всю жизнь Тихонов сражался и путешествовал. В детстве он только мечтал и читал об этом, как, наверно, многие из вас, но загляните в книги Тихонова, и обступят вас со всех сторон:

Европа, Индия, Китай, Пакистан и Афганистан, люди этих стран и удивительная, непохожая на нашу, их жизнь.

Солдатом сделался Николай Семенович еще в первую мировую войну. Он воевал и много написал об этом. Потом гражданская и Отечественная, где он снова и снова солдат и поэт.

Итак, будем считать, что здесь и отныне начинается прекрасное знакомство с замечательным мастером. Читайте, и поэт поведет вас за собой, расскажет о том, как жил он и как думал.

В мире, пожалуй, нет ничего чудеснее книг. Книги же создаются не каждый день и вовсе не всяким. Здесь, ребята, мы называем вам имя одного из интереснейших людей в нашей литературе.

Строки о самом себе

Иногда мне кажется, что я жил несколько жизней. Я помню среди ранних впечатлений моего детства пустынный Невский проспект, по которому шли стройными рядами моряки с перевязанными головами и руками под громкие приветственные крики людей, столпившихся на тротуарах. Это были экипажи легендарных «Варяга» и «Корейца», приехавшие в столицу. Этот же Невский проспект я помню в наше время, когда негде было упасть яблоку и для прохода оставалось всего несколько метров и в этом проходе, окруженные вплотную советскими людьми, медленно двигались машины с приехавшими в Ленинград челюскинцами, героями ледового похода, и полярными летчиками.

Я помню себя изучавшим с детства историю войн всего мира. У меня, как и у других мальчиков нашего дома, были сотни и тысячи бумажных солдат. Эти «армии» мы приносили друг к другу, и они воевали на столах и на полу, на стульях и подоконниках. Когда я стал настоящим солдатом, то не раз вспоминал на походных привалах и на походных дорогах первой мировой войны эти детские игры, не понять почему пользовавшиеся таким вниманием мальчишек. Как будто они предвидели, что их ожидает настоящая солдатская страда.

...Когда мне было лет двенадцать-тринадцать, я начал увлекаться Востоком, в частности Индией. Поглощая огромное количество книг, я жаждал всем рассказывать о прочитанном, но слушателей у меня не находилось. Тогда я рисовал индийские пейзажи, большей частью вымышленные, и, сделав подобие волшебного фонаря, показывал эти картинки маленьким моим слушателям, которые имели по семи-восьми лет и охотно смотрели их, но лекций моих слушать не хотели. Я покупал их внимание, выдавая им по нескольку копеек, чтобы заставить их слушать мои рассказы об индийской истории и географии.

Никогда я не думал, что когда-нибудь увижу своими глазами то, о чем прочитал так много. И когда я ходил по шумным улицам индийских городов в наши времена, стоял на берегу Бенгальского залива, видел знаменитые джунгли, исторические памятники прошлого величия, я не мог не вспоминать своего далекого детства и те раскрашенные картинки, которые служили подспорьем к моим «лекциям».

Н. ТИХОНОВ

Песня об отпускном солдате

Батальонный встал и сухой рукой
Согнул пополам камыш:
«Так отпустить проститься с женой,
Она умирает, говоришь!

Без тебя винтовкой меньше одной,—
Не могу отпустить. Погоди:
Сегодня ночью последний бой.
Налево кругом — иди!»

...Пулемет задыхался, хрипел, бил.
И с флангов летел трезвон,
Одиннадцать раз в атаку ходил
Отчаянный батальон.

Под ногами утренних лип
Уложили сто двадцать в ряд.
И табак от крови прилип
К рукам усталых солдат.

У батальонного по лицу
Красные пятна горят,
Но каждому мертвецу
Сказал он: «Спасибо, брат!»

Рукою, острее ножа,
Видели все егеря,
Он каждому руку пожал,
За службу благодаря.

Пускай гремел их ушам
На другом языке отбой,
Но мертвых руки по швам
Равнялись сами собой.

«Слушай, Денисов Иван!
Хоть ты уж не егерь мой,
Но приказ по роте дан,
Можешь идти домой».

Умолкли все — под горой
Ветер, как пес, дрожал.
Сто девятнадцать держали строй,
А сто двадцатый встал.

Ворон сорвался, царапая лоб,
Крича, как человек.
И дымно смотрели глаза в сугроб
Из-под опущенных век.

И лошади стали трястись и ржать,
Как будто их гнали с гор,
И глаз ни один не смел поднять,
Чтобы взглянуть в упор.

Уже тот далеко ушел на восток,
Не оставив на льду следа.
Сказал батальонный, коснувшись щек:
«Я, кажется, ранен. Да».

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Перекоп

Катятся звезды, к алмазу алмаз,
В кипарисовых рощах ветер затих,
Винтовка, подсумок, противогаз
И хлеба — фунт на троих.

Тонким кружевом голубым
Туман обвил виноградный сад.
Четвертый год мы ночей не спим,
Нас голод глодал, и огонь, и дым,
Но приказу верен солдат.

«Красным полкам —
За капканом капкан...»
...Захлебнулся штык, приклад пополам,
На шее свищет аркан.

За море, за горы, за звезды спор,
Каждый шаг — наш и не наш,
Волкодавы крылатые бросились с гор,
Живыми мостами мостят Сиваш!

Но мертвые, прежде чем упасть,
Делают шаг вперед —
Не гранате, не пуле сегодня власть,
И не нам отступать черед.

За нами ведь дети без глаз, без ног,
Дети большой беды,
За нами — города на обломках дорог,
Где ни хлеба, ни огня, ни воды.

За горами же солнце, и отдых, и рай,
Пусть это мираж — все равно!
Когда тысячи крикнули слово: «Отдай!» —
Урагана сильней оно.

И когда луна за облака
Покатилась, как рыбий глаз,
По сломанным, рыжим от крови штыкам
Солнце сошло на нас.

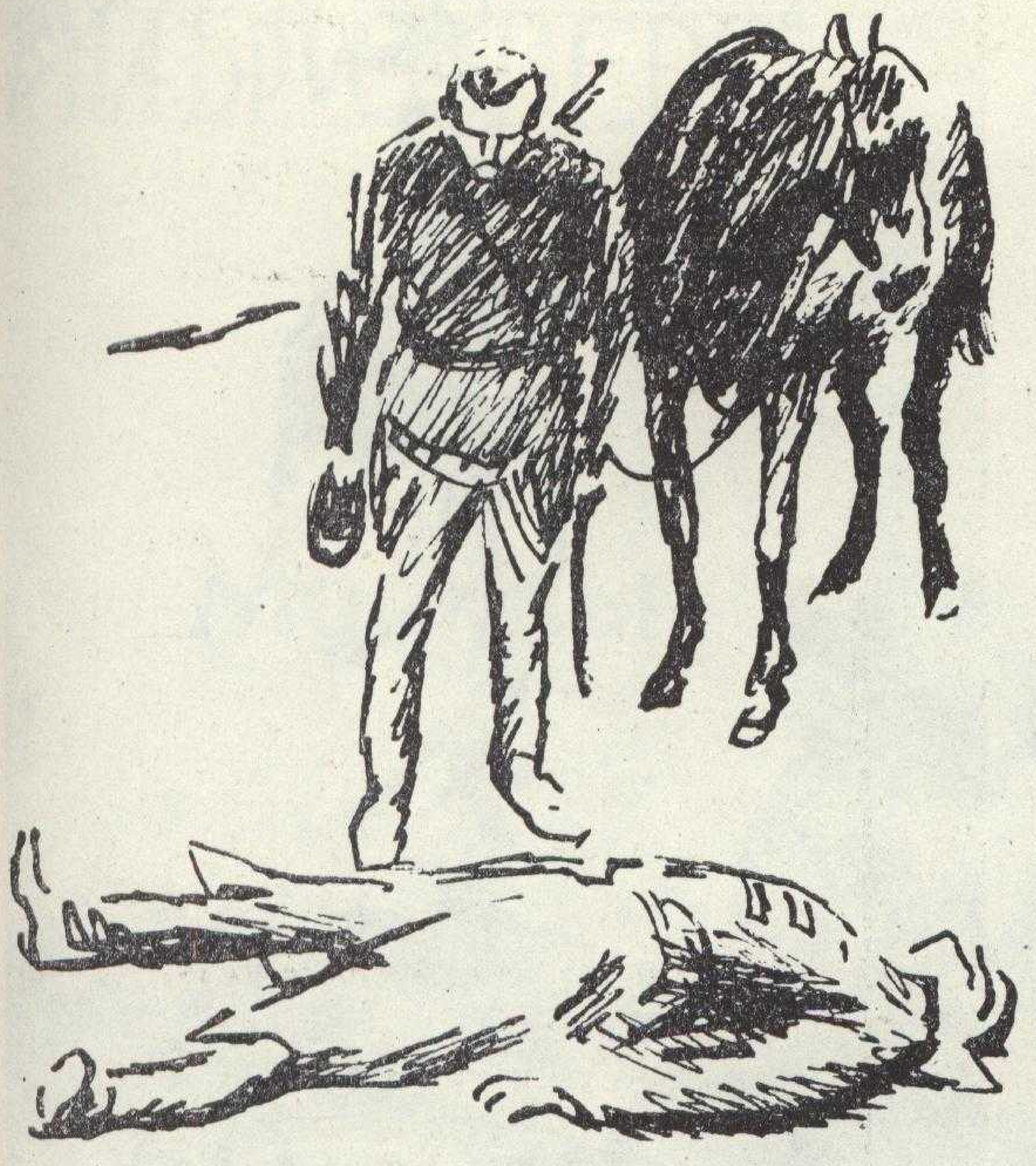
Дельфины играли вдали,
Чаек качал простор,
И длинные серые корабли
Поворачивали на Босфор.

Мы легли под деревья, под камни, в траву,
Мы ждали, что сон придет,
Первый раз не в крови и не наяву,
Первый раз на четвертый год...

Нам снилось, если сто лет прожить, —
Того не увидят глаза,
Но об этом нельзя ни песен сложить,
Ни просто так рассказать!

Смерть

друга

Я свежий труп ищу в траве,
Я свежий труп ищу,
Он пал с осколком в голове,
Я — странно! — не грущу,

Лишь потому, что и меня,
Чтоб знать, где зарывать,
Вот так же будут в травах дня
Товарищи искать.

Земля одна, и смерть одна,
Но почему я стал!
Мне голова его видна
И темных губ овал.

«Убит!» — сказали про него.
Я труп его искал.
Нашел, поцеловал его
И молча закопал.

И вот мы снова на борту вертолета. Впереди — последние меридианы... Помните, как в прошлом номере мы путешествовали из Сибири в Азербайджан? А сейчас наш фотопредводитель Дмитрий Диевич Ухтомский проложил курс над Главным Кавказским хребтом. Перелетев снеговые вершины, мы оказались...

Там, где растут удочки

Ну и чудеса! Толстые и длинные-длинные — метров в двадцать — бамбуковые «удочки» растут здесь, в Батумском ботаническом саду, как настоящий дремучий лес. Сквозь него не проберешься, если не вырублена тропа. Стволы гладкие, упругие, твердые, словно металлические трубы. Недаром из бамбука делают в тропических странах водопроводы и мосты. Интересно, что эти крепчайшие стволы называют соломинами. Ведь бамбук — злак и цветет, как наш овес, колосками. Из его зерен даже пекут хлеб. Молодые побеги бамбука люди тоже употребляют в пищу. Большой охотник до этого лакомства и бамбуковый медведь.

Через сто меридианов

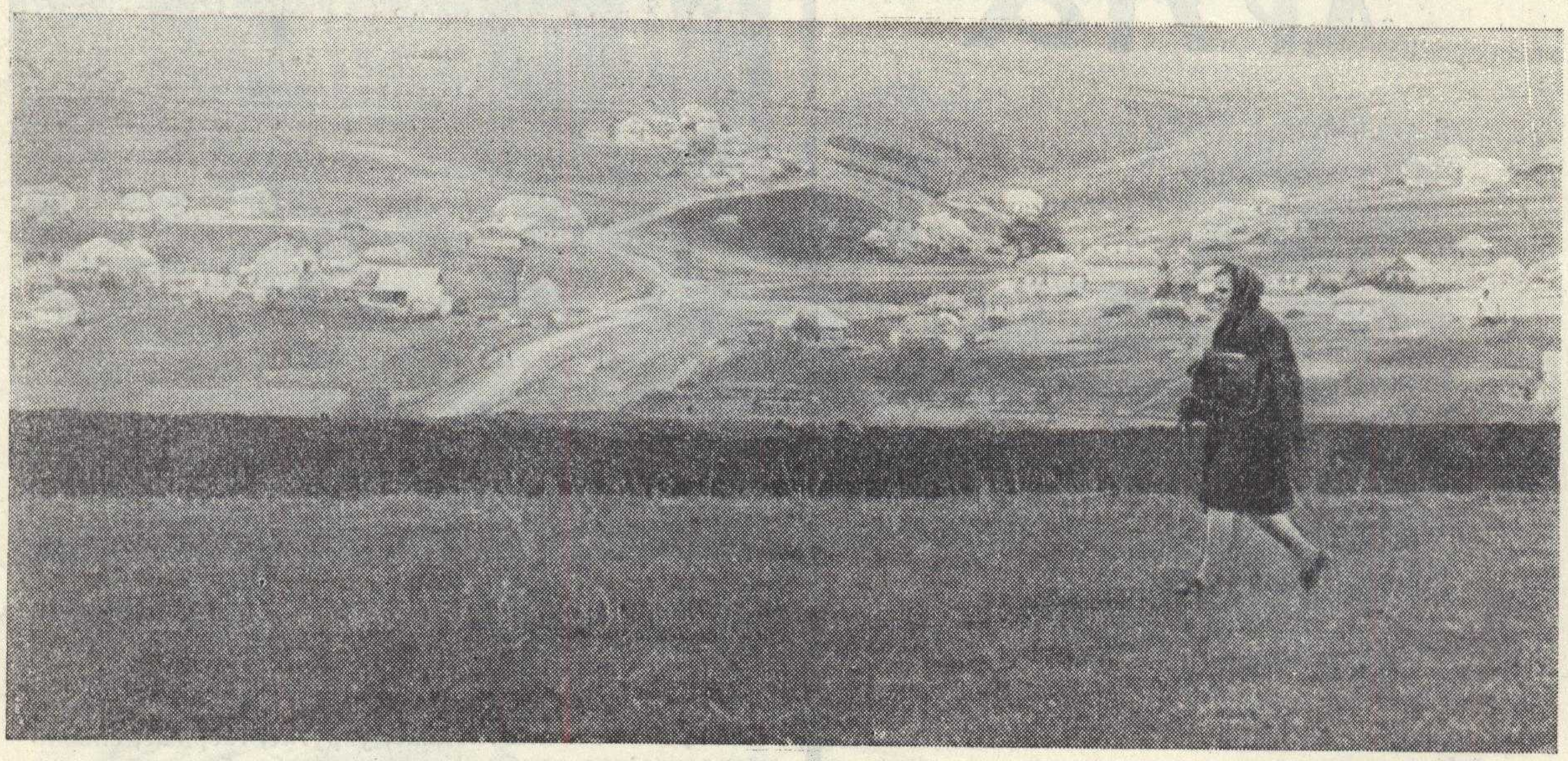
Черноморские Нептуны

Так в Новороссийском порту называют «Водолазы» — маленькие быстроходные катера аварийно-спасательной службы. Сядет какой-нибудь корабль на мель, получит пробоину в трюме или сорвется с якоря в девятибалльный шторм — и через минуту по сигналу «SOS» юркий «Водолаз» уже мчится на помощь.

Работы у «Водолазов» по горло. Они не только спасатели, но и строители, грузчики, саперы. Строится в нефтегавани новый причал для океанских танкеров — подводные сооружения поручают «Водолазам». Их зовут, когда надо очистить дно от неразорвавшихся глубинных бомб, поднять военные суда, затопленные в грозные годы гражданской и Отечественной войн. А таких судов похоронено в бухте немало.

Вот и сейчас команда «Водолаза» вытаскивает с морского дна останки миноносца. Оранжево-красный от ржавчины, рваный кусок металла совсем не похож на борт боевого корабля. А как трудно было взрывать его под водой, ощупывать в темноте и распиливать на куски газорезкой, чтобы потом из переплавленного металла родился новый могучий корабль!

Рита, которую ждут

От Черного моря мы повернули на северо-запад и встретили на пути, в Белгородской области, девушку-почтальона. Простая профессия — сельский почтальон. А нам эта девушка — ее звали Рита — показалась волшебницей. Сколько радости и новостей несет она в своей бывалой почтальонской сумке в каждый дом!

ОПЕРАЦИЯ „ЦВЕТЫ НА БРУСТВЕРЕ"

Фашистские самолеты встречал заградительный огонь наших зениток.

Небо Москвы

Лев КАССИЛЬ

Этим летом в московском небе над Тушинским аэродромом столицы целые дни круто взлетали, неслись кубарем под облаками, падали, кувыркаясь, словно бы ввинчиваясь в воздушную бездну, а затем снова возносясь отвесно ввысь, маленькие спортивные самолеты. Состязались в мастерстве, ловкости и отваге самые лучшие летчики-спортсмены всего мира. Ни одна самая быстрокрылая и отчаянная птица в мире не могла бы совершить того, что выделывали в московском небе мастера высшего пилотажа. И лучшими среди лучших, храбрейшими из храбрейших оказались в этом поднебесном состязании наши летчики и летчицы, ставшие чемпионами мира.

А я, закинув голову, едва успевая следить за тем, как стремительные машины выписывают веселые многосложные узоры в воздухе, думал о нашем московском небе. И вспоминал, каким мы видели его двадцать пять лет назад. Грозное военное небо 1941 года.

Именно с неба и пытался сразу же, чуть ли не с первых дней Великой Отечественной войны, дотянуться враг до Москвы. Еще далеко, за многие сотни километров от столицы, шли на западе бои с фашистами. А гитлеровцы уже нет-нет да и стали врываться в небо над нами. И все чаще и чаще будил по ночам москвичей многоголосый, просверливающий ночную тишину хор сирен, и голос диктора в репродукторах, которые тогда мы не выключали на ночь, предупреждал:

— Граждане!.. Воздушная тревога... Воздушная тревога.

Я помню ночь первой бомбежки, когда нескольким фашистским самолетам удалось прорваться сквозь заградительный огонь подмосковных зенитных батарей, укрыться в ночной темноте от рванувшихся навстречу врагам наших истребителей и проникнуть в небо столицы. И хотя город встретил воздушного врага трескучими звездочками

рвавшихся в вышине снарядов, выпущенных зенитками, и размашистыми лучами мощных прожекторов, которые словно мели небо, чтобы смахнуть с него ненавистных летучих наглецов, все же на столицу посыпались зажигательные бомбы, вызывая то там, то здесь мгновенные вспышки пожаров. А потом повисли над городом, безжалостно срывая с него защитную ночную тьму, осветительные ракеты фашистов, страшно и визгливо засвистело в воздухе — и тяжелые, гулкие, многопудовые удары сотрясли небо, воздух и землю города. Я помню, как вздрогнула крыша высокого дома на углу площади Пушкина и улицы Горького, где мне пришлось дежурить в первую ночь бомбежки.

И было нам не только страшно, хотя, что скрывать, жуть невольно пробиралась в сердце... Но куда сильнее страха была нестерпимая гневная обида: нельзя, невозможно было примириться с тем, что враг-фашист пробрался в небо над нашей Москвой. Что он грозит нам смертью и разрушением с нашего же неба, которое мы так всегда любили! Любили и в его дневной, солнечной переливчатой голубизне и в глубоком ночном покое, когда отсветы городских огней играли на невидимых облаках, растворившихся в темноте, и алым огнем горели над старинными башнями кремлевские звезды.

Аэростат сторожит небо над площадью Пушкина.

В те памятные горькие ночи не было огней ни на улицах, ни в окнах домов, заслоненных синими шторами. И укрыты были, не давали света своего кремлевские звезды. Только колючие звезды зенитных разрывов судорожно плясали на горизонтах столицы; вымахивали по небосклону лучи прожекторов, да шарахалось в темень полымя грохочущих фугасных взрывов, и просачивалось где-то сквозь дым зарево пожаров... И все пронзительнее точила сердце обида за город, нестерпимой становилась ярость.

Как же радовались, как хлопали мы в ладоши, как прыгали, топоча по железу крыши от восторга, когда наши зенитчики сбивали фашистский самолет и тот, оставляя косматый огненный след в черном небе, сверзался с высоты ко всем чертям и бухался наземь!

Да, мы знали, что Москва не оставит свое небо беззащитным. Одна ночная тревога следовала за другой. Но все гуще становился заградительный огонь наших зениток. Вокруг столицы в небе вставало грохочущее пламеносное кольцо, словно город надевал на себя сверху гигантский огненный непробиваемый венок.

И все чаще и чаще наши ночные истребители, воздушные защитники Москвы, сбивали на небесных подступах к ней вражеские самолеты.

Постоянные ночные воздушные тревоги лишали москвичей необходимого ночного покоя. Приходилось людям покидать свои постели и укрываться в бомбоубежищах, проводить бессонные ночи на перронах подземных станций метро. А утром все расходились по своим трудовым постам. И невыспавшиеся, усталые, издерганные тревогами и постоянно нависавшей с неба опасностью, москвичи занимали свои места у заводских и фабричных станков, за столами учреждений, за рулевыми баранками автобусов. А тысячи и тысячи шли с лопатами на подмосковные поля и в леса, чтобы рыть там окопы, возводить укрепления. Потому что

враг не только грозил с неба, но и подходил все ближе к Москве по земле.

Я никогда не забуду тех московских военных дней и тревожных, бессонных ночей. Мне пришлось побывать и у зенитчиков, и на аэродромах истребительной авиации, и там, где у московских застав ставили противотанковые надолбы, готовясь в случае чего остановить фашистов уже на самых границах города. И у меня сохранилось немало записей о том времени в писательских и корреспондентских блокнотах. Кое-что из записанного было уже напечатано в газетах, журналах, книгах, кое о чем не раз приходилось рассказывать тем, кого и на свете еще не было, когда столица наша геройски защищала себя и свое небо.

Я навсегда запомнил встречу с молоденьким москвичом, летчиком Виктором Талалихиным. Мы уже знали о его подвиге, читали, как он, истратив все патроны и снаряды, пошел своим истребителем на таран и сбил воздушного врага, пробивавшегося в небо Москвы. За этот смелый, геройский поступок он и получил заслуженно звание Героя Советского Союза. И как же гордились им его ровесники из Мясокомбината, где он недавно еще работал!

— Меня просили, в общем, сказать, как я решился идти на таран, — смущенно краснея всем и без того румяным лицом, рассказывал он нам. — А что же мне было, упускать фашиста, что ли? Патроны, боезапас у меня кончились. Он бы и улетел к себе. А я подсчитал так: ну хорошо, я тоже в крайнем случае гробанусь, но все-таки я-то один на «ястребке» своем, а их там, на «юнкерсе», целых четверо. Значит, как-никак, счет будет четыре на один в нашу пользу... И такая злоба меня взяла, аж весело и жарко стало. Не дам, думаю, ему к нашей Москве пробиться. Я и взял их на таран. Ну и протаранил.

И он очень наглядно изобразил движение своего самолета рукой, которая была вся забинтована, так как он сильно поранил ее при таране...

А однажды во двор, где я дежурил во время ночной бомбежки, пришли трое «фабзайцев» — так мы тогда называли учеников фабрично-заводских училищ. Они вошли лесенкой: старший, средний, младший. Пальцы у них были темные, под глазами полукружья от копоти. Видно, возвращались с работы, спешили и не отмылись.

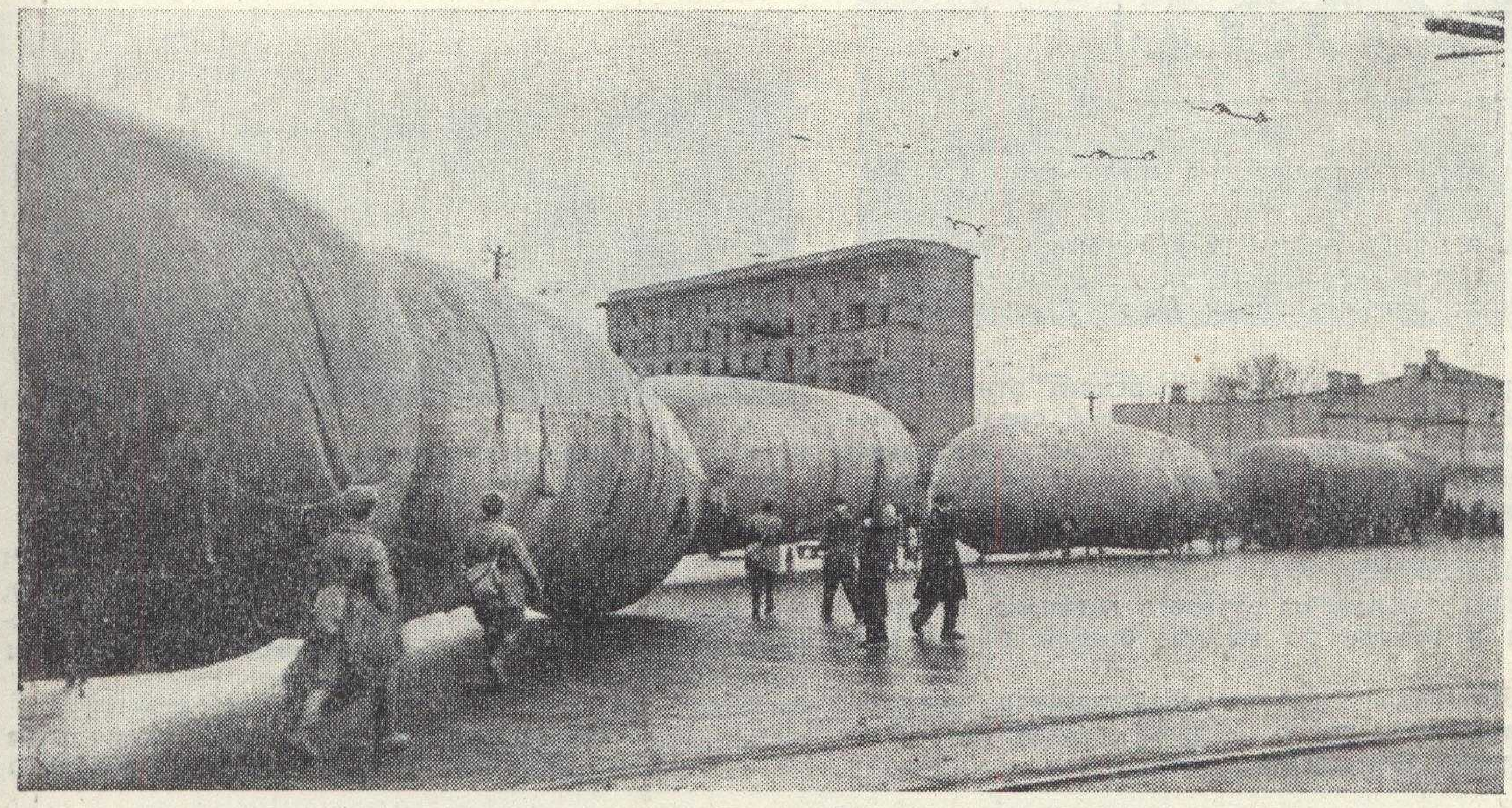
— Тут, значит, и заночуем, директор? — спросил самый маленький, деловито оглядывая наш двор.

— Да, выходит, надо располагаться, — отвечал тот, кого назвали директором.

— Третий день никак до дому не дойдем, — сверкнув ослепительными зубами, как бы светившимися в темноте, сказал средний.

Мы разговорились, и я узнал, что они действительно уже третью ночь никак не могут добраться до дому. Смена у них кончается поздно, а по дороге домой всякий раз застает тревога.

Тут во двор вышел комендант наш и велел трем приятелям немедленно спуститься в бомбоубежище. Они неохотно подчинились.

А эти аэростаты готовы в любую секунду подняться в небо.

Нашли в подвале какую-то фанеру, устроились на ней. И через несколько минут, крепко обняв друг друга, все три приятеля уже спали. Проснулись они в тот момент, когда комендант крикнул с лестницы: «Мужчины, наверх! Тушить надо...» И все трое мгновенно выскочили во двор, над которым только что пролетел фашистский бомбардировщик, сбросив десятки «зажигалок», как мы называли тогда зажигательные бомбы. Народ у нас во дворе был уже обстрелянный и тут не растерялся. «Зажигалки» были немедленно загашены песком и водой. Но вдруг из щели в воротах небольшого гаража около нашего дома замерцал какой-то подозрительный, ядовитый свет. Оказалось, что бомба пробила крышу и проникла в гараж. А сторож гаража не явился к тревоге и не выкатил, как полагалось, машину во двор.

Прежде чем кто-нибудь успел сообразить, как надо действовать, я уже увидел, как паренек, прозванный «директором», подставил свою спину, на нее тотчас же вскарабкался средний фабзаяц, а на спину среднего полез самый младший фабзайчонок. Он уцепился за переплет окна, расположенного высоко над землей в стене гаража, повис, подтянулся, выбил стекло и, перегнувшись через подоконник, свалился в гараж, откуда уже шел смрадный дым, освещенный багровым пламенем.

Когда через минуту ворота гаража были взломаны, мы увидели между двух автомашин, рядом с новеньким мотоциклом, нашего фабзайчонка, который, яростно притопывая, прыгал на куче песка. Огня уже нигде не было.

— Ну вот, — сказал мальчишка, которого дразнили директором, — здорово. Костюха! И тебе вышло. Это, пожалуй, чище, чем мы с Митькой вчера на Красной Пресне.

— А что вчера? — поинтересовался я.

— Да нет, мы там дровяницу растаскали вовремя, пока не загорелась...

Не забуду я одну долгую октябрьскую ночь, которую мне довелось провести на даче в нашем подмосковном писательском городке. Возле него находились батареи противовоздушной обороны Москвы. Всю ночь над нашей дачей грохотал заградительный огонь зениток. Осколки снарядов свистели в саду, шуршали в поредевшей листве и звонко щелкали о крышу.

Мимо по Можайскому шоссе, к фронту, грозно приблизившемуся к нам за прошедшую неделю, двигались в темноте грузовики, ползли танки, шла артиллерия. Загорались потайные желтые, зеленые и красные фонарики в руках невидимых регулировщиков.

Далеко за полночь тяжкий удар потряс дачу. Утром мы узнали от соседей, что неда-

---

Донесения из п/я 2331

● Дневник сообщает подробности подвигов ● Задание «Пионера» выполнено ● Просьба старшего лейтенанта Майорова.

СТАРШЕ НАС НА ТРИ ГОДА

Начальнику штаба операции «Цветы на бруствере» Маршалу Советского Союза Ф. И. Голикову, члену штаба генерал-майору П. А. Еремину.

Мы, красные следопыты пионерского отряда имени Героев 10-й армии Волхонщинской средней школы, Плавского района, Тульской области, выполнили ваше задание. Летом мы побывали в деревне Береговая, на месте гибели военфельдшера, командира санитарного взвода 1113-го полка Елизаветы Александровны Шамшиковой.

Высылаем выписку из путевого дневника, который мы вели в походе по местам боевой славы 10-й армии.

Лизу Шамшикову и Алешу Бурмистрова, который, как и Лиза, отдал жизнь за наше счастье, мы избрали почетными пионерами нашего отряда.

Вон там, за старыми липами, стоял сарай, в котором погибла Лиза Шамшикова.

Мы собираем материал о 10-й армии, разыскиваем воинов этой армии, которые освобождали наш город Плавск. Недавно наш пионерский отряд стал называться отрядом Героев 10-й армии. Это звание нам присвоили школьные комсомольцы.

Командир отряда красных следопытов
Сережа АНИЩЕНКО

леко от нас ночью сбили фашистский бомбардировщик. Мы отправились взглянуть на поверженного. Промятое и раздробленное крыло свалилось в кювет шоссе. Холодная, блеклая трава, прибитая при ударе самолета о землю, уже привстала между остывшими полуобгоревшими обломками. Расхаживал равнодушно часовой, чем-то вдруг напомнивший мне волжского бакенщика, которого поставили сторожить тело утопленника. По шоссе, спеша на работу, шли невыспавшиеся люди, направляясь к станции. Коротко, почти на ходу, взглянув на задранный хвост с фашистской свастикой, удовлетворенно кивнув головой, они шли своей дорогой. Только у самого самолета толпились ребята из соседней школы, и знакомый мне учитель-комсомолец звучно и неспешно объяснял:

— В прошлый раз мы с вами на Минском шоссе рассмотрели самолет «хейнкель-111», — говорил он тем же голосом, каким обычно объяснял физический опыт в классе. — Сегодня перед нами типичный германский бомбардировщик «юнкерс-88», или, как его называют, «Ю-88». Это пикирующий бомбардировщик, действующий как по живым целям, так и по сооружениям... Между прочим, это касается и Пети Сырикова, который сейчас не слушает, а во время воздушной тревоги не может отличить «юнкерс» от самого обыкновенного «мессершмитта».

Мы ушли, невольно ступая на носки, чтобы не мешать уроку с таким неожиданным наглядным пособием...

Обо всем этом и о многом, многом другом вспоминаю я сейчас, когда столица наша отмечает двадцатипятилетие со дня разгрома фашистов на подступах к ней с земли и с неба...

Хорошее у нас небо сегодня над головой!

Спускаются на дорожки столичных аэродромов огромные воздушные корабли, прилетевшие из дальних и ближних краев нашей страны и со всех концов мира. Столица по-родственному встречает спускающихся с неба москвичей, на время покидавших по разным делам своим родной город, приветствует гостей из разных городов и стран.

Днем и ночью горят немеркнущие красные кремлевские звезды на башнях.

Высоко в небо столицы, давно уже перегнав великаньим ростом своим знаменитую Эйфелеву башню Парижа, готовясь скоро стать самым высоким сооружением на нашей планете, поднялась новая башня-мачта московского телевизионного центра, строящаяся в Останкине. А пониже кружатся голуби, дрынчат хвостатые пионерские змеи над городом.

...До чего же я люблю наше просторное мирное московское небо, которое мы сумели защитить двадцать пять лет назад!

Выписка из путевого дневника красных следопытов отряда имени Героев 10-й армии

Деревня Береговая. *Сейчас здесь один из богатых колхозов Тульской области — колхоз «Новый мир». В широкой пойме реки Оки — красивые дома колхозников. Трудно представить, что двадцать пять лет назад все здесь кипело в огненном шквале.*

Мы приехали сюда по заданию командующего 10-й армией, Маршала Советского Союза Филиппа Ивановича Голикова. «Под городом Белевым, в деревне Береговой, совершила героический подвиг медицинская сестра Лиза Шамшикова,— писал нам Филипп Иванович.— Когда нашим частям пришлось отступить, Лиза отказалась оставить раненых и погибла вместе с бойцами. Фашисты подожгли сарай, в который раненых принесли на руках наши санитары».

И вот мы стоим на обрывистом берегу реки, у старых деревьев, оставшихся от большой липовой аллеи, у того самого места, где стоял сарай, и слушаем рассказ очевидца событий, колхозного механика С. Е. Паршина.

Недалеко отсюда на колхозном поле работает трактор. В реке купаются загорелые деревенские ребята. Высоко над ними — безоблачное небо.

Мы вот о чем думаем: Лиза была только на три года старше нас.

Наши мальчишки и девчонки, всегда такие веселые, шумные, замерли, замолчали, будто повзрослели. Мы вспоминаем прошлое.

Похоронена Лиза в трех километрах отсюда, в деревне Жуково, в братской могиле. Правительство высоко оценило ее подвиг. Посмертно она награждена орденом Красного Знамени.

Деревня Кураково.

В этой деревне жил и погиб смертью героя юный народный мститель Алеша Бурмистров. Когда фаши-

сты пришли в Кураково, Алеша вместе с Николаем Мельниковым и Николаем Анисенковым решили действовать. Ребята шилом прокалывали баллоны немецких автомашин, разрезали мешки с мукой и зерном, при погрузке все высыпалось на землю.

Началось наступление наших войск под Москвой. Под натиском наступающих дивизий 10-й армии фашисты побежали назад и на Белевском направлении.

В разрушенном доме на краю Куракова, у дороги, они оставили пулеметчиков.

Алеша автоматной очередью убил двух гитлеровских офицеров и солдат. Немцы, оставшиеся в живых, успели схватить Алешу и расстреляли его.

Город Белев. *Мы идем по улице Лизы Шамшиковой. Нам стало понятно, почему говорят: у героя две жизни. Вот она, вторая жизнь Лизы — она в названии улиц, пионерских дружин и отрядов, в вечной народной памяти, любви и благодарности к этому человеку. И еще мы вот о чем думаем: Лиза была только на три года старше нас.*

МАМА, ПРОЧИТАЙ!..

Мне дочка дала журнал «Пионер» № 7 1966 года и говорит: «Мама, прочитай, может быть, это пишут про тот 1-й полк аэростатов заграждения, в котором ты служила».

Прочитала. Да, я служила в этом полку. А теперь дочка меня просит, чтоб я написала свои воспоминания и послала в штаб операции «Цветы на бруствере».

Не знаю, с чего и начинать, что написать, ведь служила я рядовым солдатом и никаких подвигов не совершила.

Но когда я прочитала статью в журнале, меня охватило какое-то волнение и радость, что вспомнили о нас.

Когда началась война, мне было шестнадцать. В апреле 1942 года начали мобилизовывать девушек в армию. Я написала заявление в Куйбышевский райвоенкомат Татарской АССР, чтоб и меня взяли. Ответили, что мало лет.

А нескольким моим подругам пришли уже повестки: явиться в военкомат. Я пишу второе заявление. Прибавила себе один год. Указала, что у меня нет родных, кто мог бы пойти в армию: возьмите, мол, меня, я хочу, чтоб и мое маленькое участие было.

Ну, конечно, не скрою, хотелось мне стать летчиком, как и большинству молодежи того времени, но я не прошла по состоянию здоровья — больное сердце.

Не помню, какого числа, в апреле 1942 года, ночью мы подъезжали к Москве. Прибыли в Кунцево, как мне помнится, там был распределительный пункт. Нам объявили, что мы все будем проходить службу в войсках ПВО по охране и защите столицы, что мы будем входить в Особую московскую армию ПВО.

М. М. Лещинская (Германова).

И начали нас распределять по частям.

Одни попали в прожекторные, другие в зенитные, а я — в 1-й полк аэростатов заграждения.

Я уже точно не помню, как сказано в учебниках про назначение аэростатов, напишу своими словами. Боевое положение части — когда аэростаты подняты в воздух, а поднято их много, построены они в шахматном порядке, и получается заграждение против вражеских самолетов. При столкновении самолета с тросом аэростата (аэростат поднят на стальном тросе) самолет разбивается.

Сам факт, что путь в небе закрыт, воздействовал, конечно, на моральное состояние летчика: он боялся натолкнуться на трос аэростата. Когда аэростаты в воздухе, летчик должен менять курс полета. Сбиваясь с определенного курса, летчик сбрасывает свой груз — бомбы не там, где было намечено. Мы старались не пропустить фашистские самолеты к Москве.

Подвигов мы не совершали, служили так, как требовал устав: поднимали и спускали аэростаты, транспортировали газ—водород, несли караульную службу и дослужили до дня Победы.

С приветом

М. Лещинская, а теперь **Германова**.

Операция «Цветы на бруствере» закончена. Штаб операции подводит итоги. Сообщения штаба читай в первом номере 1967 года!

МЫ ПОЛУЧИЛИ ГВАРДЕЙСКОЕ ЗВАНИЕ

Прочитал июльский номер журнала «Пионер». В операции «Цветы на бруствере» говорится о 71-й отдельной морской стрелковой бригаде. Я был рядом с ней в боях, в районе города Дмитрова. Мы прибыли на фронт 9 ноября 1941 года, заняли оборону в Дмитрове. 3 декабря 1941 года наш батальон пошел в разведку боем, а ночью вместе с конницей генерала Доватора перешел в наступление. Наша бригада первая вошла в Клин. Мы получили гвардейское звание.

23 декабря 1941 года я был тяжело ранен под деревней Чайниково, Лотошинского района, Московской области. Мне очень тяжело, что больше половины людей из нашей бригады погибло, многие стали инвалидами. Мне бы очень хотелось, чтобы вы, красные следопыты, помогли найти тех, кто из нашей бригады остался в живых.

С приветом,

Старший лейтенант **М. МАЙОРОВ**,
бывший командир 1-й пулеметной роты
1-го батальона Гвардейской бригады 1-й ударной армии.

пос. Берендеево, Ярославская обл.

Проводник Красной Армии

Евгений МАР

Рисунки Н. БОРИСОВОЙ.

Начинался штурм Перекопа. Надо было найти броды через Сиваш, чтобы перевести на тот берег колонну красноармейцев. Проводника искали недолго.

— Иван Оленчук из Строгановки. Лучше его нет проводника, — говорили в один голос местные жители. — Он, почитай, всю жизнь возле Сиваша соль добывает.

И вот Иван Иванович Оленчук вызван в штаб командующего фронтом Михаила Васильевича Фрунзе.

— Какой он сейчас, Сиваш, сухой или мокрый? — спросил Фрунзе.

Оленчук, подумав, ответил:

— Есть сухой, а есть и мокрый. Иные места никогда не высыхают. Такое оно, «Гнилое море».

— А эти гнилые места обойти можно?

— Днем можно, а ночью легко и в топь попасть.

— А какова ширина залива?

Оленчук ответил, что точно не знает, восемь или десять верст. Тогда Фрунзе вынул спичку из коробки и измерил расстояние на карте.

— Выходит, восемь верст, не больше. Ну что ж, идите, Оленчук, ждите приказа.

И дал Оленчуку записку: «Иван Иванович Оленчук занят по делам службы. Фрунзе».

— Покажите записку, и вас никто беспокоить не станет, — сказал командующий проводнику.

С тревожным сердцем возвращался домой Оленчук. Нет, его не пугала опасность. Он уже успел повоевать в партизанах. Ходил на белых с одним дробовиком, как охотники ходят на зверя. И не судьба собственных детей заботила добытчика соли из Строгановки, хотя их у него было семеро. Советская власть не забудет в случае чего детей, без отца поднимет. Оленчук понимал, какую ответственность брал он на себя, и это его тревожило. По дороге, которую он укажет, пойдут тысячи бойцов. От Оленчука зависела их безопасность, а может быть, и исход всей битвы за Крым.

Оленчук хорошо знал коварный характер «Гнилого моря». Подует ветер с запада — вода уйдет, подует с востока — быть беде. Много народу погибло в «Гнилом море», когда его заливало.

Оленчук ворочался с боку на бок на своей лавке. Сон не шел к нему. Все мерещились перед глазами чаклаки — круглые черные пятна на песке. Песок в них зыбкий, оступишься — и засосет.

Переход был назначен под утро 7 ноября 1920 года, в канун третьей годовщины Ок-

тябрьской революции. На берегу Сиваша собрались бойцы головного отряда.

Командиры прошли по рядам, проверили, хорошо ли пригнано снаряжение. Ничего не должно было звенеть и бренчать. Разговаривали вполголоса.

Туман стоял в этот час над Сивашом, как завеса. Прожектор с Турецкого вала прощупал наш берег и лениво погас. Белые не заметили ничего подозрительного.

Раздался приказ:

— Можно закурить!

На Сиваше курить не придется. И проводник, обутый в высокие рыбацкие сапоги, торопливо задымил своей трубкой-носогрейкой.

— Проводник, вперед! — услышал команду Оленчук. — Пошли!

Холодно, ветрено. Борода и брови Оленчука, даже воротник его теплого крестьянского кожуха заиндевели.

— Настоящий мороз, — сказал комиссар, шагавший рядом. — Я и не думал, что в Крыму так холодно.

— Одно слово — Сиваш, — коротко, но многозначительно отозвался проводник.

Вдруг он остановился. Зоркий его глаз приметил первые чаклаки.

— Пусть обходят черные пятна, держатся правее!

— Осторожно! Правее! — пронеслось по рядам.

У Строгановки, которая осталась позади, еще горели костры. И по тому, что огни их становились все менее приметными, люди понимали: идти оставалось недолго.

Через несколько минут Оленчук сказал комиссару:

— Дошли. Литовский полуостров!

— Ложись! — прозвучала тихая команда.

Бойцы поползли к проволочным заграждениям. Послышался лязг ножниц. Комиссар скинул шинель, бросил ее на проволоку.

— Вперед! Ура!

Первые заграждения были взяты, а проводник должен был возвращаться, не дожидаясь исхода боя.

Все глуше и глуше доносился до него шум схватки. По проложенной тропе уже двигались новые колонны. Это шла подмога. Артиллеристы на руках подтягивали орудия, пулеметчики вытаскивали из трясины колеса тачанок. Огромная сила войск двигалась на Литовский полуостров.

На берегу дали повозку. Это Фрунзе распорядился, чтобы проводник мог поскорее добраться до дому и отдохнуть. Завтра он должен был переправлять еще одну колонну, но уже другим бродом.

На следующий день он снова шагал впереди войск. Саперы прокладывали в топких местах пуки соломы и связанные из толстых прутьев мостики. Телефонисты тянули связь. Двигалась тяжелая артиллерия. Красная Армия наступала. Участь белых войск Врангеля была решена.

Проводник Красной Армии Оленчук — за ним это высокое звание сохранилось и после освобождения Крыма — так и остался жить на берегу Сиваша, в Строгановке, той самой, где долгое время стоял штаб Михаила Васильевича Фрунзе.

И случилось, что много лет спустя, в годы Великой Отечественной войны, когда наши войска освобождали Крым, снова понадобился человек, хорошо знающий броды через Сиваш. Седой командир, что знал Перекоп еще в гражданскую войну, тотчас вспомнил про Оленчука — проводника Красной Армии, и след его отыскался. Но вместе с отцом навстречу командиру вышел на этот раз и сын проводника Григорий Оленчук.

Они вдвоем повели наши войска на штурм Крыма старыми, давно изведанными тропами, чутко следя за направлением ветра. От «Гнилого моря» можно ожидать любых подвохов, но отец и сын успешно довели войска до цели.

После победы над фашистской Германией Иван Оленчук и его сын Григорий были награждены за свои заслуги орденами.

Если вам доведется побывать в Строгановке, спросите о проводниках Красной Армии, и вам наверняка покажут кого-нибудь из Оленчуков.

Живая цепь

Связистам в походе, пожалуй, достается больше других. Тут бойца от бойца отделяют иной раз сотни метров. Тяни связь и поглядывай заодно, не ползет ли вражеский лазутчик, любитель подслушивать чужие разговоры и резать провод.

На миру, говорят, и смерть красна, а связисту приходилось частенько умирать в одиночку.

Он всегда в работе, наш связист. Дежурит в штабе у телефона и сна не знает. Все кричит в трубку, вызывая соседа:

— «Коршун», а «Коршун», куда ты пропал? Это я, «Ястреб». Принимай приказ «Четвертого».

«Ястреб» и «Коршун» — это секретные позывные связистов, а «Четвертый» — это командир полка. Так его называют, чтобы враг не узнал, если подслушает.

Молчит «Коршун» — и «Ястреб» тревожится: может быть, провод поврежден, а может быть, его товарищ, связист, тот, что «Коршуном» зовется, ранен или убит.

Случается, при отступлении связист последним уходит с поста. Вот уже белые рядом, а он все вызывает подмогу. И уходит, если только успеет уйти.

Отличиться связисту нелегко. Взять в плен кого-нибудь — особая удача. Винтовка у связиста за плечом, а в руках катушка с проводом. Пока успеешь снять оружие да изготовиться, сам пулю получишь.

Четко работает связь — так, значит, и должно быть. Знай передавай о том, как наши берут города и села. Ну, а если оборвется связь, на голову связиста обрушатся все громы и молнии. И хотя связисты сами и не берут городов, а только следуют за теми, кто идет впереди, среди них есть, конечно, настоящие герои.

Все, кто принимал участие в штурме Перекопа и освобождении Крыма, слышали, наверное, о подвиге красноармейцев роты связи героической дивизии Блюхера.

Это они вслед за штурмовой колонной тянули провод через Сиваш. Когда ветер изменил свое направление и «Гнилое море» начало наполняться водой, они не ушли на берег, а так и стояли в воде, держа над головой на вытянутых руках провод. А вода все прибывала. Она сначала была связистам по пояс. А тем из них, кто невысокого роста, и по грудь. Руки стыли и немели. Пить хочется. Но вода хоть и рядом, а морская, соленая.

Командир, обвешанный фляжками с пресной водой, то и дело обходил ряды, давая каждому связисту по глотку.

— Держитесь, скоро придет смена!

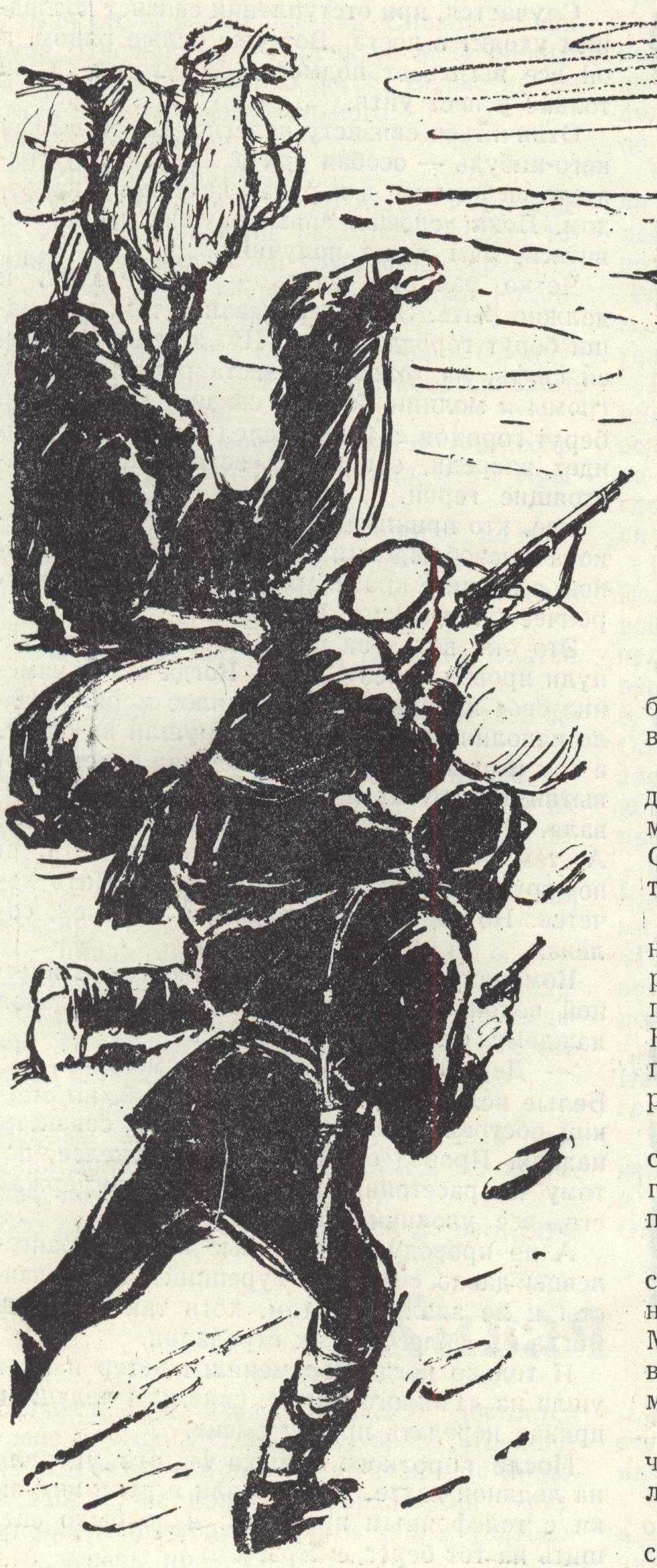
Белые вели с того берега нечастый, но меткий обстрел. Раненые и убитые связисты падали. Провод становился все тяжелее, потому что расстояние между теми, кто держал его, все увеличивалось.

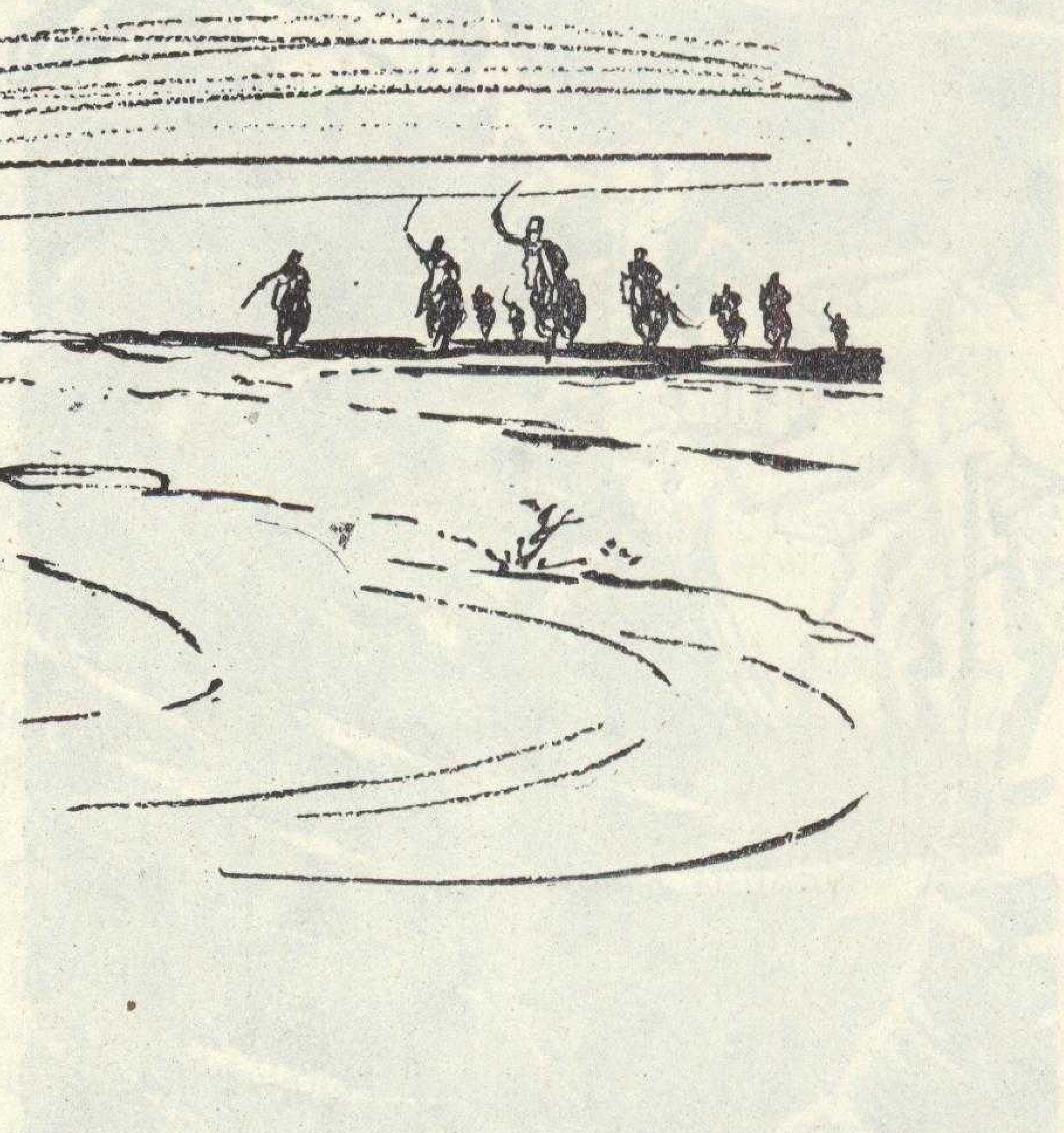
А по проводу шли добрые вести. Врангелевцы давно оставили Турецкий вал. Связисты и не знали об этом, хотя такая весть могла бы облегчить их страдания.

И только когда переменился ветер и вода ушла из «Гнилого моря», связисты получили приказ передать провод смене.

После короткого отдыха те, что уцелели на ледяной вахте, снова взяли в руки катушки с телефонным проводом: надо было спешить на тот берег, в Крым.

Хлебный комиссар

Продотряд — это забытое сейчас слово было хорошо известно и в годы гражданской войны и когда смолкли последние ее залпы. Бойцы продотрядов — присланные из городов рабочие — охраняли сданный крестьянами хлеб и доставляли его к месту назначения. С помощью бедняков разыскивали они спрятанные кулаками запасы зерна.

Нелегко было хлебным комиссарам — так называли начальников продотрядов. На эту работу назначались самые опытные, самые проверенные коммунисты и комсомольцы. Не раз подстерегала продотрядовцев в пути пуля, выпущенная из кулацкого ружья-обреза.

В 1921 году, о котором и будет здесь рассказано, страшнейший недород поразил многие районы страны. К голодающим городам прибавились еще и голодающие деревни.

Люди, охранявшие государственный хлеб, сами голодали. Для них законом была хлебная норма тех городов, откуда они посланы: Москвы или Петрограда, Ростова или Иванова. А получали там в ту пору двести граммов хлеба в день, не больше.

Бывало, стоит на посту у эшелона с хлебом часовой-продотрядовец и вдруг падает в голодном обмороке.

Главком продотрядов Российской Советской Республики, народный комиссар продо-

вольствия Александр Дмитриевич Цюрупа показывал всем пример стойкости и выдержки. Однажды перед началом заседания Совета Народных Комиссаров он почувствовал себя плохо. Когда вызвали врача, тот, осмотрев Цюрупу, сказал только:

— От голода.

Комсомолец Алексей Гончаров, командир небольшого продотряда, вместе с другими комсомольцами вез караван с хлебом для жителей села Азгир в Ставрополье. Банда мельника Коныря вывезла из этого села весь хлеб до зернышка и обрекла людей на голодную смерть.

На целую версту растянулся караван. Впереди на коне — сам хлебный комиссар Алеша Гончаров. За ним тянулись волы с возами, вышагивали навьюченные мешками верблюды.

Путь был трудный. Остановки делали все реже и реже. Жара, степь. Воды не хватало. А надо было следить за тем, чтобы не рассыпалось драгоценное зерно, да зорко поглядывать по сторонам.

И вдруг впереди на дороге что-то заклубилось.

Это прямо на хлебный обоз мчались лавиной всадники. Бойцы отряда спешились и заняли оборону. Недолог был бой. Запас патронов быстро иссяк. Банда окружила хлебного комиссара и оставшихся в живых комсомольцев.

Конырь сам допрашивал Гончарова.

— Хлеб везешь? Полюбуйся, где твой хлеб! — кричал Конырь, указывая вдаль плеткой, и Алексей увидел, как бандиты угоняли хлебный обоз в степь.

— Не будет у вас хлеба, все с голоду перемрете!

— Будет, — отвечал Алеша. — Еще пришлют. Людей без хлеба не оставят.

Конырь зашелся от ярости. Нет, он не стал бить хлебного комиссара.

— Я на таких плетку и пулю жалею. Вы у меня особой смертью умрете. Связать — и в колодец! — приказал Конырь своим подручным.

Бандиты схватили комсомольцев, связали их и кинули в заброшенный колодец.

Но между тем события получили неожиданный и невеселый для бандитов оборот. Один из обозников сумел убежать и известил о случившемся отряд Красной Армии. Красноармейцы отбили обоз, причем сам Конырь был в стычке убит, а его бандиты пойманы.

Командир части собрался уже сообщить в Москву о геройской гибели продотряда. Но тут кто-то услышал слабый стон из колодца. Бойцы опустились в колодец по веревке и вытащили трех уже потерявших сознание, но еще живых комсомольцев.

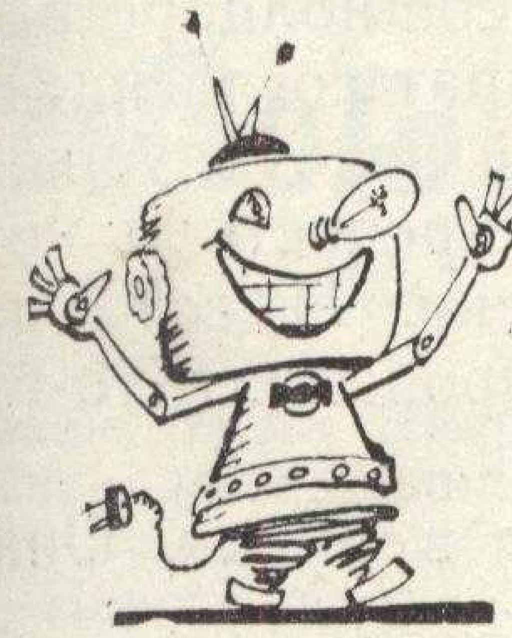
В селе Азгир устроили лазарет для спасенных. Когда Алексей Гончаров пришел в сознание, он первым делом спросил:

— Как хлеб?

— Спасли твой хлеб, — ответили ему. — Отличный, между прочим, хлеб. Вот он, на тарелке, можешь отведать.

Через неделю хлебный комиссар был уже на ногах, а еще через неделю снова ехал на коне впереди нового хлебного каравана.

Новогодний Смехотрон

Известно, что под Новый год никто не остается без подарка. Вот и наш Смехотрон тоже. По почте прислали ему ящик, в ящике том — прибор непонятной конструкции и к нему письмо:

«Дорогой Смехотроша, это прибор ЧМНР. Мы его сами изобрели. Носить его надо на спине, у него есть для этого лямки, как у вещевого мешка. Надень, а контакты подключи к своей голове. Если будут у тебя приключения с нашим прибором, напиши о них в журнале, да посмешнее! С Новым годом!

Ребята с дет. тех. станции из города Д.».

Сидел Смехотрон на полу, вертел в руках подарок, дул в него, нюхал его, во все дырочки заглядывал и при этом гадал:

«ЧМНР — что же это такое? Может быть, Чемодан Маленьких Ног-Рук? Или Чудесное Множество Новых Радостей? А что, если Чемпион—Могучий Ныряльщик Рек? Или — Чистое Мороженое Необыкновенного Рецепта? Нет, гадать, кажется, бесполезно»,—решил Смехотрон и стал прилаживать прибор на спине, как сказано в инструкции. Он даже поглядел на себя в оконное стекло, и обновка ему понравилась, отчего забурлила в нем энергия ЧИ.

Тогда, полон этой веселой энергии, наш маленький отважный робот нажал на приборе кнопку пуска— и произошло нечто совершенно неожиданное.

Надо сказать, что дело было ночью, под Новый год, у нас в редакции. Все сотрудники были дома в это время.

Итак, Смехотрон нажал кнопку и... Впрочем, загляните на страницу 31.

А. ЛЕЛЬЕВР

Рисунки
В. ПЕРЦОВА.

РАКУШКА

Учительница отругала меня. И мне вдруг стало грустно-грустно. Она сказала, что я никогда не увижу ничего интересного, если буду все время смотреть в окно. «Что там интересного на улице?» — сказала она.

И правда — ничего. Все ждешь-ждешь, думаешь: вот сегодня будет что-то такое. Или, может, завтра будет. Но все получается не так, как хочешь. Совсем-совсем не так.

И тут я вспомнил про свою ракушку. Я быстро достал ее из кармана и положил на парту. Я так обрадовался, я смотрел на нее, а она лежала передо мной, она была такая — вся в ярких пятнах. Папа сказал, что такие ракушки водятся далеко отсюда, в теплых морях.

Когда-то, наверно, она ползала по белому песку, играла на дне со своими подругами. И солнце, падая в волны, забавляло ее веселыми зайчиками. А на дне — там тишина, ничего не слышно, никаких голосов — ни моря, ни ветра. Только булькают пузыри.

Я наклонился к ракушке и, надув губы, потихоньку булькнул. И она загудела в ответ, как будто мы разговаривали.

Но там, на дне, тишина — это обман. Там все, большие и маленькие, играют в одну страшную игру — в охоту. Моя ракушка — тоже охотник. Вот, спрятавшись под листом морской капусты, она караулит добычу.

Я накрыл ее промокашкой. И стал потихоньку двигать перо от ручки — это проплывает золотая рыбка, самая вкусная еда. И охотник, выскочив из укрытия, хватает добычу. Промокашка, покачиваясь, упала на пол.

А если враг? Допустим, это огромный краб с ужасными клешнями.

Я достаю чернильницу и толкаю ее навстречу ракушке. Что делать? Бежать? Нет, она смелая, она будет драться!

На дне, на белом песке, где всегда играет солнце, начинается бой.

Рядом со мной сидит Борька.

— Что это у тебя? — спрашивает он.

— Ничего,— говорю я.— Ракушка.

— Дай посмотреть.

Он берет мою ракушку, секунду смотрит на нее, а потом, наклонившись, шипит мне в самое ухо:

— Да это же Принцесса Альфа. Где ты ее взял?

— Какая Альфа? — говорю я.

— Молчи! — шипит Борька.— Она волшебная. Раньше за нее давали полцарства. Грузили полный корабль золота и отдавали за Принцессу. Понял? Или убивали. Знаешь, сколько из-за нее людей погибло?

— А ты откуда знаешь? — говорю я.

— Я ее сразу узнал: она одна такая. Все пираты на всех морях мечтали завладеть Принцессой. Она спасает от всего — от шторма и от пули. Корабль никогда не потонет, если на борту его — Принцесса Альфа. И отнять ее можно только на берегу. Понял?

Борька огляделся по сторонам и зашептал совсем тихо:

— И однажды она исчезла. Перед этим с ней несколько лет плавал один хитрый капитан. Он грабил все корабли подряд — королевские и пиратские. И забирал у них воду и пищу, чтобы не сходить на берег. А золото зарывал на необитаемом острове. Никто не мог отнять у него Принцессу. Тогда испанский король написал ему письмо. Давай, говорит, меняться: я отдаю тебе полцарства, а ты мне — Принцессу. И пират согласился. Он получил корабль, полный золота. А король спрятал Принцессу в крепость и поставил стражу — целое войско. И вот однажды Принцесса Альфа пропала. Кто-то тайно вынес ее из крепости.

Борька покрутил ракушку в руках. Она вся переливалась.

— Наверное, это она,— сказал Борька.— Ты где ее взял?

К нам подошла учительница Валентина Сергеевна.

— Ой, какая красивая! — сказала она и взяла у Борьки мою ракушку.— Знаете, как она называется? Это очень-очень редкая ракушка. Зовут ее «намма». Говорят, она приносит счастье.

Валентина Сергеевна ласково провела пальцем по гладкому боку ракушки, по ее пятнам.

— Намма водится только в одном месте,—говорит она.— И умеют ловить ее только туземцы, живущие на островах. Когда в семье туземцев родится мальчик, отец уходит в море, чтобы поймать намму. Говорят, если он поймает ее и подарит сыну в день рождения, сын будет самым-самым счастливым человеком. Только надо все время носить ее с собой.

Валентина Сергеевна посмотрела на нас и улыбнулась.

— А еще их дарят девушкам. Парень перед свадьбой должен поймать намму и подарить невесте. Если девушка придет на свадьбу с наммой, то вся жизнь ее потом будет счастливой — она всегда-всегда будет любить мужа.

Она положила ее на парту — прямо передо мной. И я посмотрел на свою ракушку, на все ее пятна. Я наклонился к ней близко-близко, я вытянул губы и тихонько дунул. И она загудела в ответ, как будто разговаривала. Вот она какая — моя ракушка! Что же мне теперь с ней делать?

Новогодний Смехотрон

— Как странно! — сказал себе самому Смехотрон. — Похоже на то, что мне в голову приходят чужие мысли. Например: «Грустно мне, на семидесяти трех языках я знаю, как будет «Новый год», но ни одного раза сам я не был на празднике Нового года...» Нет, это не мои мысли! — изумлялся все больше и больше Смехотрон. — Я и в прошлом году был на елке и в этом пойду, у меня полным-полно приглашений и билетов... Стоп! Вот еще какая-то, тоже не моя мысль: «У меня столько нарядных платьев, и я так хотела бы попасть на карнавал, но я бумажная девочка и сама не могу ничего».

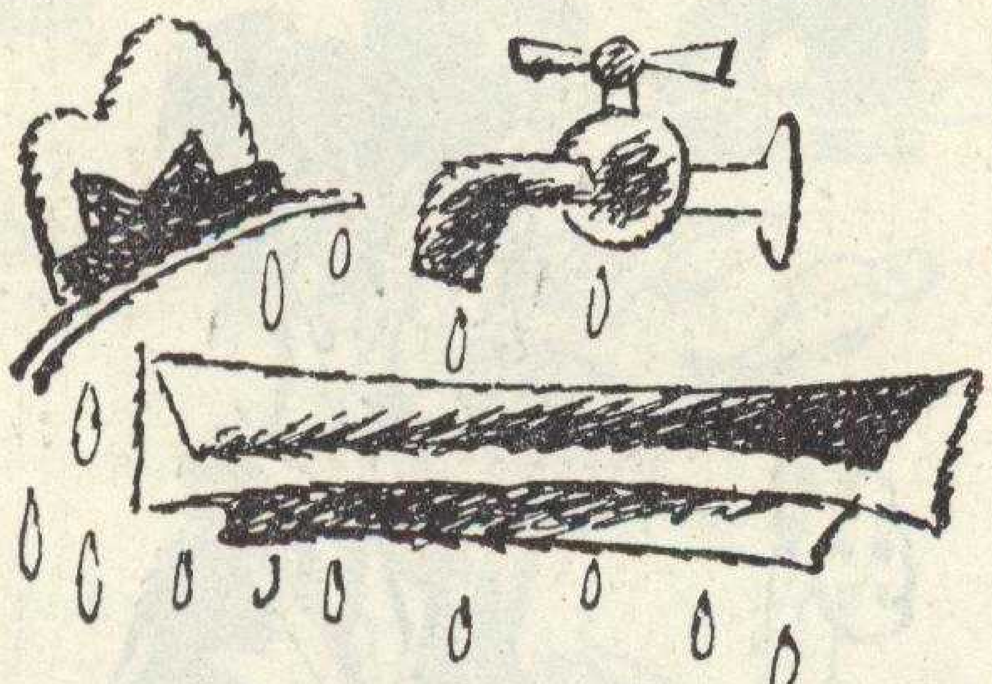
— Ага, это девочка Кай,— сообразил Смехотрон,— в какой же она комнате? А первая мысль наверняка принадлежит Пылеглотику! Кажется, я кое-что понимаю, ЧМНР — это Чтение Мыслей На Расстоянии. Но одного чтения мало, надо что-то делать, ведь они все тоскуют, запертые по темным, пустым комнатам... Вот еще чья-то мысль: «Друзья, поверьте двум моим головам: ум — хорошо, а два — лучше! Так вот, главное для нас, что детям весело, а уж мы, звери, мы как-нибудь и без елки можем обойтись. Не унывайте, прошу вас!»

— Ясно, это Тяни-Толкай подбодряет свой зоопарк,— сообразил Смехотрон, и тут же в мозгу его пронеслась, как стрела, грустная чья-то песенка: «Мы бы рады и на швейной машинке сочинить хоть половину смешинки. Но невесело строчит иголка, и ни капли веселого толка...»

— Ну это, уж конечно, Храбрые портняжки,— сказал Смехотрон и в рифму добавил: — Бедняжки. Ладно, я сейчас сяду думать...

И действительно, он тут же сел прямо на пол. Что было дальше, смотри на странице 44.

Овсей ДРИЗ

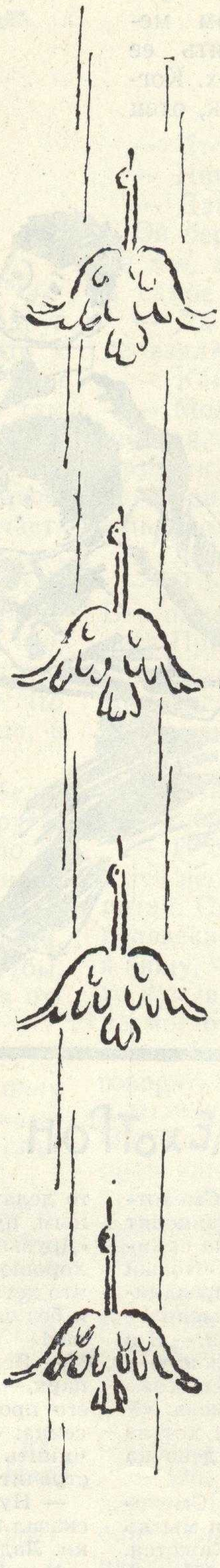

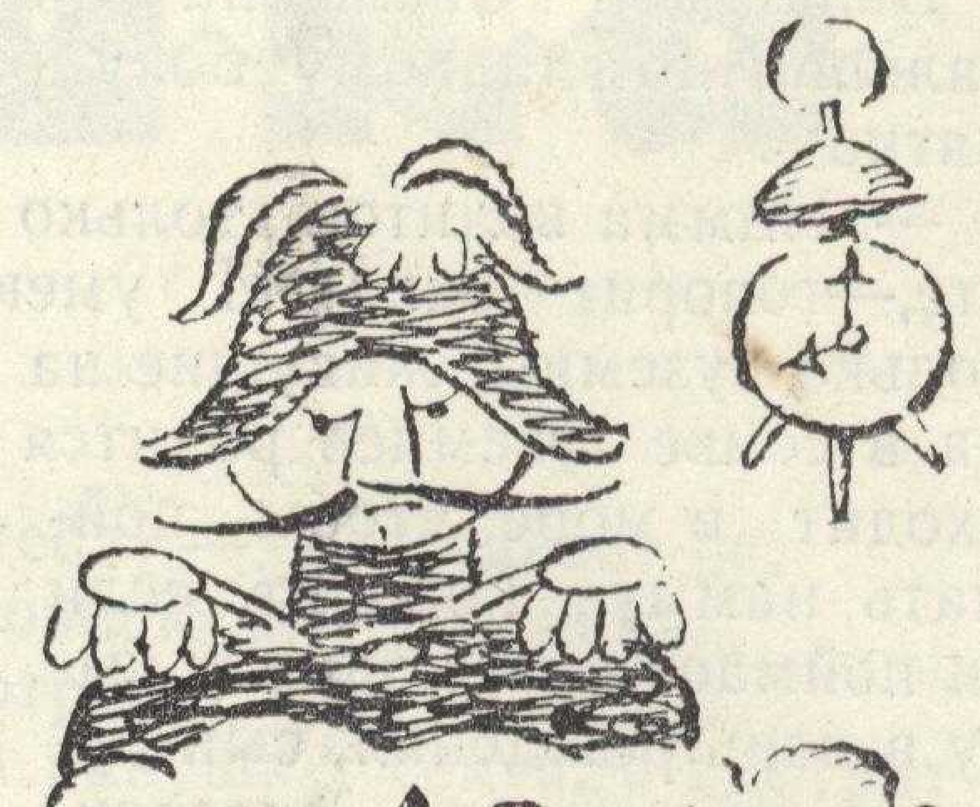
Мы мужчины

Пусть плачут сосульки,
Пусть плачут туманы,
Дырявые крыши
И старые краны,
Худые корыта,
Оконные стекла
И грустная шляпа,
Что в дождик намокла:
Кап-кап,
Кап-кап,
Кап-кап.
Но мы не сосульки,
Но мы не туманы,
Не крыши худые,
Не медные краны,
Ведь мы же с тобой,
Как известно, мужчины,
И нам же нельзя
Безо всякой причины —
Кап-кап,
Кап-кап,
Кап-кап.

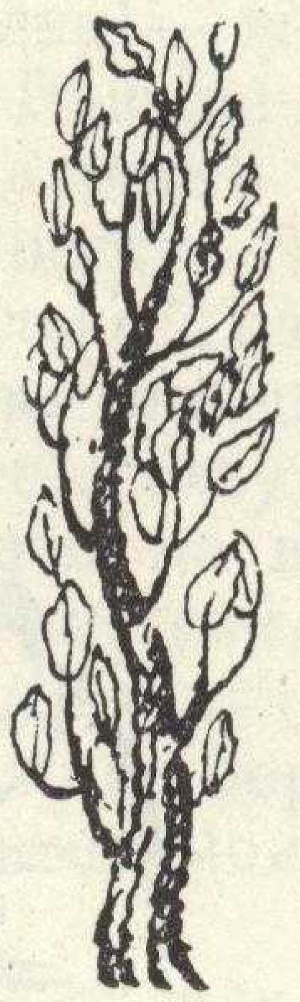
Очень приятно

Если бы клякса
Вернулась
В чернила,
Мыльная пена —
В мыльницу,
В мыло,
Обратно в коробку —
Моя стрекоза,
Дождь —
В облака,
А слезы —
В глаза.
Если бы все
Возвращалось обратно,
Мне это было бы
Очень приятно.

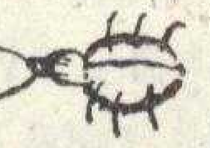

Про дождик

Где ночует дождик!
В теплых облаках.
Кто его будит!
Трах-тарарах.
Что говорит он!
— Бах-тарабах!
Восемь пробило
На наших часах.
Хочет умыться
Поле и луг,
Рожь и пшеница,
Капуста и лук,
Стрекозы, букашки,
Козявки и сам
Наш генерал
Трах-тарабам!

Дорога

Уходят дороги длинные,
Дороги длинные-длинные,
Уводят в страны гусиные,
Орлиные и журавлиные.

Ты только от стула
Дошел до стола —
Уже пред тобою
Дорога легла.

Пойдешь ты дорогою длинною,
Дорогой длинною-длинною,
Минуя страну журавлиную,
Минуя страну лебединую.

Зимою и летом
Ты будешь в пути,
Пока не найдешь
То, что надо найти.

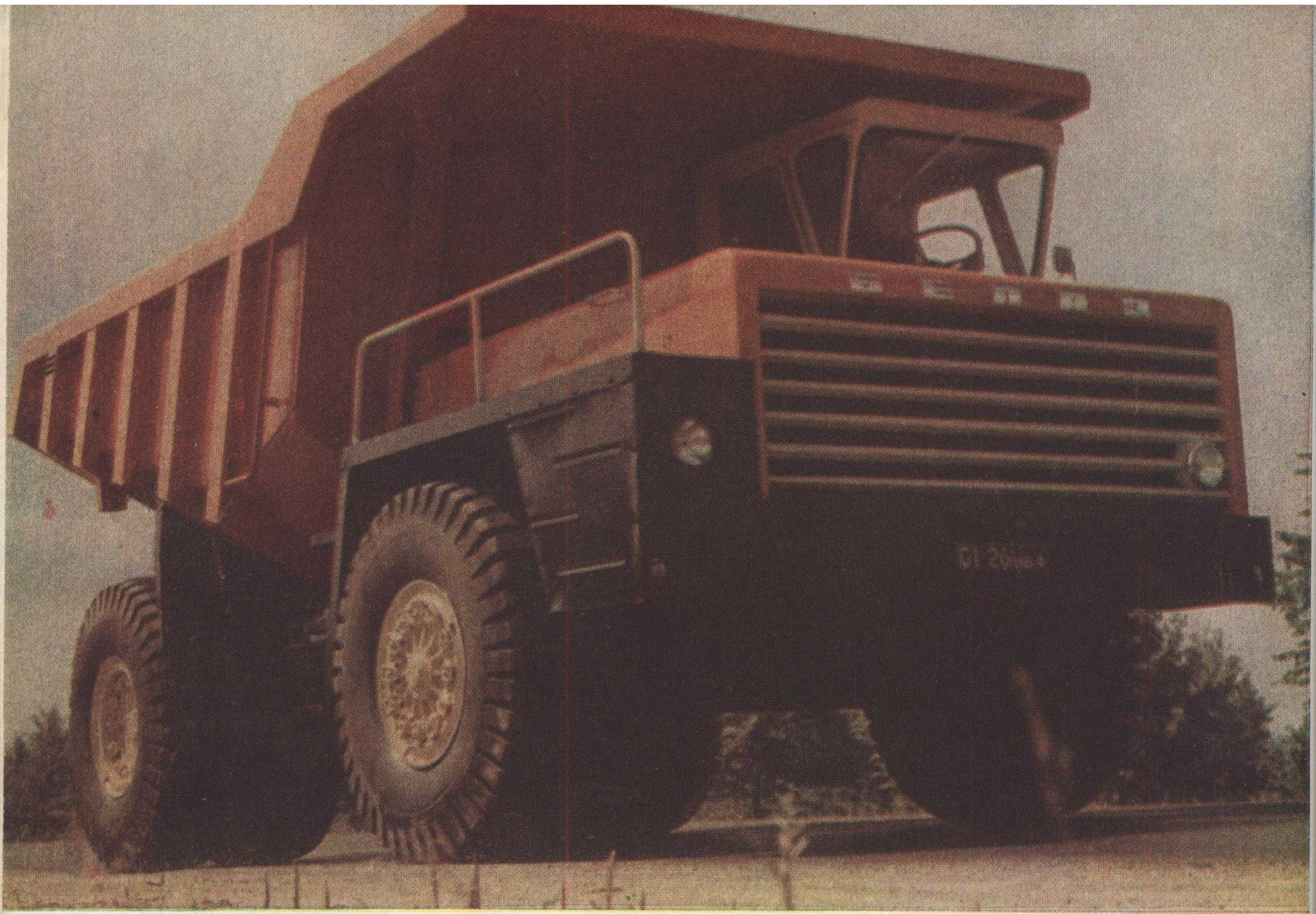
Запомни, что в страны гусиные,
Орлиные и журавлиные
Уводят дороги длинные,
Дороги длинные-длинные.

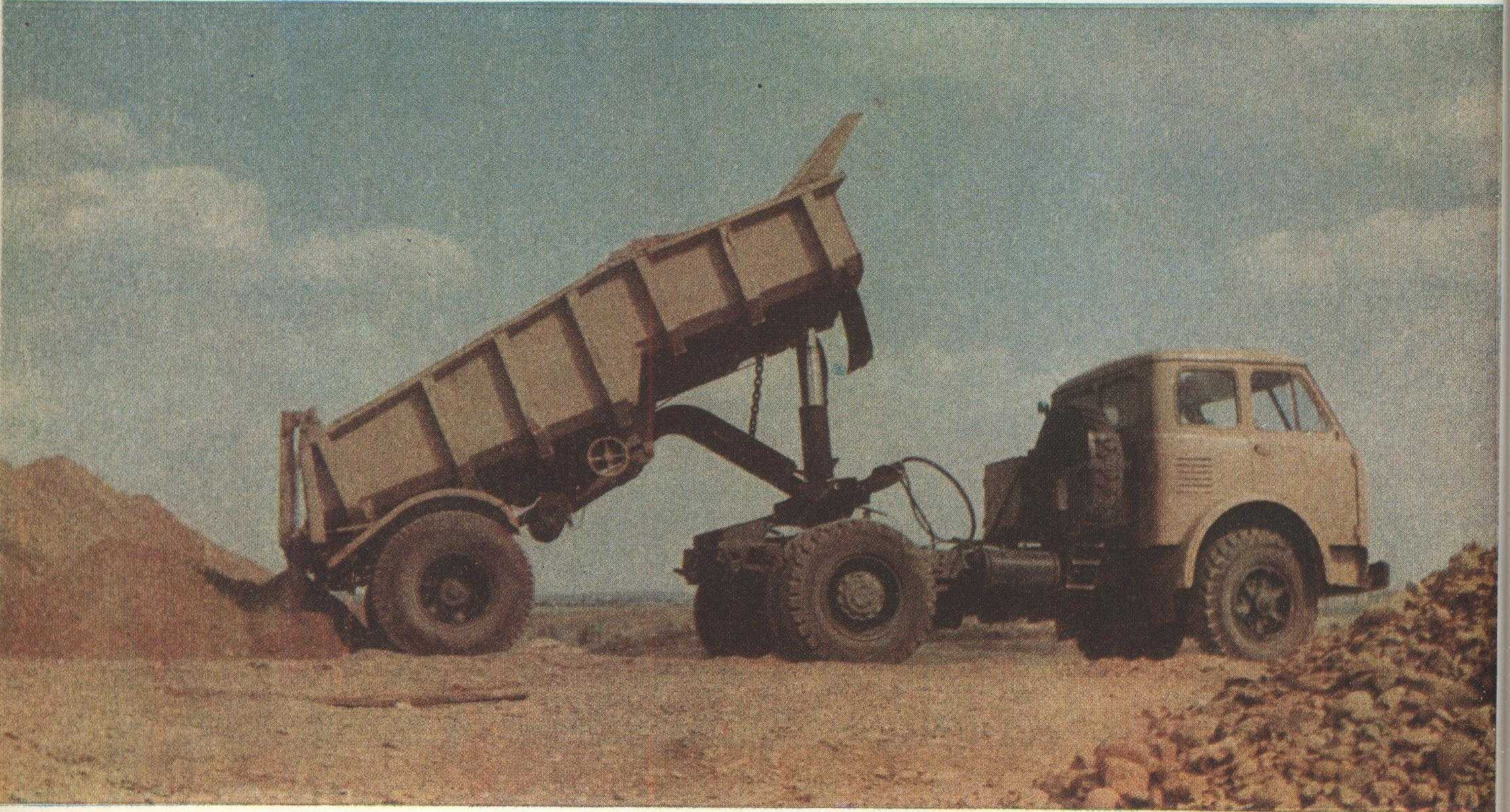
Перевел с еврейского
Г. САПГИР.

Рисунки Е. МОНИНА.

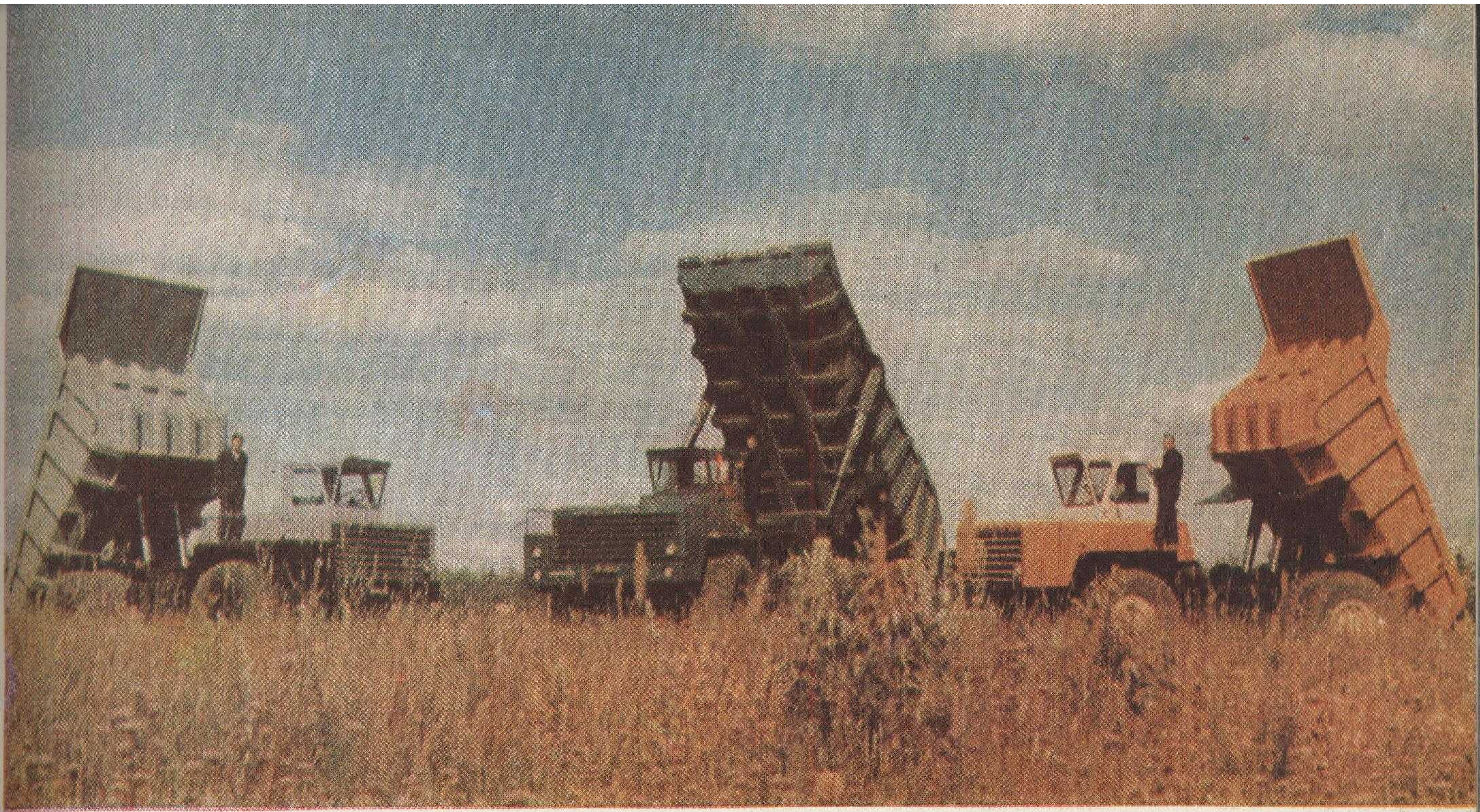

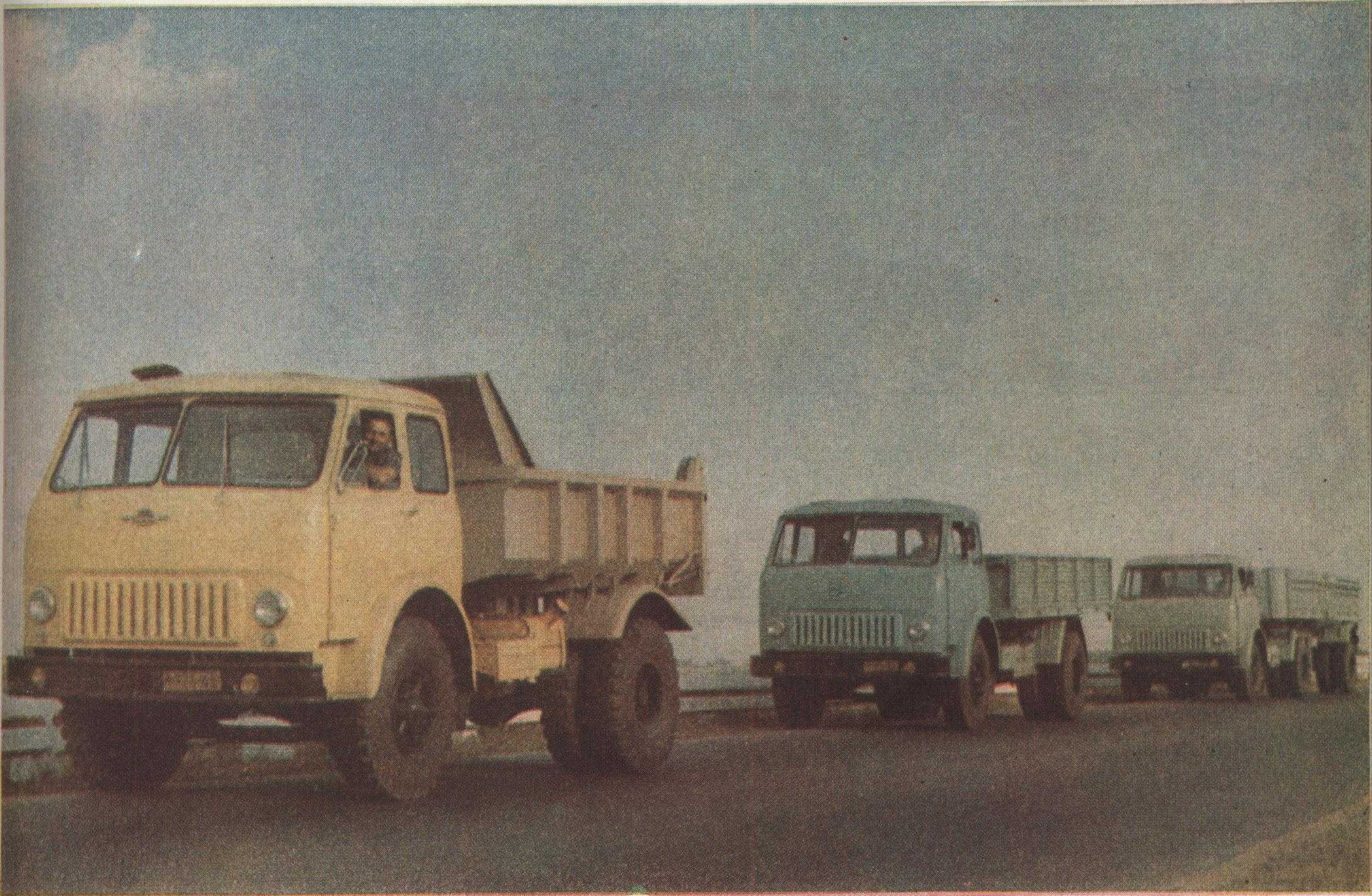
ПЕРВЫЙ СНЕГ **А. Пластов.**

СИЛАЧИ-ТЯЖЕЛОВОЗЫ

Перед вами — представители знаменитого семейства БЕЛАЗов (вверху). А внизу — МАЗы, «зубры» Беловежской пущи. Прочитать о них можно в этом номере.

РАССКАЗ, который еще не написан, но...

Здесь перед вами картина художника А. Тутунова. Она называется **«Рыбак с сыном»**. Нам всем в журнале картина понравилась: очень уж о многом она рассказывает. Если всмотреться повнимательнее, а потом подумать, пофантазировать, так целая история получается. Даже не одна, а несколько историй. Разным людям видятся за этой сценой разные рассказы. Ведь можно подумать и о том, что было с мальчиком и его отцом до эпизода, который изображен на картине, и о том, что было с ними после. Всю их жизнь в этом домике можно себе представить... Стоп! Ведь домика-то никакого тут не нарисовано. И, значит, мы уже принялись выдумывать, домысливать.

Пора остановиться.

Почему?

А потому, что мы публикуем эту картину, которая нам так понравилась, нарочно для того, чтобы вы все, ребята, наши читатели, придумывали свои рассказы и поскорее присылали их нам. А мы обещаем, что самые интересные рассказы в новом году напечатаем в журнале.

И еще одно.

На картине нет ничего случайного или лишнего. Все здесь изображенное имеет свой точный смысл и свое значение. Каждая подробность в рисунке художника — это мысль, догадка, строка в будущих ваших рассказах.

А теперь за дело!

КОНКУРС НА ЛУЧШИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

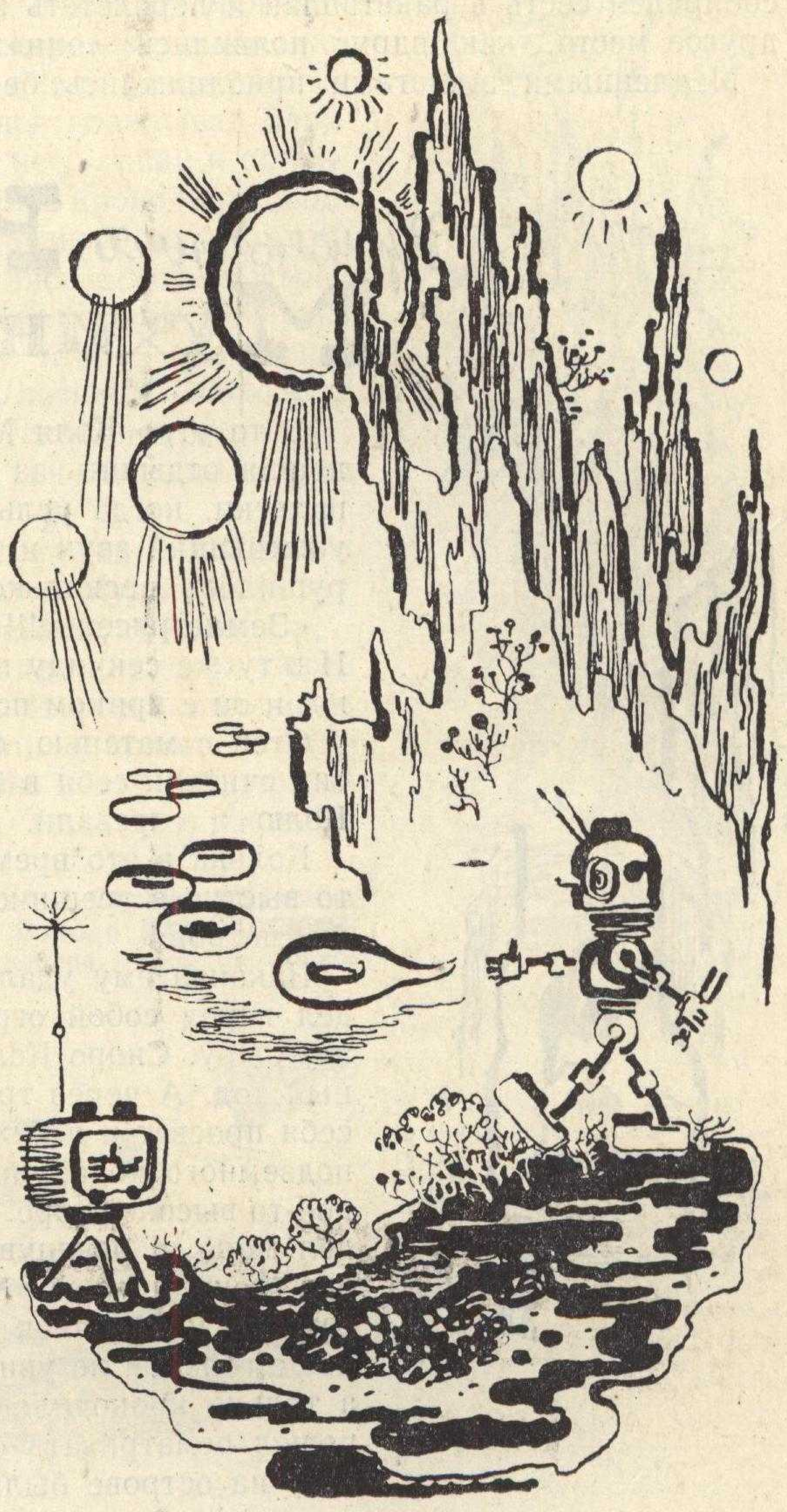
Мы хотели подвести итоги конкурса вот в этом номере, но... Но решили: пусть продлится он и на весь будущий год. Почему? Есть две причины. Во-первых, не очень-то легко написать самостоятельный фантастический рассказ. Чаще выходят рассказы, похожие на рассказы, прочитанные в книгах и журналах. Видимо, поэтому и прислано нам в редакцию покамест немного фантастики. Вторая причина для продолжения конкурса заключается в том, что, не правда ли, это—замечательно интересное дело — выдумывать, фантазировать, соревноваться?..

Вот два рассказа трех мальчиков. Они очень разные — и рассказы и сами мальчики, их авторы. Интересно нам и то, что вы, читатели, скажете о добром роботе Жо и о смешном Кольке Мухине, который...

Впрочем, ребята, вы уже знаете: КОНКУРС ПРОДОЛЖАЕТСЯ, *значит, придумывайте поинтереснее и пишите нам поскорее.*

Жаль только, что ребята не прислали к своим рассказам рисунков. И мы попросили художника А. БРЕЯ нарисовать к рассказам картинки.

Робот на Зеленой планете

Планета приближалась. С огромной скоростью, разбрасывая в разные стороны космическую материю, шла к ней ракета. В корабле волновались. Капитан с немного озабоченным видом ходил, а остальные, прильнув к иллюминаторам, с жадностью, подобно голодным волкам, смотрели на Зеленую планету.

Планета приблизилась и встала: корабль отлично реагировал на команды, и тормоза не отказали.

Капитан Сенат, немного подумав, сказал: «Я думаю о том, что Зеленая планета еще не обследована, следовательно, первыми выйдут на нее не люди... Робот Жо отлично нас познакомит с ней через видеофон. Он будет отправлен на планету на ракетоплане. Экипаж не возражает? Нет? Хорошо!»

Капитан Сенат спрашивает робота Жо, согласен ли?

Жо — он стоял в углу — замигал лампочками и металлическим голосом ответил:

— Робот Жо принял программу. Жо идет вниз, на благо человека.

Экран в видеофоне засветился. Космические помехи не мешали ему, и поэтому экран был ясен. Совершенно отчетливо было видно, как блестящей чертой мелькнул ракетоплан и врезался в атмосферу Зеленой планеты.

Рваные зеленые облака проносились перед ракетопланом. Скоро замелькали острейшие скалы, но свидетели были спокойны, они прекрасно понимали, что Жо справится со своей работой, как самая человечная машина.

Ракетоплан, ринувшись вниз и сделав крутой вираж, выровнялся. Постепенно, с большой точностью и осторожностью Жо опускал ракетоплан, хотя для него не были страшны ни огонь, ни вода.

Темно-зеленая почва планеты была еле видна в густом тумане.

Видно было, как Жо, открыв дверцу, выбрался наружу. Постояв немного, он шагнул вперед. Почва выдержала его. Тогда Жо достал из ракетоплана рефлектор с проницающими ультракрасными лучами и, установив так, чтобы он не свалился, нажал на клавиши.

Неяркие, по существу, бледно-красные лучи света, казалось, возродили день в сплошном темно-зеленом хаосе тьмы.

Озарились печальные скалы и скудная растительность. Не было тут ничего живого. Жо собирался сесть в ракетоплан и перелететь в другое место, как вдруг появились «они».

Медленными зигзагами приближались белые полые круги, похожие на бублики. Странное свечение происходило в них. Капитан видел это в видеофон и сначала испугался за Жо, приказав включить ему атомный пояс. Бублики остановились в нерешительности, после чего «они» заволновались и, выстроившись в ряд, на глазах у всего экипажа образовали несколько геометрических фигур.

Сенат растерялся. Что они хотят сказать?

Но все разъяснилось очень просто! Огромным белым кругом вышел вперед один из «них» и образовал вокруг себя атомный пояс! Жо по-человечески протянул железную лапу. Белый круг дотронулся до нее. Тотчас в микрофоне раздался голос Жо:

— Чувствительность отличная. Встреча с электронной цивилизацией. Предлагаю мир, и они его приняли.

Капитан Сенат засмеялся и ответил:

— Ты молодец, Жо!

Сережа ТОРОПКИН

г. Джезказган.

Приключения Коли Мухина на необитаемом острове

В то утро Коля Мухин с отцом и матерью пошли отдыхать за город. Все они сидели у палатки, когда услышали со стороны города ужасающий звук и увидели, что в городе обрушилось несколько домов.

«Землетрясение!!!» — сообразил Колька. И в ту же секунду под ним появилась трещина, и он с криком полетел в бездну...

Отец с матерью, сидя на берегу моря, где они считали себя в безопасности, вспоминали Колю и горевали.

Колька в это время, уцепившись за какой-то выступ в трещине, висел на глубине тысячи метров.

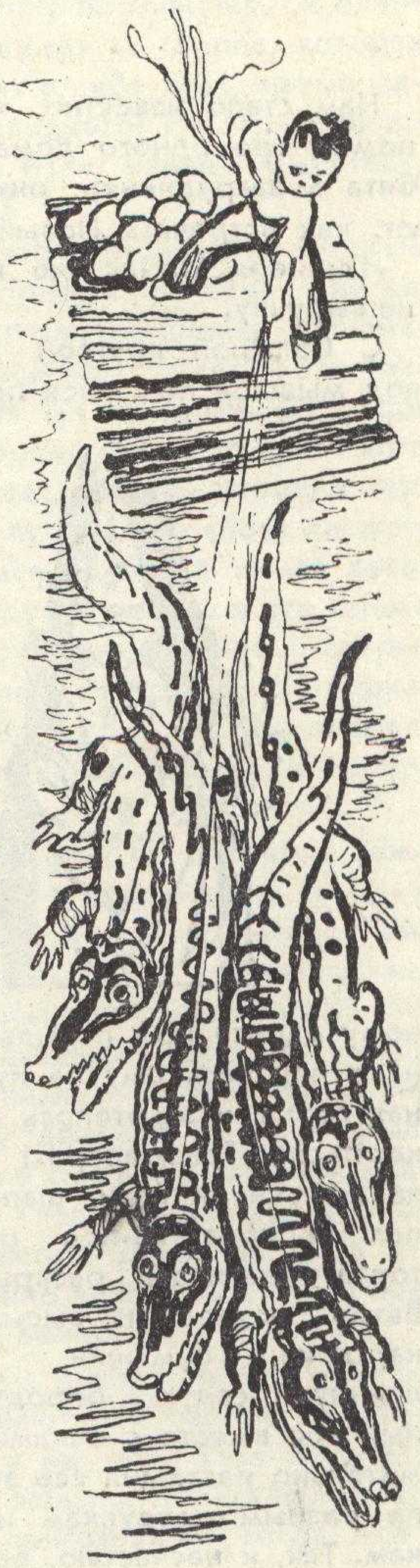
Наконец ему удалось подтянуться, он увидел перед собой огромную дыру и пошел в эту дыру. Скоро Коля понял, что это подземный ход. А через три дня он увидел впереди себя просвет и побежал к нему. Выскочив из подземного хода, он понял, что стоит на какой-то высокой горе. Недалеко от себя он увидел море и, оглянувшись кругом, снова увидел море и море. Мухин понял, что он на острове и вдобавок на необитаемом, потому что с горы он не увидел ни жилья, ни людей, а только крокодилов. Мухин слез с горки и пошел осматривать остров. Из всего съедобного на острове были только большие и соч-

ные помидоры и здоровенные лимоны. Набрав две кучи этих плодов, он уже аппетитно разинул рот, как вдруг увидел трех львов. Львы тоже заметили Мухина и, зарычав, двинулись в его сторону. Мухин ловко и быстро залез на дерево, которое росло совсем рядом, и стал следить за львами. Львы подошли к дереву и уселись рядом. Мухин злорадно засмеялся, потому что львы не могли его достать, и начал строить им рожицы. Вдруг под ним сломался сучок, и он полетел вниз!

Мухину повезло: он упал на помидоры. Помидоры лопнули, и содержимое их со свистом полетело во все стороны. Львы в страхе разбежались.

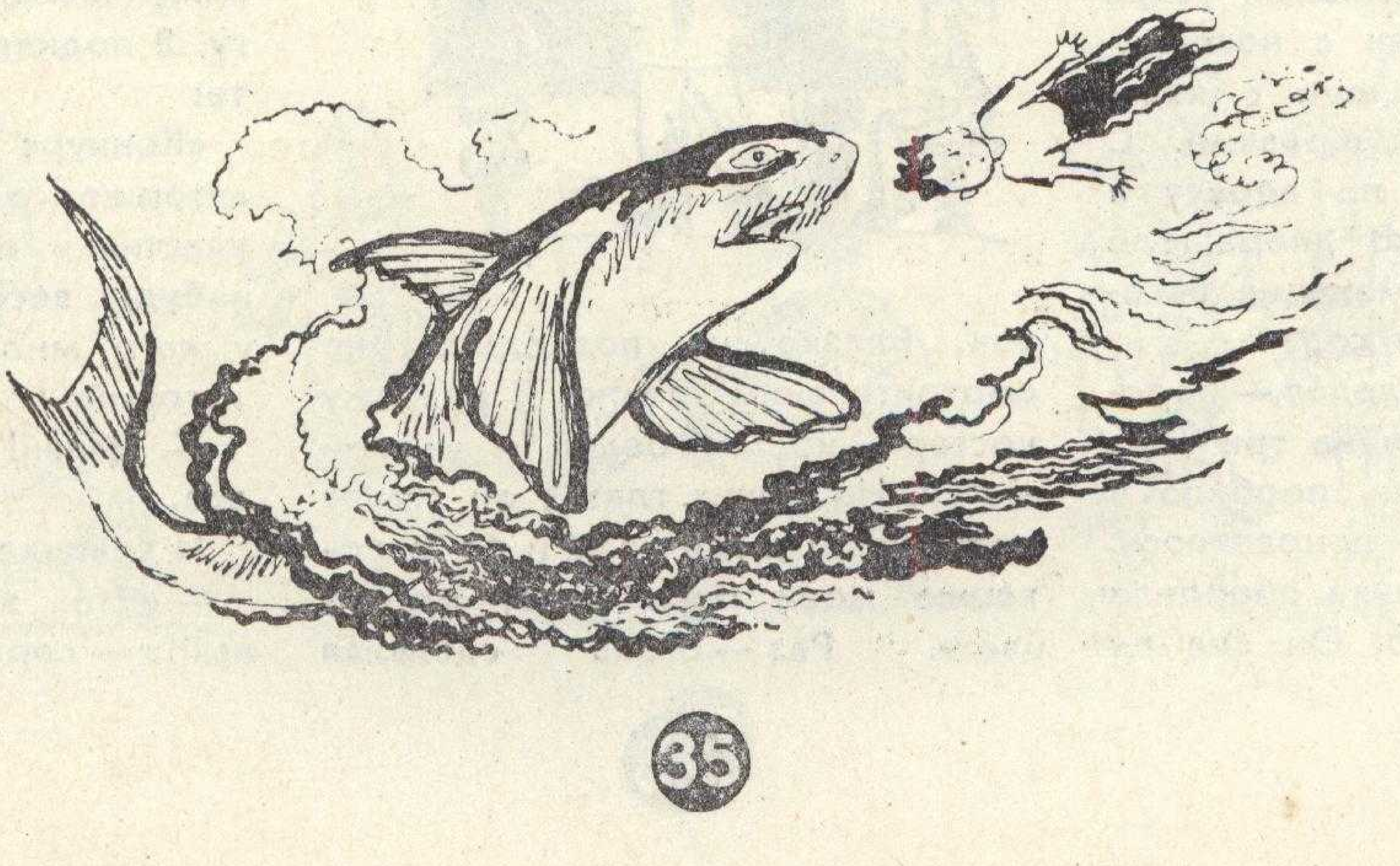
Коле Мухину очень захотелось домой, и он сделал плот. Потом он понял, что на веслах далеко не уплывешь, и тогда он решил поехать на крокодилах. Перетащив плот к берегу моря и набрав лимонов, он замаскировался на плоту и стал ждать. Вскоре приплыли крокодилы и стали плавать около плота. Когда какой-нибудь из крокодилов подплывал близко, Мухин набрасывал на него аркан и привязывал его к плоту. Скоро все крокодилы были привязаны, и Мухин стеганул их прутом. Крокодилы быстро помчались в море. Остров скоро исчез. Если крокодил вдруг повертывался и открывал пасть, чтобы проглотить Мухина, он кидал в пасть лимоны. Крокодилу делалось кисло, и он опускал пасть в воду, чтобы прополоскать рот. Так они шли вперед и вперед.

Вдруг Мухин увидел пароход и поплыл к нему. Пароход тоже плыл к Мухину. Но тут начался шторм, и плот перевернулся.

Тут же Мухина проглотила акула, но через минуту акулу застрелили. И когда ее подняли на пароход и там разрубили ей брюхо, из брюха выскочил Коля Мухин. А на следующий день Мухин был в своем городе у папы с мамой.

Сережа СУРНЯЕВ,
Володя ХВАЩЕВСКИЙ,
ученики 6-го класса, город Кемерово.

Большая новогодняя подсказка

Нам стало известно, что в одном дворе одного дома все ребята в затруднении: они не знают, как встречать Новый год.

«Пионер» тотчас же поспешил на выручку.

С большой круглой коробкой под мышкой помчался по указан-

ному адресу наш посыльный. Однако попалась ему на пути ледяная горка, и захотелось ему прокатиться... Трах-тарарах! В воздухе мелькнули ноги, шапка, круглая коробка из-под орехового торта покатилась, раскрылась и... Ветер подхватил высыпавшиеся картинки, бумажки, какую-то длинную седую бороду, красный нос вместе с очками и стремительно растащил все это добро по разным переулкам и закоулкам. Так, к несчастью, разлетелся по ветру настоящий клад.

Опомнившись, посыльный успел поймать лишь листки с новогодними гаданиями да еще с какими-то непонятными фразами. С ними он и явился по адресу в красный уголок того двора, где живут ребята, не умеющие весело встречать Новый год.

Первое, что он сделал,— перевел часовые стрелки на три часа назад, чтобы полночь пробило в девять. Это всем понравилось. Затем одного мальчика обрядили прорицателем судеб. Он сел на стол, поджав под себя ноги. Свет был потушен, только одна свечка таинственно выхватывала из мрака руки предсказателя.

Все подходили к нему по очереди, и по линиям руки, по глазам, по камушкам, которые лежали перед ним в тарелке, он говорил всем ребятам о том, что ждет их во втором полугодии и вообще в жизни. Было смешно и интересно.

Но вдруг отворилась дверь, и... Минуточку! Вы помните, как угнал ветер седую бороду, а за ней вдогонку отправился картонный нос вместе с очками? Так вот, на пороге красного уголка стоял неизвестный старичок со знакомым носом, очками и бородой. Пальто его подозрительно напоминало мальчишеское, а голос — голос был нарочито грубым. Все смолкли, а старичок сказал:

— Карла-барла, значит, привет вам. Я, старый фокусник Гыр-былтыр, шел к себе домой, в пустыню Сахару, да завернул к вам. Тихо! Дайте мне пустую тарелку и две коробки спичек без голо-

вок. Близко не подходите, но смотрите внимательно. Я развожу костер — костер белой и черной магии. На ваших глазах он станет послушным моей воле и по мановению моей руки будет менять цвета. Раз — огонь сделался

алым. Два — и огонь стал зеленым. Три — огонь пожелтел.

Хырдым-бырдым, доброте моей нет границ, я чудо-фокусник,— я научу всех вас своим секретам. Слушайте и запоминайте! В магазине химических реактивов купите: азотнокислого лития и азотнокислого бария. Желтым делает пламя обычная поваренная соль. Для фиолетового огня купите хлористого кальция. Вы уже догадались, что эти химикалии надо незаметно подсыпать в огонь.

Мурляу-вурляю-хрюк. У меня еще есть несколько фокусов!

— Подождите! Подождите! — закричал кто-то.

Оглянувшись, все увидели на пороге незнакомую девочку. Она сказала:

— Я сама тороплюсь на Новый год, у меня нет ни минуточки, еще надо домой сбегать, я свою маску позабыла, и вдруг бегу и вижу какие-то бумажки на снегу. Я подняла, прочитала. Слушайте:

«Конкурс на самую веселую историю состоит в том, что все участники его рассказывают что-нибудь веселое. Побеждает тот, у кого много в запасе смешных историй».

— Давай! Начинай! — закричали все.

И девочка начала:

— «Что это ты такой грустный?» — спросил у сына отец. «По-

тому что знаю: сегодня быть буре»,— ответил сын. «А откуда ты это знаешь?» «Ты же мне сам говорил: «Барометр падает всегда к буре» «И он упал?» «Да еще как. Вдребезги!»

Не успели отсмеяться, как послышался новый голос.

— «Жива ли, милый мой племянничек, та гармонь, которую я тебе подарил в прошлом году?»— спросил дядя у племянника.

«Конечно,— отвечал племянник,— и я ее очень берегу. Это мой самый дорогой подарок!»

«Неужели?» — растроганно изумился дядюшка.

«А как же! Только я возьму ее в руки, мне мама тут же дает десять копеек. Я тогда скорей к бабушке, а там меня пятачок ждет...»

И снова раздался дружный смех, но старичок с красным носом поднял руку и сказал:

— Аламба-баламба! Объявляется перерыв в этом смешном конкурсе, потому что почтенный волшебник и фокусник смешить не умеет, а молчать мне тоже не хочется. Я вам фокус покажу.

Ставим на стол таз с водой и пускаем на воду лодочку, можно даже простую щепку. Смотрите, я отхожу в сторону, таз не трогаю, а кораблик движется. В чем тут дело? Сказать?

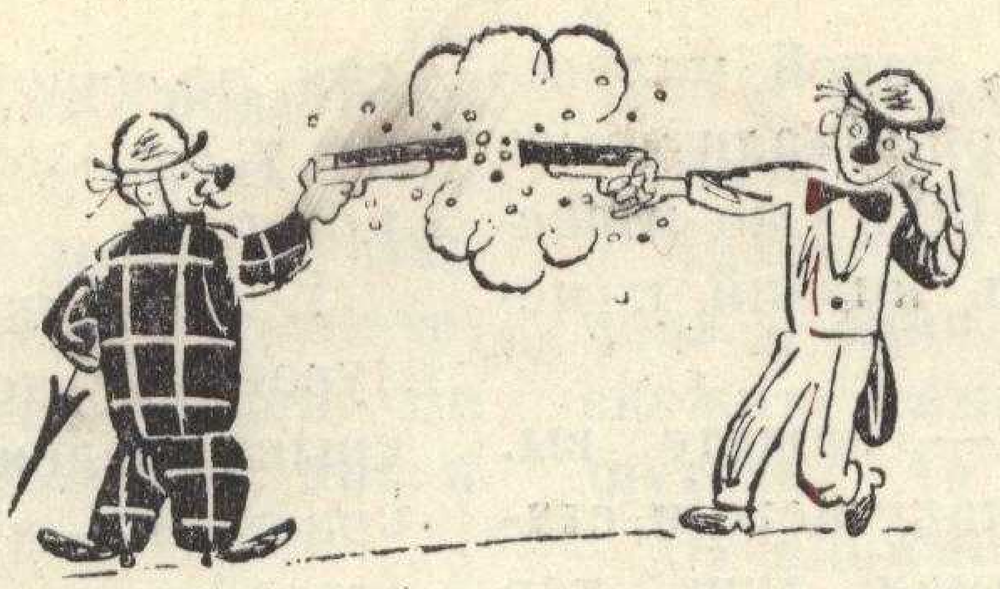
Под кормой надо вырезать отверстие, положить в него кусочек камфары так, чтобы она соприкасалась с водой.

В это время наш посыльный разобрался наконец в тех клочках и обрывках, какие удалось ему догнать на ветру. Он сказал:

— Кто хочет пострелять?

— А где взять пистолеты? — крикнули ему.

— Вот они! — воскликнул посыльный и вытащил из-за пояса

два огромных пистолета.— Я сделал их сам. И это просто: нужны лишь бумага и клей. Наматываем бумагу на палку слой за слоем и проклеиваем ее. Потом снимаем с палки и сушим. Это будет ствол. Теперь из этой же палки делаем боёк. Смотрите, я рисую чертеж! Сюда пропускаем резинку, концы ее укрепляем на стволе. Пистолет готов! Пробковое донышко и бумажные бока — вот он, наш патрон! Он похож на наперсток. Вместо пороха наполним его конфетти, а чтобы пуля не улетела, привяжем ее за ниточку к стволу пистолета.

Конфетти нету? А бумага цветная есть? Ну так берите дырокол или просто ножницы и режьте, крошите, мельчите бумагу! А те-

перь давайте подождем и, когда часы ударят двенадцать, откроем стрельбу!

А пока мы, крок-брок, поиграем в одну смешную игру,— сказал волшебник-маг-фокусник,— я знаю эту игру с детства. Разбейтесь на две равные группы, а я сниму свою шапку и буду вам показывать то верхушку ее, то изнанку. Запомните, одна группа смеется только тогда, когда видит изнанку, другая — когда видит верхушку. Кто ошибается, переходит в группу противника, он пленный. Выиграет та группа, которая переманит к себе всех, кроме одного, последнего! Тут игра и оканчивается. Итак, начали. Смейтесь, смейтесь!

После этого были игры, которые тут же придумали сами ребята. Кто-то достал подшивку «Пионера» с описанием танцев, и все принялись их тут же разучивать, потом устроили конкурс, кто кого перепляшет. Певцы устроили турнир, кто лучше всех споет песенку и чья песенка будет самая веселая. А другие ребята в это время уже расставляли стаканы и открывали банки с фруктовыми соками, резали торт и раскладывали возле каждой тарелки подарки...

Кстати, подарки! Это ведь тоже не просто — каждому придумать и подобрать такое, что именно ему придется кстати. Например, нашему посыльному хорошо бы подарить дырявое решето... Верно? А фокуснику — колпак звездочета. А ту девочку, которая знала так много смешных историй, надо выбрать Главным распорядителем всех сластей. Да и мало ли что еще можно выдумать в такой прекрасный вечер!

Но тихо, тихо! Кажется, стрелки приближаются к заветному мигу. Елка-то у вас есть? Про Деда Мороза не забыли? Карнавальные костюмы приготовили? Тогда все в порядке.

С Новым годом!!!

Жил однажды человечек, такой маленький и черный, что все принимали его за негритенка. А ведь он был уже взрослым. Вот только очень низкий и немного грязноватый.

«Значит, он не умывался?» — скажете вы. Что вы?! Умывался! Да еще как часто и старательно. Каждый день принимал душ, тер шею и уши пемзой, ногти чистил наждачной бумагой.

Из душа он выходил белый-белый, прямо как чистый лист бумаги. Но потом отправлялся на работу. И сразу становился черным-пречерным.

«Как же так?!» — спросите вы.

Расел РАШЕЛ

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА.

Очень просто: он был трубочистом. И работа эта была ему по душе. Сидишь целый день на крыше, ветерок тебя обвевает. Смотришь на людей сверху вниз, и они кажутся отсюда совсем крохотными. Ну чуть побольше муравья.

Наш Пиколетто чувствовал себя настоящим гигантом. И весьма этим гордился. Но раз сверху даже самые высокие люди кажутся карликами, то стоит ли огорчаться, если ты ростом не вышел?

Представьте себе, стоит. Потому что после работы Пиколетто выходил на улицу, и все люди были выше его. До чего же ему было обидно! Ему и его друзьям. А их у него было двое: сиамский кот Персино и филин Профессор. Больше всего на свете Персино любил поспать. Но когда он не спал, то был весьма проворным и юрким. А уж какой он был умный! Сами подумайте, кот сиамский, а мяукает по-итальянски, да еще как здорово! Особенно хороши были у него глаза: один глаз зеленый, а другой красный.

Когда Пиколетто что-то у него спрашивал, полусонному коту лень было мяукать. Он лишь открывал зеленый глаз — и это означало «да» или красный — и это значило «нет». Точь-в-точь как светофор.

А вот филин Профессор, наоборот, ужасно любил жаловаться и беседовать с Пиколетто на всякие серьезные темы. За это его и прозвали Профессор. Он был очень аккуратен и очень... болтлив. Начнет говорить, так уж потом никак не остановится. Чаще всего он жаловался на свою жену — сову: вечно ей по ночам не сидится дома.

Но у Пиколетто на крыше были не одни лишь друзья. Рубахи, трусы и майки боялись чумазого трубочиста пуще грозы. Развесит их хозяйка сушиться на веревках, и они себе греются на солнышке. Но стоило только Пиколетто подойти к ним, как они надувались и начинали сердито раскачиваться.

— Ни за что не позволю этому грязнуле Пиколетто дотронуться до меня,— говорила рубаха майке.— Пусть уж лучше меня ветром унесет.

А ветер тут как тут, сорвет рубаху с веревки, прихватит заодно цветное полотенце и взмоет в небо.

Пиколетто крепко дружил с ветром. Бывало, останется Пиколетто без работы, и ветер мигом мчится на помощь. Как свистнет, как дунет—и весь дым назад в трубу загонит. Люди в ужасе — комнату дымом заволокло. И сразу зовут Пиколетто.

Но однажды ветер и не то придумал. Он спустился совсем низко и крикнул Пиколетто:

— Хочешь погулять по небу?

Конечно, Пиколетто был не прочь. Но он слегка испугался.

— Ну, решай! — в нетерпении крикнул ветер.— Может, ты боишься?

Тут ветер подогнал к самой крыше белое, пушистое облако и посадил на него Пиколетто. И они отправились на прогулку. Рядом кружились ласточки и встревоженно шептались:

— Что же это будет?! Трубочисты — и те стали летать по небу?!

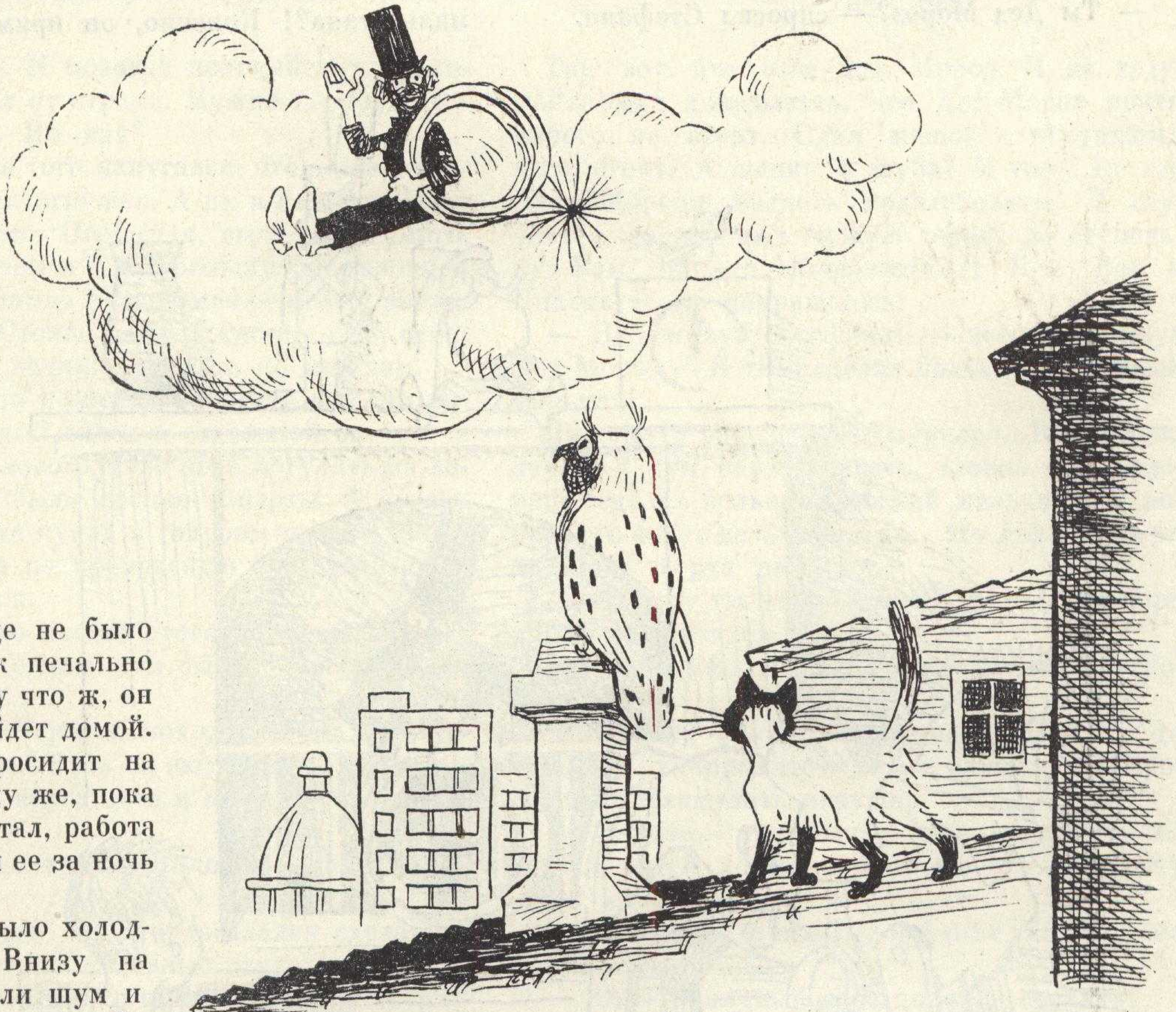
На крышу Пиколетто вернулся уже поздно вечером. Персино и Профессор даже волноваться начали. Ведь в наше время довольно-таки опасно летать по небу: в нем всяких истребителей да бомбардировщиков тьма-тьмущая. Но увидев, что Пиколетто цел и невредим, кот и филин тут же успокоились.

— Поздравляю тебя с Новым годом! — сказал Профессор.

— Одом! — промяукал Персино.

Вот те и на! Он совсем забыл, что сегодня последний день старого года. Пиколетто вдруг стало очень грустно.

Ему так не хотелось домой. Сегодня улицы полны народу. Все надели нарядные костюмы, повсюду слышатся смех, песни.

Никогда еще не было Пиколетто так печально и тоскливо. Ну что ж, он вообще не пойдет домой. Всю ночь просидит на крыше. К тому же, пока он по небу летал, работа стояла. Вот он ее за ночь и докончит.

На крыше было холодно и сыро. Внизу на улицах смолкли шум и радостные крики. Люди устали петь и веселиться. Профессор давно ушел. А вот Персино передумал и остался. Он нашел укромное местечко у трубы и преспокойно улегся спать.

Наконец Пиколетто выгреб последние остатки сажи. Потом он захотел полюбоваться своей работой. Наклонился, посмотрел в черную дыру дымохода, и в эту самую секунду сзади налетел ветер. Подскочил и громко крикнул:

— С Новым годом!

Он-то хотел пошутить. А вышло плохо.

Пиколетто потерял равновесие и свалился вниз. Прямо в бездонную пасть дымохода. Ну скажите сами, разве можно так неосторожно шутить? Да еще на крыше!

Отчаянный крик Пиколетто разбудил кота Персино. Он открыл зеленый глаз, потом красный. Кругом тишина.

«Видно, мне померещилось»,— решил Персино и снова заснул.

А что же стало с Пиколетто? Да ничего. Как ничего?!

Очень даже просто. Наш Пиколетто стремительно пролетел по дымоходу и камнем рухнул в камин. И даже не оцарапался.

На его счастье, в камине было полно пепла. И Пиколетто упал, словно на перину. Только не на пуховую, а на пепельную. А представляете, что было бы, если б в камине огонь горел?! А на огне варилась бы кастрюля с длинющими макаронами — спагетти в томатном соусе. Не пугайтесь. Все родители знают, что сытные спагетти в томатном соусе нельзя давать детям на ужин.

Пиколетто встал, отряхнулся и поглядел вокруг. У него слегка кружилась голова, и все же ему было очень весело. Он смело шагнул вперед. Ведь мы всегда смелеем, когда опасность уже позади.

Куда же он все-таки попал? Похоже, в танцзал. Нет, это не зал, а спальная комната. Только огромная. Как все спальни в домах богачей.

Пиколетто и прежде знал двух-трех богачей, но в доме у них никогда не бывал. Разве что на крыше.

В деревянной кроватке спал белокурый мальчуган лет четырех. Звали его Стефано. К нему-то в спальню и угодил Пиколетто. Мальчик сел на постели и впился глазами в маленького смешного человечка. Если Пиколетто никогда не видел спальню богача, то Стефано никогда не видел живого Деда Мороза.

— Ты Дед Мороз? — спросил Стефано.

— Нет, я трубочист.

— Трубочисты все черные-пречерные, а ты серый.

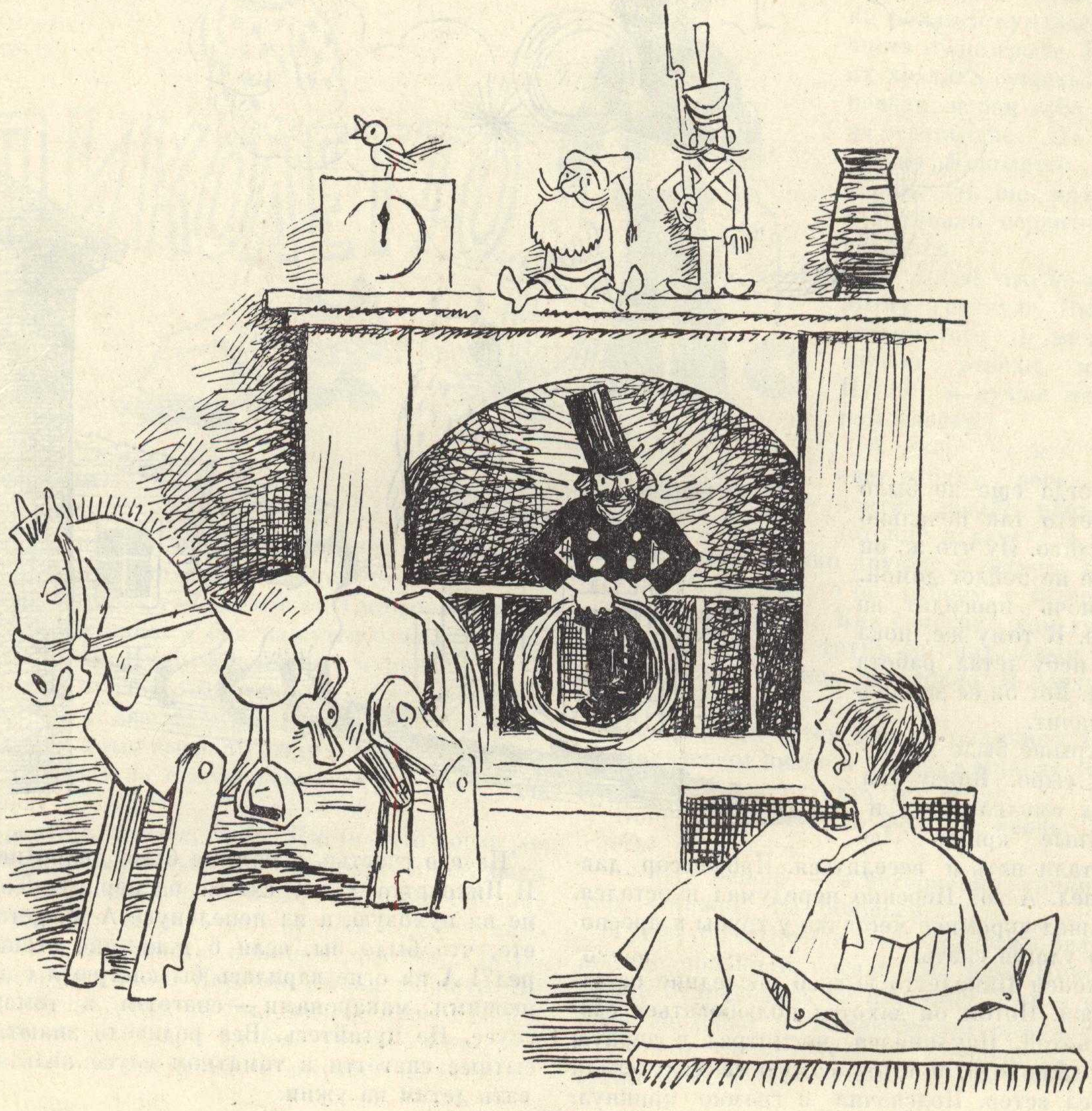
— Это от пепла,— попробовал объяснить Пиколетто.

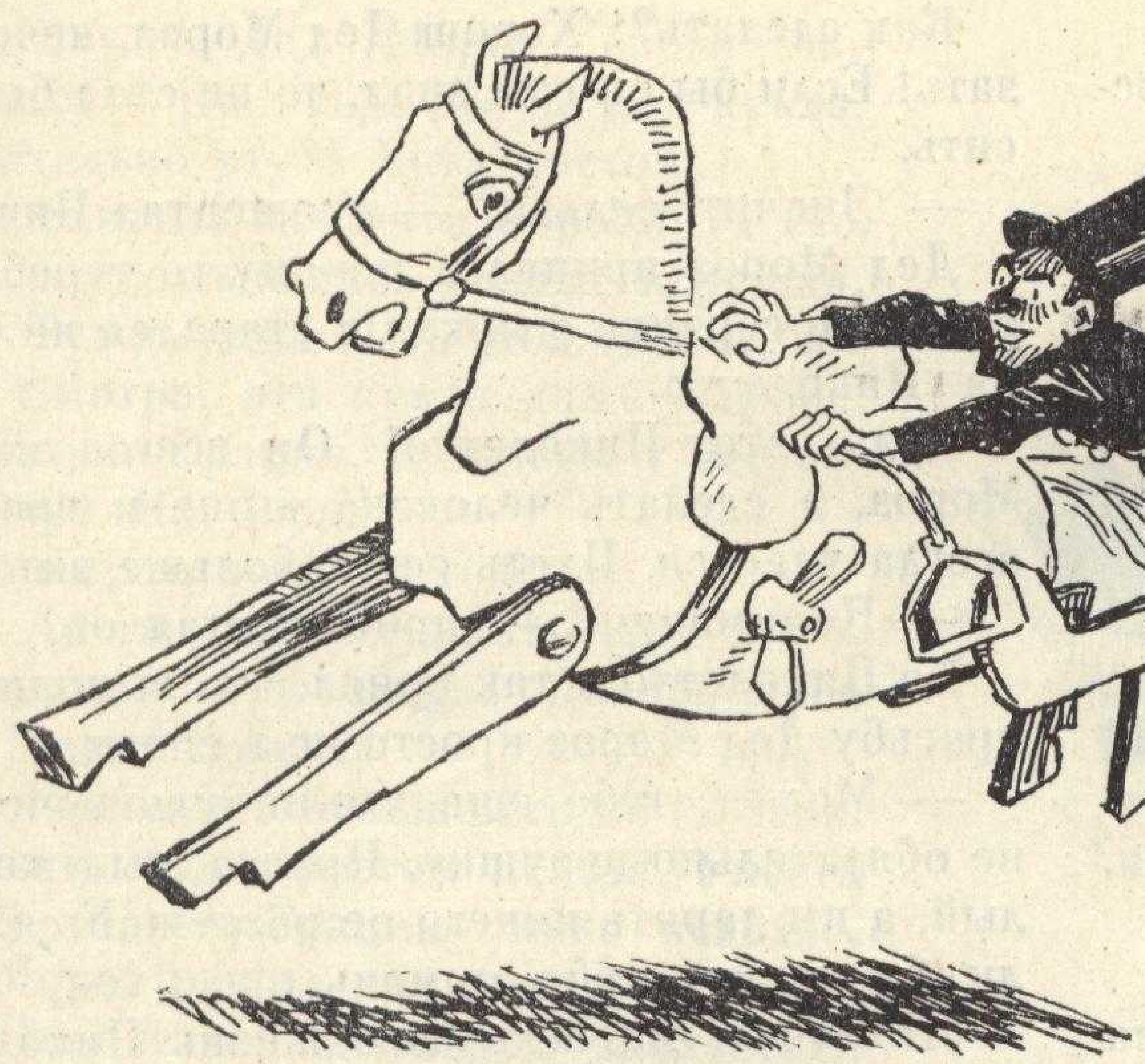
Но Стефано не стал его слушать. Только Дед Мороз мог вылезть из камина. А что он не признается, так это даже интереснее.

«Надо притвориться, что я ему поверил,— сообразил Стефано.— Дед Мороз не любит, чтобы его узнавали».

— Ну, раз ты не Дед Мороз, спокойной ночи,— сказал Стефано. Он лег на бок и притворился, будто спит. И до того хорошо притворился, что быстро заснул.

Тут Пиколетто здорово испугался. Еще бы! Забрался в чужой дом и даже «здравствуйте» не сказал. А вдруг его увидит отец белокурого мальчугана?! Конечно, он примет его, Пико-

летто, за вора. И позовет полицейских. Пиколетто задрожал от страха. Нужно поскорее отсюда удирать. Но как?

Пиколетто до того напугался, что даже не замечал чудесных игрушек. А их в комнате было видимо-невидимо. Огромная, выше его самого, лошадь, с ключом в боку, большущий заводной автомобиль и самое интересное — целый зоологический сад. Стоило нажать кнопку — и слон, жираф и тигр начинали бегать по клеткам.

Почему не по комнате, спросите вы? Да потому, что каждый сидел в отдельной клетке. И мечтал хоть в новогоднюю ночь погулять на воле. Но клетки были крепко заперты. А в углу стояла красивая кукла в голубом платье. И была она похожа на прекрасную фею из старых забытых сказок.

Но Пиколетто ничего этого не видел. Он думал только об одном: как бы ему поскорее отсюда улизнуть...

И придумал. Через дымоход. Как же он раньше не догадался! Ведь он сюда попал через дымоход, значит, через него и наружу можно выбраться.

Не теряя ни секунды, Пиколетто полез в дымоход.

Ура, он спасен! Кто-то догадался сделать в дымоходе прочные железные ступеньки.

И вот наш Пиколетто приготовился к штурму дымохода. Но только он взобрался на первую ступеньку, как кто-то наступил ему на голову. Вернее, даже не наступил, а обрушился. Пиколетто от боли и ярости свирепо заскрежетал зубами. Уже и по дымоходу нельзя спокойно ходить! Сейчас он покажет этому невеже!

Но кто, кроме трубочиста, мог забраться в дымоход? Да еще новогодней ночью? Не догадываетесь? Пиколетто вначале тоже не догадался.

Так вот, это был Дед Мороз. И не вздумайте мне доказывать, что Дед Мороз почти ничего не весит. Один мешок с игрушками чего стоит. А шапка, а шуба? К тому же все Деды Морозы малость подслеповаты. И случается, принимают чужую голову за ступеньку. Вам бы это понравилось?! Нет. Вот и Пиколетто не понравилось.

— Здравствуй, Стефано! — весело крикнул Дед Мороз.— Я тебе сделал больно, да? Милый мальчик!

Пиколетто сердито нахмурился. Во-первых, нечего с ним разговаривать, словно он младенец: «сделал больно», «милый мальчик». И потом, его зовут не Стефано, а... Но Дед Мороз не дал ему и рта раскрыть.

— Почему ты весь в золе?! Тебе давно пора спать! — удивился он.

— Тсс! Тише, тише,— прошептал Пиколетто.

Он боялся, что Дед Мороз всех разбудит. Да только Дед Мороз не стал его слушать. Он бросился разглядывать игрушки.

— Однако,— промычал он,— не плохо же тебе живется, дружище. Все эти игрушки кучу денег стоят.

Внезапно он увидел лошадь с ключом на боку.

— Ого! Отличный тебе подарок сделали!

— Это не мне,— начал было Пиколетто.

— Как здорово! — восхитился Дед Мороз и бросился к заводной кукле.— До чего красивая! Как ее зовут?

— Не знаю. Понимаете, я сам сюда попал...

— Добрый вечер! — вдруг заговорила кукла.— Меня зовут Мария-Грация, разумная кукла. Вы голодны? Чем вас угостить?

— Вот это да! — рявкнул Дед Мороз.— Кто тебе подарил такое чудо, Стефано?

Но ответить Пиколетто не успел.

— Его зовут не Стефано,— нежным голоском проговорила кукла.

— Так ты не Стефано? — Дед Мороз удивленно захлопал ресницами.

— Нет!

Пиколетто в третий раз пытался рассказать свою историю. Но кукла опять его опередила.

— Стефано давно уже спит в постели. А он трубочист.

— Вот как?!

Дед Мороз сердито посмотрел на Пиколетто.

— Почему ты мне сразу об этом не сказал?

— Потому, что вы его все время перебиваете,— вступилась за Пиколетто разумная кукла.

Она подошла к трубочисту и спросила:

— Разреши, я тебе помогу?

Пиколетто робко кивнул головой, и кукла сразу же принялась чистить его куртку щеткой. И сразу в комнату ворвался ураган копоти и сажи.

Внезапно что-то щелкнуло, и кукла Мария-Грация застыла неподвижно со щеткой в руке. Это Дед Мороз догадался нажать рычажок.

— Смотри, что ты наделала! — сказал он кукле.— Хорошо еще, что я в технике разбираюсь. А то бы мы задохнулись от копоти.

Он внимательно посмотрел на Пиколетто.

— Что это ты такой грустный? Может, у тебя голова болит?

— У меня? Кажется, нет,— пробормотал Пиколетто.

— Далеко ли ты живешь?

— Близко.

И тут лицо у Пиколетто стало печальным-печальным. Слишком печальным для мальчика.

Только теперь Дед Мороз понял, что Пиколетто уже совсем взрослый.

— Досадно! Очень досадно,— конфузливо пробормотал он.— Хочешь, я твое заветное желание исполню? Подумай хорошенько!.. Я, Дед Мороз, многое могу.

Пиколетто с надеждой посмотрел на Деда Мороза. «Сказать или не сказать? Нет, а то он мне прямо в лицо рассмеется».

— Ну, говори же! — не унимался Дед Мороз.— Ведь у каждого есть своя мечта!

— Я хочу...— начал было Пиколетто и умолк.

— Ну, смелее! — подбодрил его Дед Мороз.

— Нет, это очень трудно сделать.

— Откуда ты знаешь? Попытка не пытка.

— Я, я хочу... стать выше,— пролепетал Пиколетто.

— Хочешь... стать выше?! — Дед Мороз посмотрел на Пиколетто так, словно тот попросил у него в подарок живую акулу.— А как это сделать?

Как сделать?! Хорош Дед Мороз, нечего сказать! Если бы он сам знал, то не стал бы и просить.

— Значит, нельзя? — прошептал Пиколетто.

Дед Мороз принялся почему-то теребить бороду. Он сердито фыркал и старался не глядеть на Пиколетто.

Чудак этот Пиколетто! Он всего лишь Дед Мороз, а сделать человека выше и врачам не всегда удается. Пусть ест побольше витаминов.

— Понимаешь...— пробормотал он.

Но Пиколетто и так понял, что выполнить его просьбу Дед Мороз просто не в силах.

— Может, тебе еще что-нибудь хочется? И не обязательно игрушку. Правда, ты уже взрослый, а им дарить ничего не разрешается. Но если бы я мог тебе помочь...

«Помочь». За всю свою жизнь Пиколетто и слова такого не слышал. Неужели Дед Мороз первый из всех готов прийти ему, Пиколетто, на помощь?

Хотя почему первый? А кукла Мария-Грация? Разве она не сама подошла к нему и стала счищать копоть и сажу? Даже свое чудесное голубое платье не побоялась испортить. Значит, для нее он, грязный маленький трубочист, ничем не хуже высоких и чистых людей?!

— Подари мне игрушку!

Дед Мороз радостно заулыбался.

— Хоть десять! Выбирай любую.

— Подари мне Марию-Грацию.

— Кого, кого? — удивился Дед Мороз.

Понимаете, как и многие старики, он быстро забывал имена.

— Марию-Грацию.— Пиколетто показал на куклу, которая застыла со щеткой в руке.

— Эту? — Дед Мороз снова помрачнел.— Но... ведь это не моя кукла. Обязательно эту?! Хотя постой...

Он схватил мешок и опрокинул его. И на пол посыпались разные игрушки.

— Тут должна быть похожая. А, вот она! Смотри, эта кукла даже больше, чем Мария-Грация. И волосы у нее покрасивее. На, бери.

Пиколетто покачал головой.

— Да ты сам подумай! Разве я могу дарить чужую вещь? Далась тебе эта Мария-Грация.

Но Пиколетто больше его не слушал.

«Стать выше ростом нельзя. Унести домой Марию-Грацию тоже нельзя». Дед Мороз решил над ним подшутить!

У Пиколетто на глазах заблестели слезы. Печально согнувшись, маленький трубочист побрел к камину. Он в последний раз обвел взглядом комнату, потом посмотрел вверх. Через дымоход был виден лишь тоненький ломтик неба. Но сколько на нем было звезд! Больших и совсем маленьких, похожих на сверкающие хрусталики.

— Прощай, Дед Мороз,— негромко сказал он.

Бедняга Дед Мороз от смущения даже закашлялся.

— Все-таки уходишь,— пробормотал он.— Я стольким людям принес радость! А вот тебе не смог. Старею, видно.

— Нет, это я сам виноват. Прошу, чего не следует.

— Конечно, стоит ли горевать из-за какой-то куклы?! — обрадовался Дед Мороз.— Посмотри, чем плохи эти оловянные солдатики? Хочешь?

Ничего не ответив, Пиколетто начал взбираться по ступенькам.

— Подожди. Я подарю тебе духовое ружье. И еще костюм индейцев.

Но Пиколетто уже исчез в дымоходе.

— Нет, подай ему непременно куклу! — сердито пробурчал Дед Мороз.— Не понимаю, зачем ему, взрослому человеку, кукла?

А ведь верно, зачем ему кукла? Странные люди, эти взрослые, не правда ли?

Едва Персино увидел Пиколетто, он сразу открыл зеленый глаз.

— Откуда ты? — промяукал он.

Пиколетто молчал.

— Ну и холодище! — чуть громче промяукал кот.

И снова не получил никакого ответа. Он закрыл зеленый глаз и открыл красный. Так он всегда делал, когда волновался.

«Что случилось с Пиколетто? Почему он такой невеселый? Тут есть над чем голову поломать».

Но долго ломать голову ему не пришлось.

— Попробуй угадай, какой у кукол голос? — вдруг сказал Пиколетто.

Тут уж Персино открыл оба глаза и с величайшим изумлением поглядел на Пиколетто.

— Она такая добрая. Щеткой меня почистила,— продолжал говорить сам с собой Пиколетто.— Какое мне дело, что внутри у нее пружина. Главное, она обо мне заботилась, ухаживала за мной. И не посмотрела, что я ростом не вышел. Я бы ее заводил каждый вечер. Ведь и часы, если их не завести, наутро остановятся. Значит, она устроена, как часы?! Ну, конечно.

— Кто, какие часы? — тревожно мяукнул Персино.

— Так, ничего. Я видел куклу. Ее зовут Мария-Грация. Какой у нее приятный голос! И какая она заботливая! Только она не моя, а Стефано.

— Кого-кого? — удивился Персино.

Но Пиколетто так громко разговаривал сам с собой, что ничего не слышал.

— Зачем, спрашивается, Новый год бывает? Чтобы тебе оловянных солдатиков дарили? На что они мне?! А вот стать выше ростом нельзя. Ну почему это так получается, что ничего не получается?! Даже в Новый год!

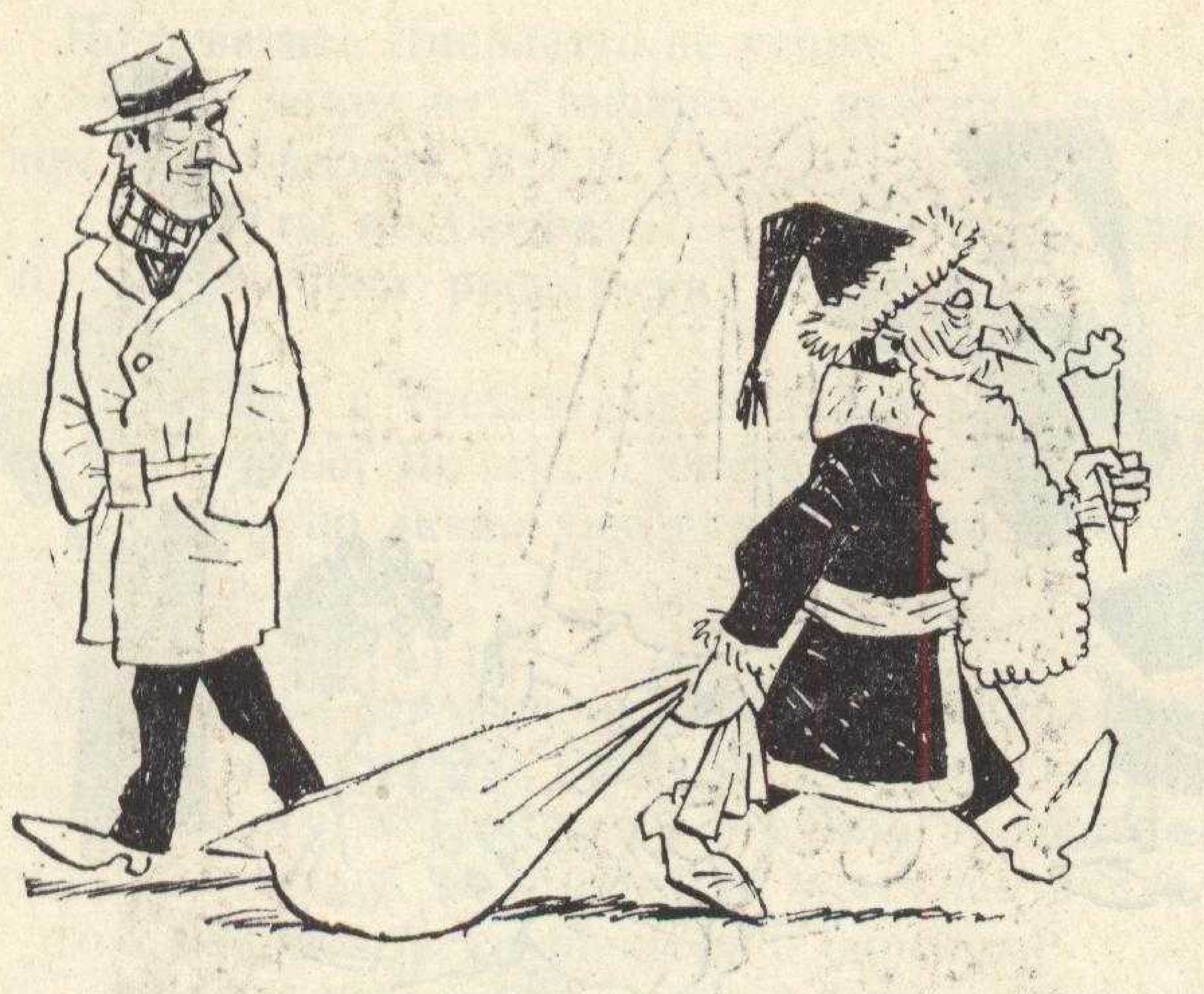
Из всего этого кот понял только, что в веселую новогоднюю ночь Пиколетто ужасно несчастлив и одинок.

— Здесь сыро,— сказал он.— Не пойти ли нам домой?

— Куда? — рассеянно переспросил Пиколетто.

— Уже поздно. Нам пора домой,— повторил Персино.

Домой?! В его холодную, голую комнату на втором этаже. Разве сравнишь ее с роскошной

спальней Стефано?! Но что поделаешь? Когда-нибудь нужно идти домой. И они стали осторожно спускаться по лесенке. Пиколетто впереди, кот Персино сзади.

— А знаешь, я видел сегодня богатого мальчика! — обратился Пиколетто к коту.— Он спал. До чего странные люди попадаются!

Персино удивленно поглядел на друга зеленым глазом. Мол, что же тут странного?

И Пиколетто вмиг ему все объяснил.

— Понимаешь, он спал! Спал в новогоднюю ночь, хоть он богач. Зачем тогда, спрашивается, быть богатым?

— Чтобы спать в мягкой постели,— промяукал в ответ Персино.

Но Пиколетто его уже не слушал. Он упорно думал о своем.

— У меня никогда не будет такой чудесной куклы! — грустно сказал он.— Если только она Стефано не надоест и он не выбросит ее. Зачем ему кукла? Чтобы почистить ему костюмчик от копоти? Но ведь он, как и все богачи, не работает. Значит, и в копоти не измажется. А в куклы мальчишки не играют.

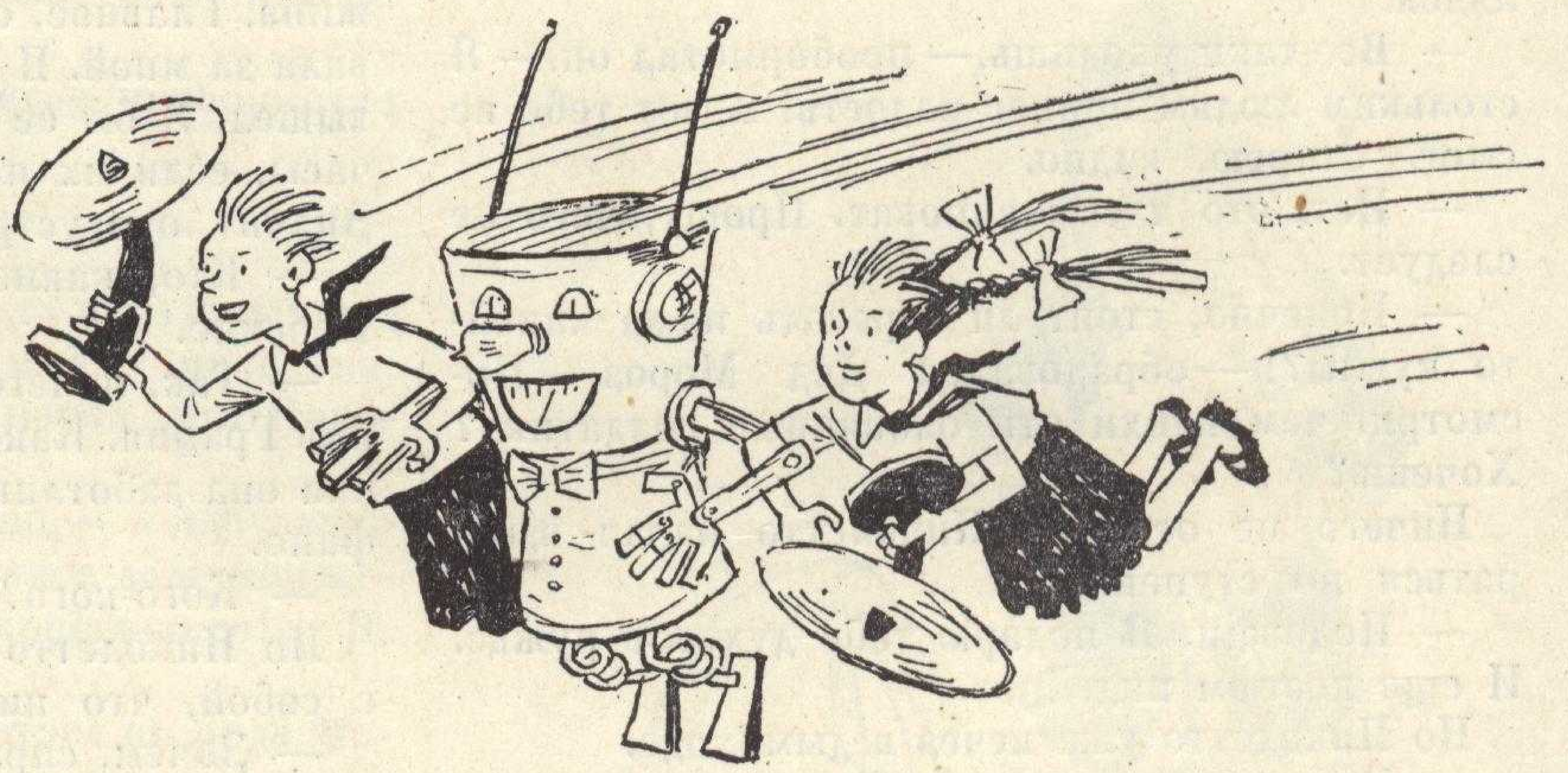
Теперь Пиколетто и сам заторопился.

— Скорее, Персино, скорее. Может, он ее уже выкинул.

Новогодний Смехотрон

Представьте себе мальчика Сашу двенадцати лет, спящего у себя дома в постели. Рядом, в другой постели, представьте Сашину сестру Шуру, тоже двенадцати лет, тоже спящую. Они близнецы, живут в большом доме, на двенадцатом этаже.

Теперь вообразите себе темную зимнюю ночь. Время около половины двенадцатого. На улицах пустынно. В небе неяркая луна, две-три звезды, крупный, кружащийся снег и... Но может быть, это кажется?

Нет, не кажется. Это, держа в руках по вентилятору, летит над городом Смехотрон и для чего-то заглядывает в окна. Вот он задержался в воздухе, подобно вертолетику, нашел окно, не заклеенное на зиму и даже чуть-чуть приоткрытое. Видимо, тут живут закаленные люди. Хорошо! А что еще лучше— в углу комнаты, увидел Смехотрон, поблескивает серебряными игрушками елка.

— Смехотрон! Зачем тебе наша елка?— послышался шепот проснувшегося Саши.

Смехотрон вздрогнул, елка стеклянно зазвенела. Тут же с другой постели тоже послышался шепот — это проснулась Шура:

— Правда, это Смехотрон? Я сначала подумала, жулики...

— Я не жулик! Поверьте мне! — смущенно заговорил Смехотрон.— Я вам сейчас все расскажу.

Что рассказал Смехотрон Саше и Шуре,— это знают только они втроем, но, может, и вы узнаете, только потерпите. А теперь попробуйте себе представить, как около полуночи летело над тихой Москвой невероятнейшее сооружение. Саша и Шура держали по вентилятору да еще под ручки Смехотрона, который, будто знамя, нес по воздуху украшенную звенящую елку. Говорят, некоторые люди видели их, но не поверили своим глазам. На одиннадцатом этаже здания, где помещается редакция «Пионера», одно из окон было настежь раскрыто. В него-то и влетела вся компания.

Что было дальше, вы можете узнать на странице 49-й.

И он запрыгал сразу через четыре ступеньки. Персино за ним. Кот был очень изумлен и напуган. С Николетто случилось что-то неладное. Наверно, он, когда падал, головой о решетку дымохода ударился.

Наконец Николетто выскочил на улицу. Вокруг ни души.

Сыпал легкий снежок. Николетто подбежал к дому богатого мальчика, задрал голову и стал ждать. Но окно оставалось темным.

Значит, Стефано все еще спит.

Николетто не знал, что ему теперь делать, куда идти... Они с Персино были одни на длинной, темной улице. Бедному маленькому трубочисту стало тоскливо и неуютно, как проказливому тряпичному зайцу в огромной сверкающей витрине. Что ж, надо идти домой. Он медленно поплелся по улице. Подошел к своему дому, поднялся на второй этаж, взялся за дверную ручку и грустно сказал:

— Какой скверный Новый год!

— Поздравляю с Новым годом! — донеслось из-за двери.

Николетто вздрогнул. Это же голос Марии-Грации! А может, ему показалось? Нет, это была самая настоящая Мария-Грация. Но только уже не кукла, а белокурая девушка в красном платьице. Она смотрела на Николетто и улыбалась. А посреди комнаты стояла мохнатая новогодняя елка.

— Входи же,— ласково сказала Мария-Грация.

Персино не стал ждать особого приглашения. Без долгих разговоров он юркнул в дверь. За ним шагнул через порог и наш Николетто.

Едва на втором этаже захлопнулась дверь, Дед Мороз радостно усмехнулся в усы. Перекинул мешок через плечо и быстро зашагал по улице. Хоть одному человеку во всем этом огромном, бестолковом городе он в новогоднюю ночь принес счастье. А то он совсем уже было собрался наняться сторожем на дровяной склад.

Кто-нибудь из вас видел, как ходит Дед Мороз, когда ему весело? Нет?! А я однажды видел. Он подпрыгивал на ходу, напевал шутливую песенку и то и дело спотыкался о бороду. Мешок у него волочился по мостовой, но он ничего не замечал и за обе щеки уплетал мороженое.

Вы, наверное, скажете, что не к лицу Деду Морозу, словно малышу, лакомиться на улице мороженым. Но ведь он думал, что его никто не видит. И уж, конечно, не слышал, как я тихо сказал ему вслед:

— С Новым тебя годом, старый проказник!

Перевел с итальянского Л. ВЕРШИНИН.

ТЕАТР

ОТ АВТОРА

Дорогие ребята! Эта пьеса очень проста в постановке. Роли ее распределить легко. Я думаю, что Дениска, Мишка и Костик — это ребята из 3-го или 4-го класса, и лучше будет, если вы их пригласите из числа тех, кто много читал про Дениску,— тогда они будут уже подготовлены, будут понимать своих героев.

Дениска — большой фантазер, озорник, но, в общем, простой и славный мальчуган. Он попадает в смешные истории из-за своего любопытства и наивности. Мишка же — парень флегматичный, толстый, он любит покушать. Таких, как Мишка, называют «пончиками». Когда я учился, то у нас в школе был свой «пончик», и я думаю, что почти в каждом классе есть собственный «пончик». Ну, а Костик недавно болел, поэтому поотстал от ребят и пишет вместо «птенцы» «пценцы». Он самый худенький, в чем только душа держится...

Тетя Паша в синем халатике и косынке, в очках. Пригласите на эту роль какую-нибудь девочку из шестого или седьмого класса. Когда косынку повяжете, можно волосы «тете Паше» припудрить пудрой, получится, что она уже поседела от возни с малышами. Раиса Ивановна (ее тоже играет девочка примерно из седьмого класса) всегда в свежем и выглаженном платье, прическа, как у взрослой, пучком, вот и все.

Сначала идет пролог. Его нужно играть подле самой сцены, на ступенечках у входа на сцену,

почти возле занавеса. А потом, когда ребята пришли к школе, то с другой стороны сцены выдвигается табуретка, и на ней сидит тетя Паша, у нее в руках коробка с пуговицами и иголками. Это уже раздевалка. А когда Дениска побежит в класс, то занавес распахнется, и тут уже на сцене мы видим доску, столик Раисы Ивановны и парту для Дениски и Мишки. Можно и несколько парт поставить, пусть на них сидят свободные ребята — они будут смеяться над нашими героями. Это так называемые «артисты массовых сцен». Рояль стоит где-то за сценой, и куплеты должна играть ваша учительница пения или вообще кто умеет.

Произносить слова пьесы нужно громко и отчетливо, а то в школе всегда шумновато, особенно в праздничные дни, ребята галдят, и многие не слышат, что происходит на сцене. Но об этом мы еще поговорим. А пока желаю вам успеха.

Виктор ДРАГУНСКИЙ **Рисунки В. КУРЧЕВСКОГО.**

МАЛЕНЬКИЙ ПРОЛОГ

Свет погас. Слышны школьные звонки, бьют часы. Тишина. Через центральный выход сломя голову мчатся Дениска и Мишка. У обоих растерзанный вид.

ДЕНИСКА. Бегом давай, Мишка! Опоздали! Летим! Как молнии!

МИШКА (*жалобно*). Пять минут поиграли и уже опоздали! Вот до чего доводит хоккей! Я совсем забыл, на каком мы находимся свете!

ДЕНИСКА. Ну, теперь влетит! Родителей вызовут, это точно! Давай бегом, тебе говорят!

МИШКА. Не торопись. Теперь уже все равно опоздали!

ДЕНИСКА. Ой, влетит, вот это влетит! Потому что без уважительной причины, вот в чем загвоздка-то. Как бы на совет отряда не пригласили.

МИШКА (*рассудительно*). А надо ее придумать, уважительную эту причину. Давай выдумывай поскорей!!

ДЕНИСКА. Прямо не знаю...

МИШКА. Давай скажем, что у нас зубы заболели и что мы ходили их вырывать!

ДЕНИСКА (*фыркнув*). У обоих сразу заболели, да? Хором заболели? Не, так не бывает! И потом, если мы их рвали, то где же дыры?

МИШКА. Что же делать?

ДЕНИСКА. Слушай, знаешь что? Надо придумать что-нибудь интересное и храброе, чтобы нас же еще и похвалили за опоздание, понял?

МИШКА (*озадаченно*). Это как?

ДЕНИСКА. Ну, например, выдумаем, что где-нибудь был пожар, а мы как будто ребенка из этого пожара вытащили. Понял?

МИШКА (*обрадованно*). Ага! Понял, понял. Знаешь что? Можно про пожар выдумать, а то еще лучше: сказать, как будто лед на пруду проломился и ребенок этот — бух! В воду упал! А мы его вытащили... Как?

ДЕНИСКА. Тоже красиво! Правильно. Но пожар все-таки как-то лучше.

МИШКА. Ну, нет. Именно лопнувший пруд, лед, прорубь! Это гораздо интереснее!

ДЕНИСКА. А по-моему, пожар!

МИШКА. Пруд, лед! Красота!

ДЕНИСКА. Огонь, дым! Шик-блеск! Ах, что будет!

Так, споря, они входят на просцениум. Над занавесом возникает надпись: «Школа № 75». Раздевалка. Выходит тетя Паша.

ДЕНИСКА (*раздеваясь*). Не хватало, чтобы еще уроки спросили или к доске вызвали. Совершенно ничего не сделал.

МИШКА. А почему?

ДЕНИСКА. Завозился. Атомный телескоп строил из холодильника и бритвы. Ну так как? Огонь, дым?

МИШКА. Лучше пруд, лед.

ДЕНИСКА. Очень ты упрямый. Огонь, дым, понял? И делу конец.

ТЕТЯ ПАША (*смотрит на раздевающихся ребят*). Ты где это так оборвался, Мишка. А?

МИШКА. Где?

ТЕТЯ ПАША. Вот, гляди. У тебя весь воротник без пуговиц. Нельзя таким чучелом в класс являться!

МИШКА. Вот беда!

ДЕНИСКА. Час от часу.

ТЕТЯ ПАША. Давай уж пришью. Все равно опоздал. У меня таких пуговиц целая коробка!

ДЕНИСКА. Вы побыстрее, тетя Паша, пожалуйста.

ТЕТЯ ПАША. А ты, Дениска, иди в класс. Ступай. Нечего тебе здесь торчать!

ДЕНИСКА. Мишка! Ты попроворней тут шевелись, а то мне одному, что ли, отдуваться?

ТЕТЯ ПАША. Иди, иди! Он за тобой мигом! Ну, марш!

Она ведет Мишку, привязанного к ней ниткой, за собой. Дениска убегает в другую сторону.

ДЕНИСКА (*Мишке*). Огонь, дым!

МИШКА (*Дениске*). Лед, треск!

Занавес распахивается, перед нами родной класс наших героев, стенгазета, шкаф. У столика Раиса Ивановна, у доски Костик. Раиса Ивановна диктует.

РАИСА ИВАНОВНА. Ну-с, Костик, пиши! (*Раскрывает книгу.*) Птенцы пищат.

КОСТИК (*задумался, и как бы сомневаясь*). Пищат? Птенцы?

РАИСА ИВАНОВНА (*убежденно*). Птенцы пищат...

КОСТИК (*пожав плечами, пишет*). Пценцы пестчат...

Смех. Костик испуганно стирает слог «цы». Пишет «тсы». Смех громче. Костик стирает букву «т» во втором слове. Пишет «д». «Пцентсы пестчад». Смех. Тихонько открывается дверь. Вбегает Дениска. Пользуясь всеобщим оживлением, он добирается до шкафа. Здесь его останавливает строгий взгляд Раисы Ивановны. Дениска вытянулся в струнку.

ДЕНИСКА. Можно войти, Раиса Ивановна?

РАИСА ИВАНОВНА (*строго*). Но ведь ты уже вошел! (*Дениска двинулся к двери.*) Ну что ж, оставайся. Интересно, где это ты пропадал? (*Разглядывает его.*) Что у тебя за вид? Ты почему такой встрепанный? Отвечай толком!

ДЕНИСКА (*он, видно, еще не придумал оправдания и говорит что попало, только чтобы протянуть время*). Я, Раиса Ивановна, не один... Вдвоем мы... Вместе с Мишкой... Вот оно как... Ого-го-го! Ну и дела! Так и так!..

РАИСА ИВАНОВНА (*встревожилась*). Что, что? Да ты успокойся, говори помедленней. А то непонятно. Что случилось? Где вы были? Да говори же!

ДЕНИСКА. Мы, Раиса Ивановна, мы шли с Мишкой. Да. Вот. Шли себе мы и шли. Мы никого не трогали, а шли. Мы в школу шли. Чтоб не опоздать. И вдруг такое!.. Такое дело, Раиса Ивановна, ох-ох-ох-ох-ох! Ух ты! Ай-ай-ай!

Смех. Громче всех смеется Костик.

РАИСА ИВАНОВНА. Тише! Дайте разобраться! Кораблев! Отвечай: где вы были? Где Миша?

ДЕНИСКА. Мишка сейчас тетю Пашу к пуговице пришивает... То есть воротник пришивает к тете Паше!

Смех и шум.

РАИСА ИВАНОВНА *(грозно)*. Где вы были?

ДЕНИСКА *(после паузы, отчаянно)*. Там пожар был!

РАИСА ИВАНОВНА *(в ужасе)*. Где... пожар?

ДЕНИСКА *(горячо)*. Возле нас. Во дворе! Во флигеле! Дым. Огонь. Шик-блеск! То есть дым! Огонь! Валит! Клубами! А мы идем с Мишкой. Мимо этого! Как его... Мимо черного хода! А дверь этого хода кто-то доской снаружи припер! Вот. А мы идем. А оттуда, значит, дым! И кто-то пищит. Ну, мы доску отбросили, а там маленькая девочка. Плачет. Задыхается. Ну, мы ее за руки, за ноги и спасли. А тут ее мама прибегает, говорит: «Как ваша фамилия, мальчики? Я про вас в газету благодарность напишу». А мы с Мишкой говорим: «Что вы, какая может быть благодарность за эту пустяковую девчонку! Не стоит благодарности! Мы скромные советские ребята!» Вот. И мы ушли с Мишкой. Можно сесть, Раиса Ивановна?

РАИСА ИВАНОВНА *(она глубоко тронута)*. Как это хорошо! Очень, очень рада, что вы с Мишей такие молодцы! Иди, милый, садись.

Дениска невесело идет на место, сопровождаемый почтительным шепотом окружающих. Он садится на место. Дверь распахивается, и в класс входит Миша.

РАИСА ИВАНОВНА *(обрадованно)*. Входи, входи, Мишук, садись. Успокойся! Ты ведь тоже, конечно, переволновался.

МИШКА. Еще как! Я боялся, что вы заругаетесь!

РАИСА ИВАНОВНА. Ну, раз у тебя такая уважительная причина, ты мог не волноваться! Все-таки вы с Дениской человека спасли, не каждый день такое бывает.

МИШКА. Ч... ч... че...ловека? Сс...ссsuccпасли? Как? Кто спас?

ДЕНИСКА *(поспешно)*. Ничего не поделаешь, Мишка! Брось притворяться. Я уже все рассказал! Ну, что ты смотришь на меня как баран на новые ворота? Я все рассказал. Все, все! *(Подмигивает Мишке. А Мишка смотрит на него, разинув рот. Он ничего не понимает.)* Да, да, Мишка. Я им все рассказал. Про подвиг!

Мишка вспомнил. И сразу принялся играть паиньку.

МИШКА *(противным, приличным голосом)*. Ну, что ты, зачем ты это? Стоило ли говорить! Ерунда какая... Можно сесть? *(Садится, раскладывает тетради. Потом все-таки черт дергает его за язык.)* А он вовсе и не тяжелый был. *(Небрежно.)* Кило десять — пятнадцать, не больше...

РАИСА ИВАНОВНА. Кто? Кто нетяжелый, кило десять—пятнадцать, не больше?

МИШКА. Да мальчишка этот.

РАИСА ИВАНОВНА. Какой мальчишка?

МИШКА. Да которого мы с Дениской изподо льда вытащили.

РАИСА ИВАНОВНА. Ты что-то путаешь. Ведь это была девочка, и потом, откуда же там лед?

МИШКА *(он гнет свое)*. Как откуда лед? Зима, вот и лед! Все Чистые пруды замерзли. А мы с Дениской идем, слышим, кто-то из проруби кричит. Барахтается и пищит. Карабкается. Бултыхается и хватается руками! Ну, а лед что? Лед, конечно, обламывается. Ну, мы с Дениской подползли, сейчас этого мальчишку за руки, за ноги — и на берег. Ну, тут дедушка его прибежал, давай слезы лить... *(Мишка врет как по-писаному, еще лучше Дениски. После каждого слова весь класс прямо покатывается. Дениска делает ему отчаянные знаки, чтоб замолчал. Но тот заливается соловьем.)* Ну, тут дедушка его говорит: «Сейчас я вам, мальчики, именные часы подарю». А мы говорим: «Что вы, не надо, мы скромные советские ребята...»

ДЕНИС *(не выдержав, кричит)*. Только это был пожар! Мишка перепутал!

МИШКА. Ты что рехнулся, что ли? Какой может быть в проруби пожар? Это ты все позабыл!

РАИСА ИВАНОВНА *(сначала смеется, но постепенно все серьезней и серьезней)*. Ну, давно-давно я так не смеялась. Умори-

ли.. Совсем без сил оставили... Никогда в жизни у меня не было такого ужасного урока. Никогда. Сами посудите: сначала Костик на доске развел каких-то небывалых «пценцов», потом Мишка с Дениской спасли неизвестно мальчика или девочку и неизвестно из огня или из-подо льда. А все потому, что все они боялись в правде признаться! И отсюда и пошло, вранье, вранье и еще раз вранье. А чего бояться? Разве не лучше честно признаться: не сделал, не выучил,— пусть понесешь наказание, зато ты честный человек. Верно? Дениска, Мишка, Костик? Что вы на это скажете? *(Она садится к роялю.)*

Дениска, Мишка, Костик выходят на авансцену и поют:

Показал вам наш театр
Водевиль, и не простой;
Очень, может быть, ребята,
Вы смеялись над собой.

Поразмыслив очень живо,
Вы теперь понять должны,
Что лгунишки не нужны нам
И трусишки не нужны!

Да! Лгунишки не нужны нам
И трусишки не нужны!

Танцуют.

Занавес.

Новогодний Смехотрон

— Свет зажигать нельзя,— сказал Саша,— нас могут обнаружить.

— А лампочки на елке? — спросила Шура.

Но в это время кто-то тихонько постучался в дверь. Смехотрон и близнецы замерли.

— Смехотроша! — раздался голосок из-за двери.— Меня Шах к тебе послал. Дай нам какую-нибудь смешиночку, а то у нас все фигуры двигаться не хотят. Им скучно. Никто же в Новый год в шахматы не играет...

— Это Пешкин, все в порядке,— сказал Смехотрон и пошутил:

— Всю жизнь ходить по доске,
Так это завянешь в тоске..,
А вы слезайте с доски,
Вот и не будет тоски!

— А можно мы к тебе придем? — засмеявшись, спросил Пешкин.— Мы не будем тебе мешать. Мы потихонечку...

— Сыпьте! — сказал Смехотрон, отворив дверь.

В ту же секунду действительно посыпались в комнату черные и белые пешки, слоны, кони, ферзи. Последним вошел сам Шах и сказал:

— О смешнейший из смешнейших, я вижу у тебя елку, но не вижу Деда Мороза, и да позволено будет мне, шахматному владыке...

— Все ясно,— сказал Смехотрон,— я угадал твою мысль и согласен. Садись под елку, будешь у нас Шах-Морозом...

— Партию в шахматы, о улыбчивый из улыбчивых!—предложил, удобно усаживаясь под елку, толстый и добрый Шах.

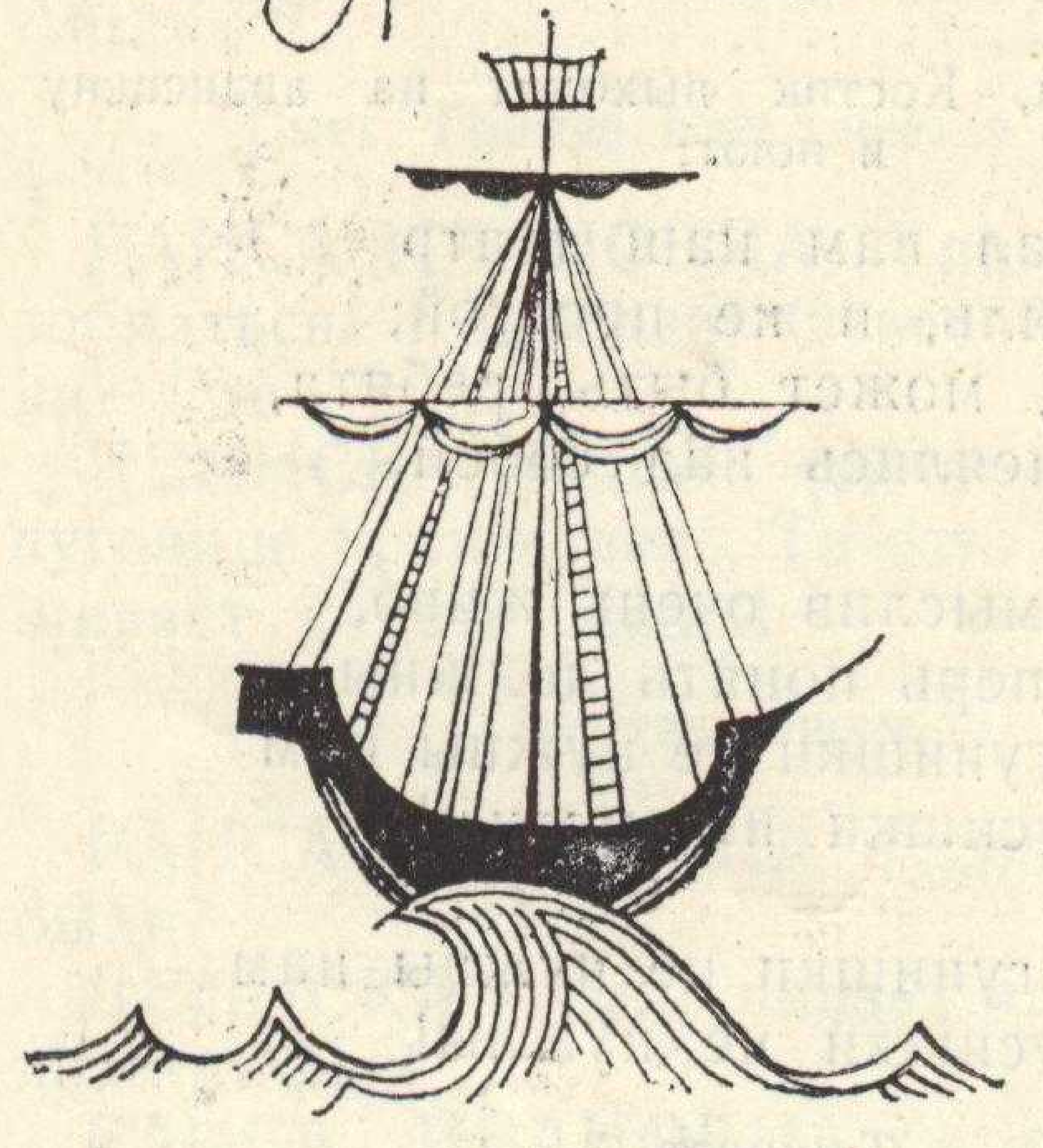
У Смехотрона, было, мелькнула мысль: а не обыграть ли его для потехи с треском и в два счета, пользуясь ЧМНР? Нет, не стоит, жалко бедного Шаха. Да и времени осталось совсем мало, а еще надо всех созвать сюда, а как это сделать, если все двери заперты?

Девочку Кай, так как она бумажная и совсем тоненькая, Смехотрон, включив свою пылесосную часть, просто-напросто высосал воздушным потоком из-под двери.

— Все в порядке,— сказал Смехотрон,— девочка Кай, не плачь, не скучай. За дверью направо ждет тебя шахматная орава.

А теперь смотри страницу 68.

Журнал в журнале

Кораблик

печатает только тебя

Лес

Далеко-далеко за путями,
Где по рельсам бегут поезда,
Лес чернеет, как будто зеленым
Не был он никогда.

Снег лежит на деревьях, как в сказке,
Превращая деревья в зверей:
Вон сосна превратилась в медведя,
А кусты превратились в ежей.

Сережа Сухоруков.
12 лет. г. Валуйки.

Пусть поют соловьи

Пусть поют соловьи
Этой ночью
И завтрашней тоже!
Пусть поют соловьи
Новым летом,
Что нами не прожито;
В молодых зеленях,
Где березы
Белы, густолисты;
На калины ветвях,
Что еще над ручьем
Не нависли;
В том саду за рекой —
От заката
До всплеска восхода;
И на яблоньке той,
Что живет лишь в мечтах
садовода;
И над тем, чей конец
Уже близок,
Нельзя отмахнуться;
И над встречей сердец,
Что еще не горят
И не бьются!

Виктор Демин.
14 лет. г. Балахна.

Случай на границе

...У запруды шла напряженная борьба. Вода бурлила, клокотала и пенилась. Изредка появлялись головы и руки.

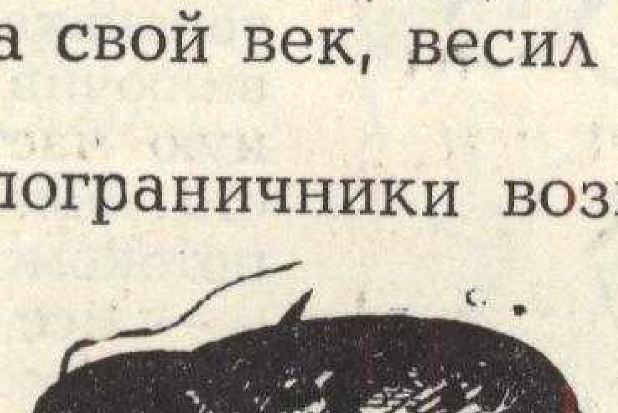
Противник был очень силен. Даже двое пограничников не могли выбросить его на берег. Он тоже появлялся на поверхности, но тут же уходил под воду. Молодой пограничник несколько раз пытался накинуть петлю ему на голову, но петля все время соскальзывала.

Дело разрешил старший лейтенант; он выхватил из ножен кинжал и распорол живот преступнику.

Преступник был вытащен на берег. Этот сом, немало съевший утят за свой век, весил около тридцати килограммов.

Довольные пограничники возвращались в казарму.

Володя Пятов.
14 лет. г. Бийск.

Ветер

Спокойно на озере,
Тишь да гладь.
Играй, пока не устанешь играть.
Но только лишь ветер угрюмый
появится —
Волны шуметь начинают
И стариться;
Волны седеют, волны волнуются,
Только лишь ветер упрямый
беснуется:
Ему все равно — пускай седеют,
Ведь слова сказать они не смеют;
Он полновластен в этот час,
Может и делает много проказ.

Люда Карпова.
14 лет. Поселок Толмачево,
Ленинградской области.

Какое все непохожее в Москве и на Камчатке, в Киеве и в Тбилиси, на Неве и на Амуре! Всюду есть что-то особенное, чего не увидишь в других местах.

В этом номере «Кораблика» мы печатаем рисунки ребят, живущих на Чукотке, в поселке Лорино. Рисунки эти принесла в редакцию художница Елизавета Григорьевна Аксельрод.

Сразу видно, что Юра Ринтыч, Наташа Тегрелькут и Валя Рольтыт живут на Севере, где все им знакомо.

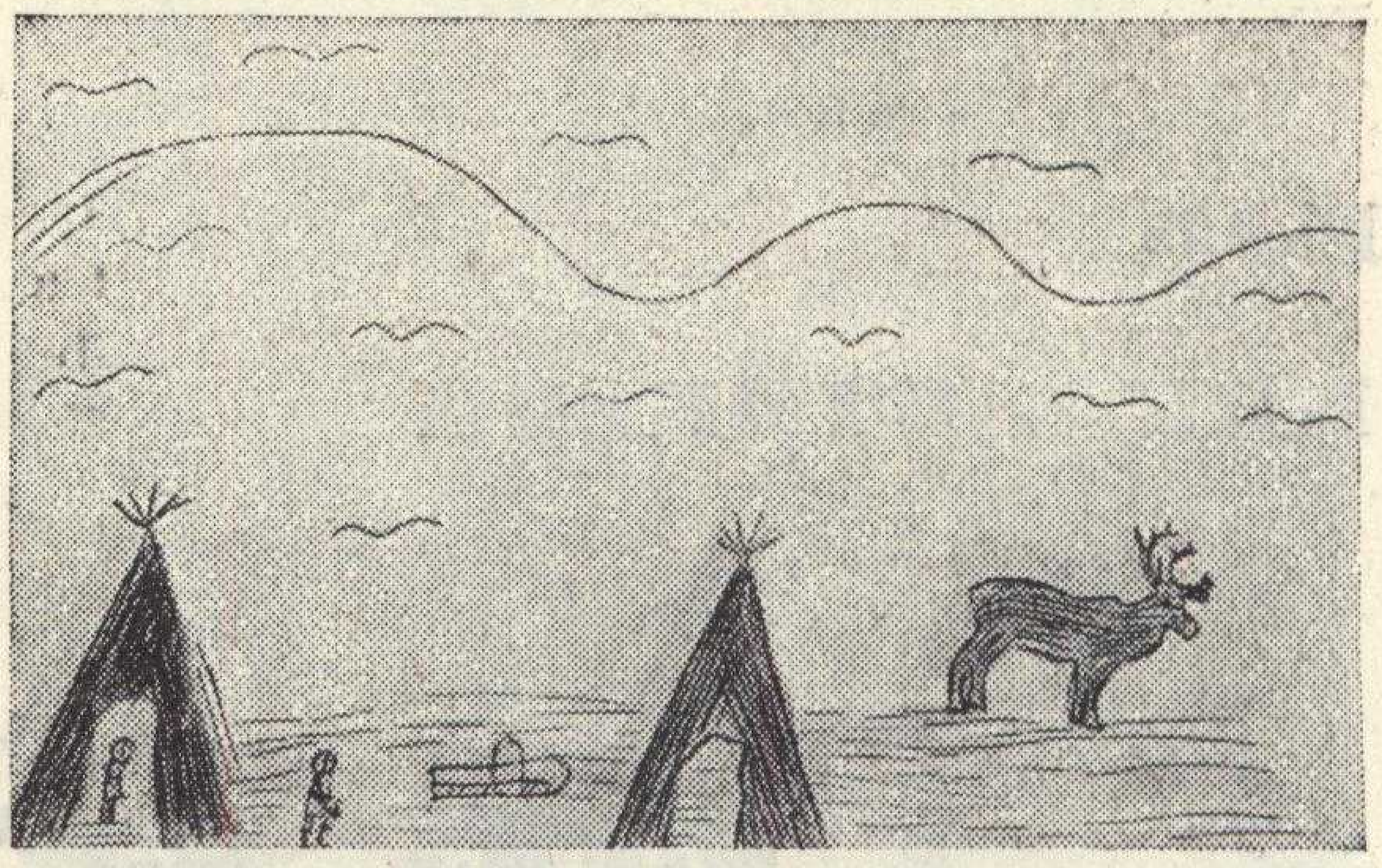

Рисунок Наташи Тегрелькут.
11 лет.

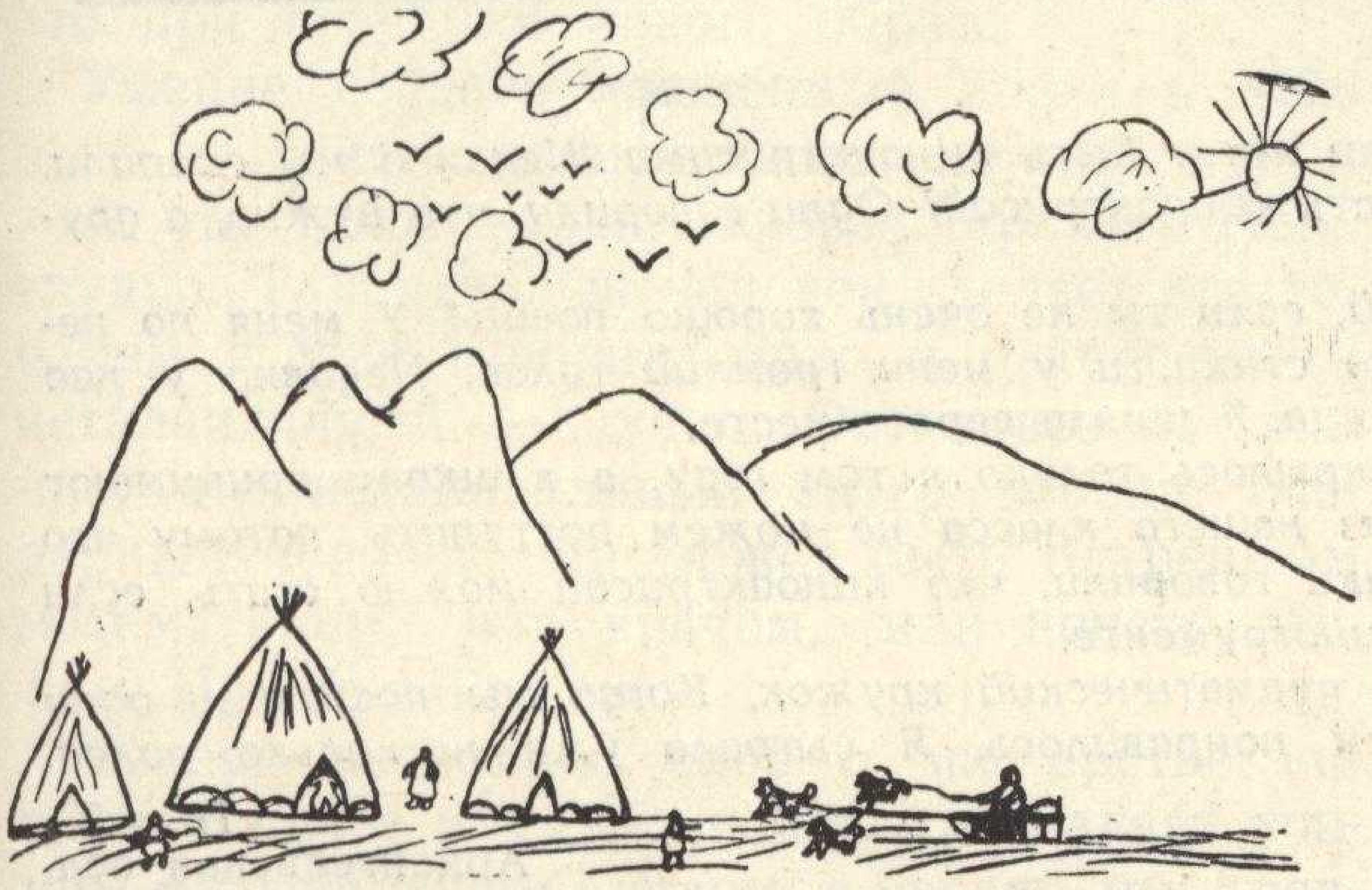

Рисунок Вали Рольтыт.
11 лет.

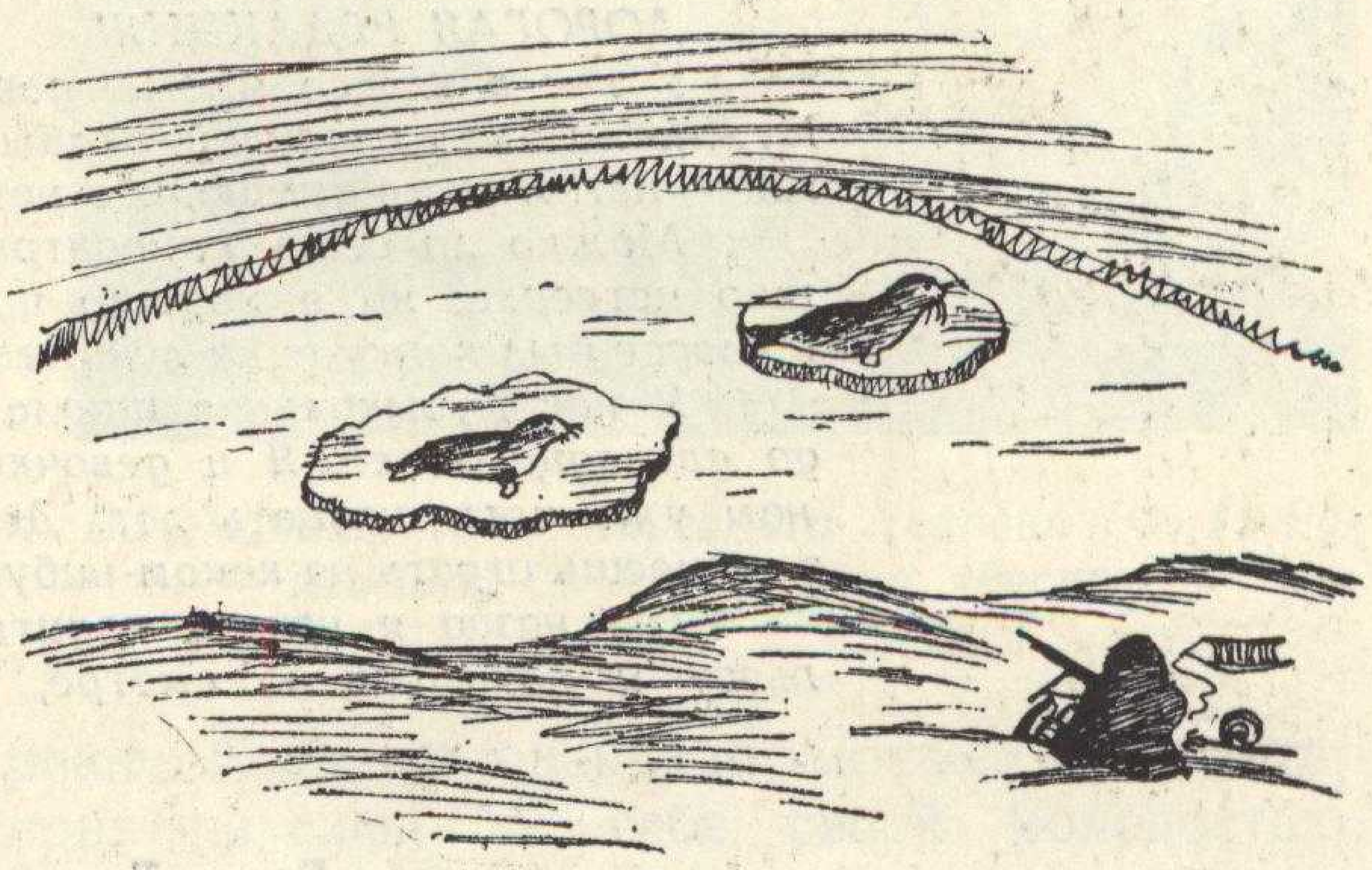

Рисунок Юры Ринтыча.
10 лет.

СТАРЫЙ АВТОБУС

Старый автобус свой век отслужил,
Прожил всю жизнь на бегу.
Славною смертью теперь он почил
Возле столба на снегу.

Смотрят окошки тоскливо на сад,
Двери скрипят на ветру...
Шины в снегу по колено стоят,
Словно деревья в бору.

От бензобака валяется крышка;
Дыры, как след от осколков и пуль...
Лишь иногда залезают мальчишки,
Крутят заржавленный, сломанный руль.

Саша Рудь

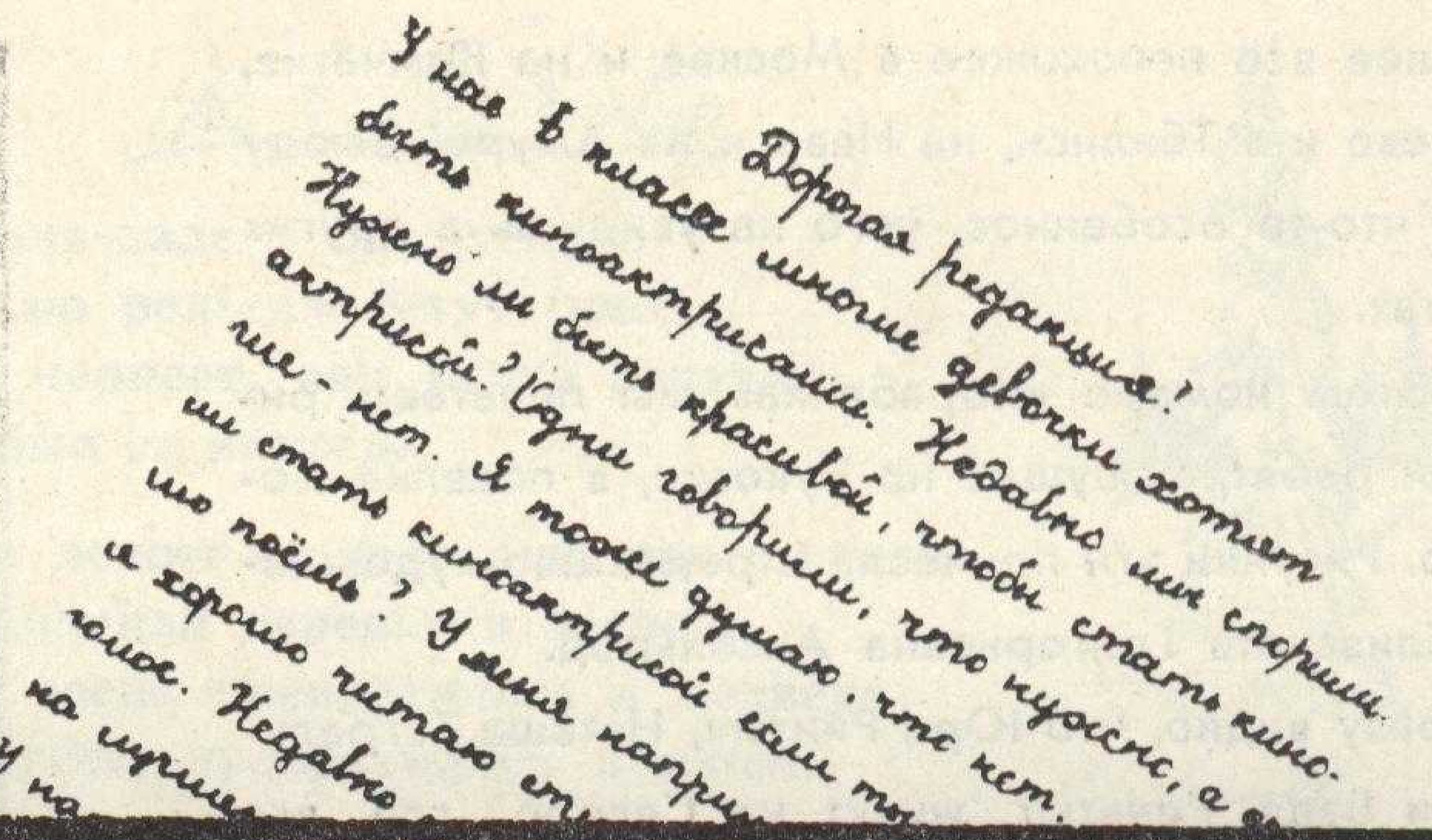
14 лет. Совхоз «Спартак», Башкирской АССР.

От редакции «Журнала в журнале»:

Итак, в следующем месяце «Кораблику» исполнится год. Мы готовим юбилейный выпуск «Журнала в журнале». Писем в редакцию приходит еще больше, чем раньше.

Но некоторые ребята, приславшие нам стихи, рассказы, сказки, рисунки, забыли написать на конверте свой адрес. И мы очень огорчены, что не можем ответить этим ребятам.

Быть или не быть киноактрисой

НАДО ПОСОВЕТОВАТЬСЯ

ДОРОГАЯ РЕДАКЦИЯ!

У нас в классе многие девочки хотят быть киноактрисами. Недавно мы спорили. Нужно ли быть красивой, чтобы стать киноактрисой? Одни говорили, что нужно, а другие — нет. Я тоже думаю, что нет.

Можно ли стать киноактрисой, если ты не очень хорошо поешь? У меня по пению четверка, но я хорошо читаю стихи, и у меня громкий голос. Недавно у нас в классе был конкурс на лучшего чтеца. Я заняла первое место.

У нас музыкальная школа открылась только в том году, а в школу принимают до двенадцати лет. Я и девочки из нашего класса не можем поступить, потому что нам уже четырнадцать лет. Девочки говорили, что киноактрисой можно стать, если ты умеешь играть на каком-нибудь инструменте.

Год назад я начала ходить в драматический кружок. Когда мы поставили одну пьесу и показали на смотре, всем понравилось. Я сыграла уже несколько ролей.

Галя Т.,
Архангельская обл.

Гале Т. отвечает заслуженный деятель искусств РСФСР режиссер Яков Александрович Сегель

Дорогая Галя!

Конечно, хорошо быть красивой, хорошо быть стройной, такой, чтоб, когда идешь по улице, все на тебя оглядывались. Но вспомни заслуженную артистку республики Валентину Телегину, заслуженную артистку республики Надежду Румянцеву, народную артистку республики Фаину Раневскую. Внешне они вовсе не похожи на Венеру Милосскую, они совсем не те, кого называют красавицами. А по-моему, они прекрасны. Для меня они красивей самых красивых женщин в мире, потому что они умные, талантливые, потому что каждый раз, когда они появляются на экране, ты, Галя, наверное, видишь живых, взволнованных людей.

Конечно, красота в профессии киноактрисы не самое главное.

Главное, на мой взгляд, умение увидеть в жизни и донести до зрителя всю сложность человеческого характера, умение правдиво рассказать о человеческих слабостях, силе, страданиях, радостях, мечтах. Главное — заставить зрителя поверить, будто герой на экране действительно существует в жизни.

Это не только свойство актерской профессии, это общие признаки реалистического искусства. Когда мы смотрим картину Репина «Иван Грозный и сын его Иван», то в том и заключается сила этого полотна, что мы верим в трагедию случившегося. Когда мы слушаем арию Юродивого из оперы Мусоргского «Борис Годунов», сквозь всю условность оперного построения мы ясно слышим живую человеческую интонацию. Когда мы читаем «Войну и мир» Льва Толстого, мы ничуть не сомневаемся, что Наташа Ростова, князь Андрей, Пьер Безухов, старик Болконский по-настоящему жили на белом свете.

Чтобы сыгранная актером роль убеждала, что перед нами живой человек, нужны талант, мастерство, знание и понимание жизни.

Когда-то, когда я сам мечтал стать актером, меня познакомили с артистом Художественного театра Хощановым. Он сказал мне, что актер должен быть прежде всего наблюдательным, и даже посоветовал, как развивать и тренировать в себе эту наблюдательность. С тех пор я стал ходить по ули-

цам, стараясь угадывать характеры и профессии прохожих. Я внимательно изучал их одежду, походку, жесты, а потом решал: это учитель, или это музыкант, или это врач. Затем подходил к ним, извинялся и спрашивал, прав ли я. Чаще всего я ошибался, но привычка наблюдать за людьми осталась у меня на всю жизнь.

Все интересное, что удалось увидеть, услышать, узнать, должно оставаться в актерской памяти, как в копилке, сохраняясь там до поры до времени, чтобы потом, когда это будет необходимо, актер мог достать нужные ему сведения о человеческой внешности, человеческих привычках и использовать все это при создании нового образа.

Умение создать жизненный образ и есть одно из основных актерских умений.

А что такое талант, сформулировать очень трудно. Талантливый человек сделает все то, о чем я уже говорил, ярко и интересно, а неталантливый — скучно. Это вовсе не значит, что неталантливый актер вообще бездарный человек. Он может быть одаренным математиком, или врачом, или конструктором. Нужно найти себя.

Теперь несколько слов о мастерстве актера. Бывает так, что человек обладает тонким музыкальным слухом, а играет, ну, предположим, на рояле плохо. Это происходит, на мой взгляд, потому, что талантлив-то он талантлив, а обращается со своим талантом бесхозяйственно. Чем одареннее человек, тем больше он должен работать, чтобы у таланта выросли крылья мастерства.

Ты уже большая девочка, Галя, и, наверное, понимаешь, что люди со временем стареют. Если молоденькая актриса или актер приятны сами по себе своей молодостью, свежестью, то что делать стареющему актеру или актрисе? Ведь их уже не спасут молодые, свежие глаза, гладкая кожа и юная фигура. А мы тем не менее любим встречаться с ними на экране. Происходит это потому, что в их игре мы видим талант, ум, мастерство, знание жизни.

Вспоминаете? Это Маргарита Львовна (Ф. Г. Раневская) из кинофильма «Весна».

Ты спрашиваешь еще: должен ли киноактер уметь играть на музыкальных инструментах, петь? Конечно, очень хорошо уметь играть и петь. Музыка ведь не только принадлежность актеров. И поют не только актеры, поют люди любых профессий. Но чем больше знает и умеет актер, тем больше самых разных ролей он сможет сыграть.

Очень важно, чтобы актер был хорошо физически тренированным человеком.

Такой знаменитый киноартист, как Иван Переверзев, в свое время должен был сыграть боксера. Он оказался настолько

А это Надежда Румянцева в фильме «Девчата».

подготовленным, что и сейчас заслуженный мастер спорта Михайлов, который тренировал его, готовя к съемкам в картине «Первая перчатка», вспоминает об Иване Федоровиче с большим уважением, считая, что и сейчас он мог бы встретиться на ринге с опытным противником.

Есть такой специальный предмет — сценическое движение. Он необходим артисту, потому что ему приходится создавать образы самых разных людей. Старых и молодых, здоровых и больных, слабых и сильных — и все они двигаются по-разному. И, следовательно, как же должен быть натренирован артист, чтобы в нужный момент похоже изобразить каждого из этих героев!

Мать (В. П. Телегина) получает письмо с фронта. Фильм «Дом, в котором я живу».

Я знаю — не по твоему только письму, а и по многим другим, — что часто ребятам профессия киноактера кажется привлекательной, легкой, наполненной радостью и улыбками. Это действительно радость, в том случае, когда роль получается. А вот насчет легкости — тут ребята ошибаются. Профессия эта чрезвычайно трудная, требующая больших усилий и напряжения.

За одну минуту, покамест ты сидишь в зрительном зале, через аппарат пробегает тридцать метров пленки. Чтобы снять эти тридцать метров, необходим целый съемочный день. Чтобы этот съемочный день состоялся, необходим день подготовки и день репетиций. Значит, чтобы ты, сидя в темном зрительном зале, получала удовольствие одну минуту, большой коллектив трудится три дня. Фильм идет обычно час сорок минут, то есть сто минут. Для тебя это сто минут, а для нас триста дней напряженного труда.

Иногда мы долго и мучительно ищем какую-то деталь, интонацию, настроение. Вот, например, чтобы снять сцену свидания матери с сыном-фронтовиком в фильме «Дом, в котором я живу», мне, Валентине Петровне Телегиной и Володе Земляникину пришлось обратиться памятью к годам войны. Нам помогали в этом художник, реквизиторы, костюмеры, оператор. Несколько дней мы потратили на то, чтобы кухня, где происходит это свидание, приобрела признаки военных лет. Мы заморозили окна, мы наклеили на стекла страшные бумажные кресты, памятные по тем годам, мы одели актеров так, как одевались тогда люди. А сцена все не получалась.

По ходу действия сын привозит матери с фронта свой скромный солдатский паек. И вдруг мы поняли, чего не хватает. За час перерыва нам удалось отыскать пачку концентрата «суп-пюре гороховый». Валентина Петровна Телегина увидела этот «суп-пюре гороховый» и заплакала по-настоящему. А глядя на нее, очень жизненно, правдиво сыграл свою роль и Володя Земляникин.

Конечно, дело не в пачке концентрата, а в тех ассоциациях, которые она вызвала в памяти Валентины Петровны Телегиной, в моей памяти и в памяти всех тех, кто пережил войну. Вспомнились люди, живущие сейчас и не дожившие до наших дней, вспомнились затемненные окна, фашистские бомбежки, скудные продовольственные карточки и все, что мы пережили тогда.

Если ты читала роман французского писателя Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», ты, должно быть, помнишь, Галя, как кончается эта книга. Трескается старая бутылка, и все кругом слышат звук «тринк!», что в переводе с немецкого означает «пейте!». Надо внимательно и жадно пить, впитывать в себя все, что окружает тебя в жизни, развивать свою наблюдательность, обогащать свои знания, впечатления.

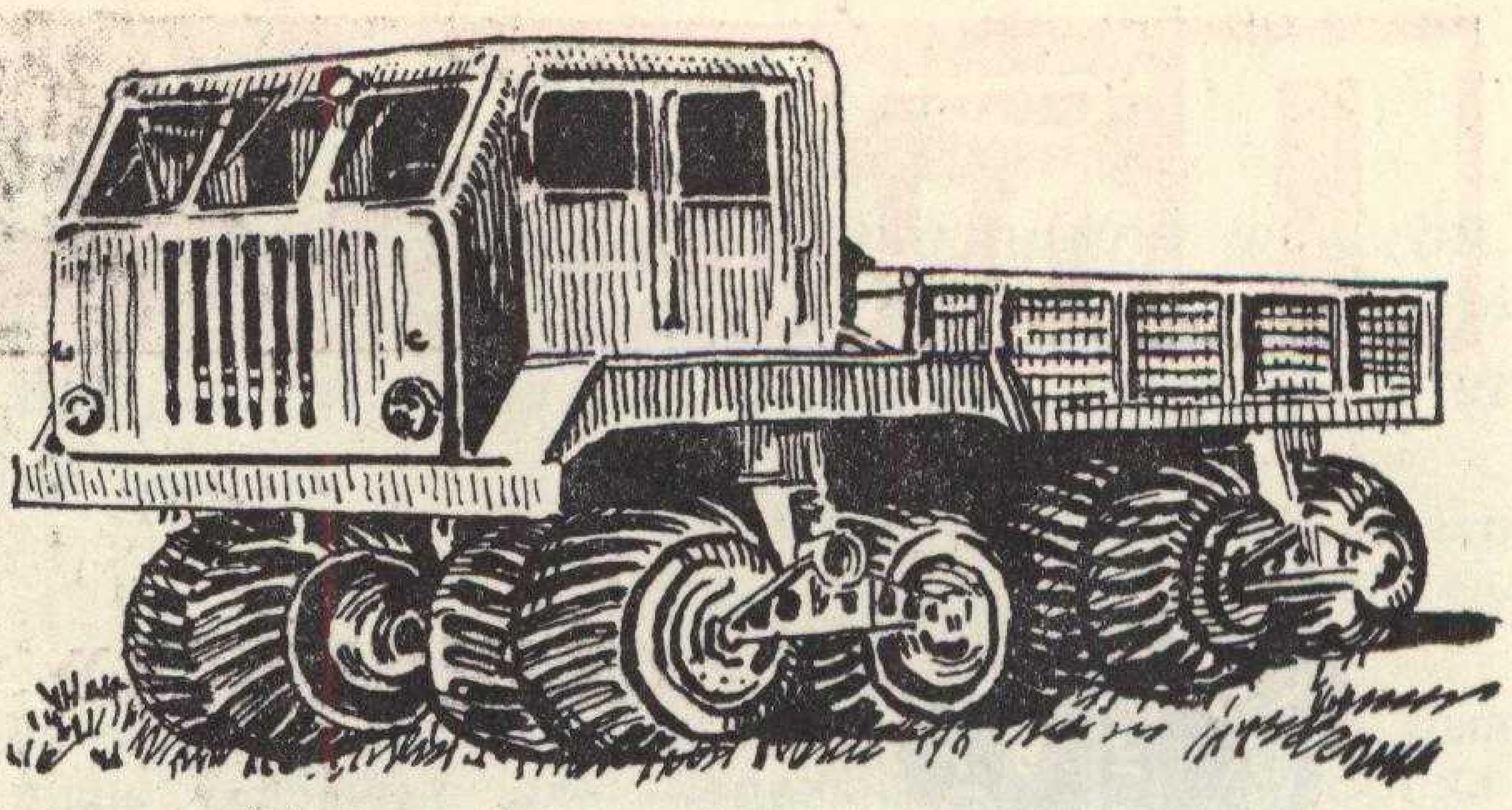
Вот и все. Других рецептов я не знаю.

Грузовик привыкли считать тихоходом. Но однажды, не так давно, на шоссе Москва — Минск проходили необычные состязания: грузовик соревновался в скорости с «легковушкой»... и победил! Стрелка его спидометра все время стояла на отметке 140 километров.

Это был автомобиль «ЗИЛ-130»—вы, наверно, уже видели его. У него восьмицилиндровый богатырь-мотор мощностью 135 лошадиных сил, легкий руль, которым управлять даже ребенку по силам, удобная кабина. Шофер из машины видит все, что делается спереди, справа и слева. Лобовое стекло кабины обмывают водяные фонтанчики. О таком грузовике давно мечтали шоферы...

Но всем ли машинам нужна большая скорость? Конечно, нет.

Вот, например, автомобили-гиганты. Зачем им скорость? Ведь они работают в карьерах, а там негде «разбежаться». Главное для них — поднять как можно больше груза. Кто не слышал о семействе гигантов из Белоруссии! Взгляните на вклейку — вот они, мощные «БЕЛАЗы». «БЕЛАЗ-548» (он на правом верхнем снимке, в центре) поднимает 40—45 тонн. Мощность его двигателя — 525 лошадиных сил. А скорость — 40 километров в час. С полуприцепом «БЕЛАЗ-548» превращается в автопоезд длиной больше двенадцати метров. А везет этот поезд 65 тонн. «БЕЛАЗы» выпускает Белорусский автомобильный завод в Жодино, Минской области. Все они добрые, надежные работяги. Каждый из них заменил множество обыкновенных грузовиков.

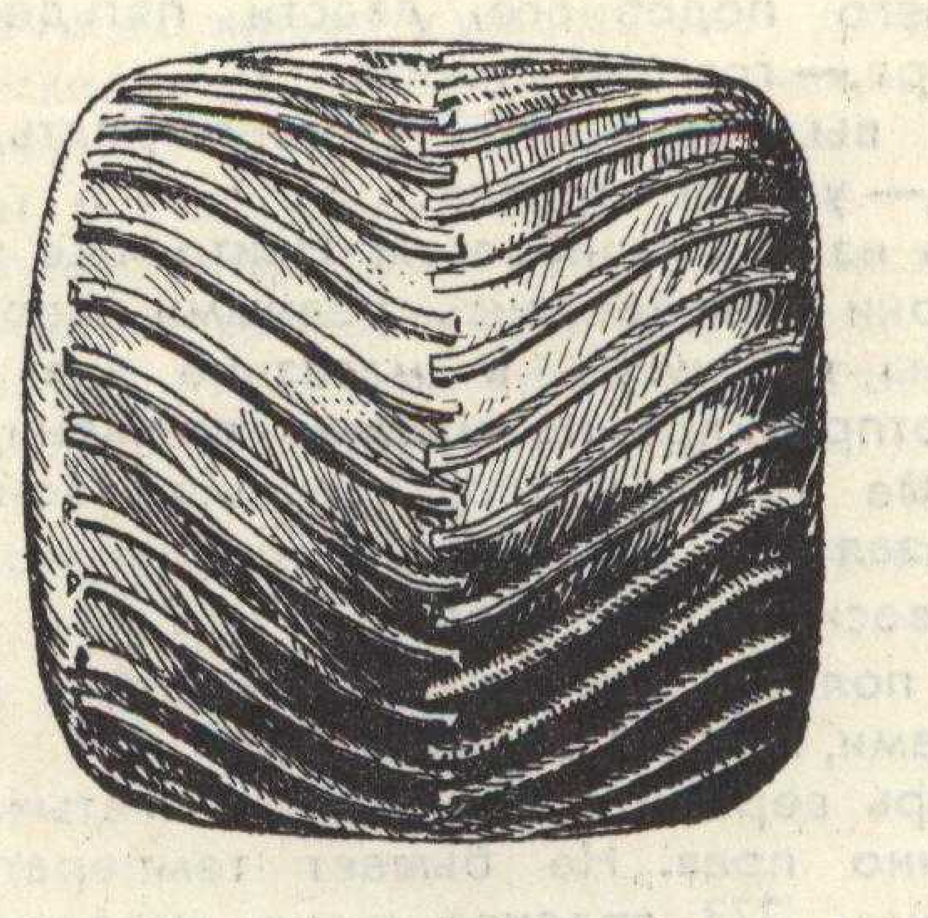
Тягач «Ураган» на своих знаменитых шинах.

СИЛАЧИ-ТЯЖЕЛОВОЗЫ

Сейчас белорусские автомобилестроители собираются построить гигант из гигантов — автомобиль, который сможет перевозить 110 тонн груза.

А мощные и красивые машины с фигуркой зубра на капоте — «МАЗы»? Их, рожденных на Минском автозаводе, так и стали называть — зубры Беловежской пущи. В моторах «МАЗов» сгорает не бензин, а тяжелое дизельное топливо: оно дешевле. «МАЗам» по плечу большие расстояния. Они и с железнодорожными поездами поспорят — грузы доставят быстрее.

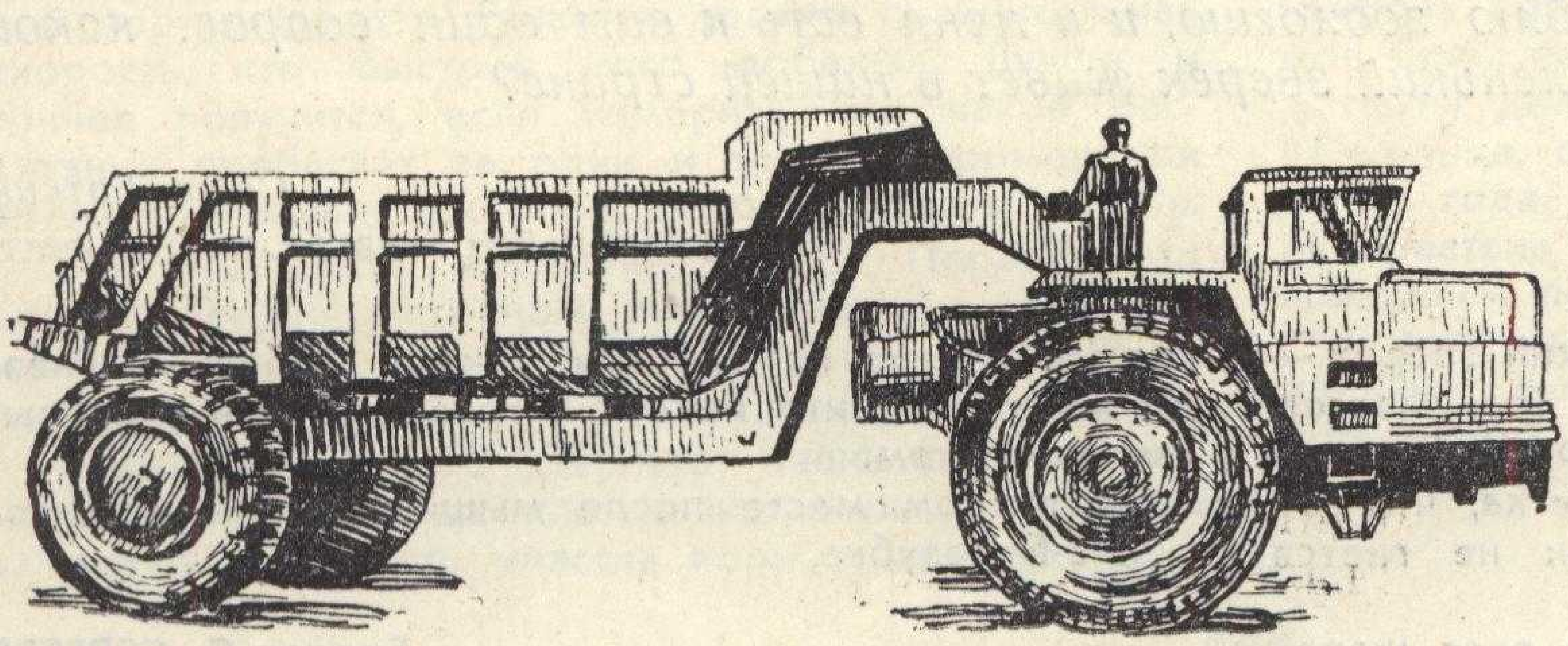
Как ни хороши «МАЗы» и «БЕЛАЗы», а для работы на холодном севере и жарком юге нужны другие автомобили. Нам нужны разные машины: и те, которые не боятся топких болот, и те, которым не страшны ни снежная целина, ни сыпучие пески. И такие автомобили у нас есть, а конструкторы и инженеры все время работают над новыми моделями. Вот некоторые новинки. Посмотрите, у тягача «Ураган» вместо обычных шин широченные, как бочки, пневмокатки. На них он не едет, а прямо плывет по земле, ему любое бездорожье не страшно.

А это широченная, как бочка, шина тягача.

А вездеход «Ермак» по-своему приспособился к плохой дороге: попал в разбитую колею — и давление в его шинах сразу же уменьшается, они делаются шире — и, пожалуйста, кати по грязи. Размером «Ермак» с железнодорожный вагон и может развить скорость до 65 километров в час. В автомобиле есть своя радиотелефонная станция.

А. ГРИБАНОВ

Эта громадина — «БЕЛАЗ-531» с прицепом.

Прочитал! А теперь повнимательнее рассмотри фотографии машин на цветной вклейке.

Почему и Отчего

«Ошибка» Артура Кларка

Дорогая редакция! У вас в рассказе «На хвосте кометы» написано, что температура в комете может быть —450 градусов. Папа уверяет, что температуры ниже —273 градусов по Цельсию быть не может. Помогите мне разобраться в этом.

Витя Лямичев
ученик 5-го класса, г. Фрязин.

С удовольствием поможем тебе, Витя! Действительно, тут надо разобраться. Давай для начала представим такой случай: три человека измеряют длину бруска.

— Сто дюймов,— говорит один.

— Ничего подобного, двести пятьдесят четыре сантиметра,— говорит второй.

— Что вы, братцы! Тут всего пятьдесят семь вершков,— уверяет третий.

Кто же из них ошибается? Никто. Все трое правы. Просто они пользовались разными мерами длины. Если бы ты, купив в магазине два килограмма сахара, отправился на машине времени в дореволюционные годы, купец, положив твой сахар на весы, сказал бы:

— Он весит пять фунтов.

Купец пользовался другими мерами веса: пудами, фунтами, лотами, золотниками.

А теперь вернемся к «хвосту кометы». Твой папа совершенно прав. Не бывает температуры более низкой, чем 273 градуса ниже нуля по Цельсию. Значит, автор рассказа, известный ученый и писатель Артур Кларк, ошибся? Представь себе, нет! Абсолютный нуль — самая низкая температура — действительно равен —273° по Цельсию. Ну, а если не по Цельсию? Можно еще мерить температуру по Реомюру, можно по Фаренгейту, можно по Кельвину.

Во всех случаях число делений на шкале термометра будет иным, и одна и та же измеряемая температура будет соответствовать иному числу градусов.

Термометр Цельсия, сунутый в кипящую воду, покажет +100 градусов. Термометр Реомюра в той же кастрюле с кипятком покажет +80, а термометр Фаренгейта +212. Ноль у Реомюра и у Цельсия соответствует температуре таяния льда, а у Фаренгейта ноль соответствует тридцати градусам мороза по Цельсию.

Видишь, как все сложно? Хуже, чем с дюймами, сантиметрами и вершками. Но так же, как сантиметры можно перевести в дюймы, а фунты — в килограммы, температуру, полученную в одной системе измерения, можно перевести в другую. И если это сделать, окажется, что —273° С равны —549° Ф. Упомянутая в рассказе Кларка температура — 450° дана по шкале Фаренгейта и соответствует — 218°С. Артур Кларк — англичанин, а в Англии пользуются термометрами Фаренгейта.

Е. РУБЦОВА

Кто меньше

Я люблю зоологию, и у меня есть к вам один вопрос: какой самый маленький зверек живет в нашей стране?

Саша Боткин
ученик 7-го класса, г. Ташкент.

Отвечаем тебе, Саша. Самый маленький зверек — это мышь-малютка. Длина ее тела (разумеется, не считая хвоста) всего-навсего полтора-два сантиметра. Мышь-малютка так мала и легка, что ее свободно выдерживает стебелек травы: не гнется и не ломается.

Мышь-малютка живет не в норке, а вьет шаровидное гнездо на вершине такого стебелька. Гнездо малютки свито из сухих травинок, а внутри выстелено пухом.

На втором месте после мыши-малютки — землеройка-бурозубка.

Биолог С. СЕРГЕЕВ

Про зиму, лето и кислород

Дорогой «Пионер»!

Как всем известно, мы дышим кислородом и зимой и летом. Летом, ясное дело, растения вырабатывают кислород для всех организмов. Ну а зимой откуда он берется? Ведь на деревьях нет листьев, и вся трава под снегом.

Люда Моисеенко
Казахстан.

Давай-ка, Люда, разберемся по порядку.

Во-первых, есть растения, которые «работают» круглый год, и зимой и летом. Это хвойные деревья и кустарники: ели, сосны, пихты, кедры, можжевельники. Вообрази хотя бы нашу необозримую сибирскую тайгу. Это же фабрика кислорода, работающая без выходных круглый год.

Во-вторых, ведь не на всей планете одновременно бывает зима. Когда в северном полушарии зима, в южном полушарии лето, и наоборот. Значит, растения работают в две смены.

В-третьих, существуют на Земле огромные пространства, где вообще никогда не бывает ни зимы, ни морозов. Это тропический пояс. Там бóльшая часть растений остается зеленой круглый год.

В-четвертых, атмосфера никогда не бывает неподвижной, так как мощные воздушные течения все время ее перемешивают. Кислород, выработанный растениями в одном месте, попадает и в другие места, даже в такие, где вообще нет никаких деревьев, ни хвойных, ни лиственных: например, на ледниковом щите Антарктиды, на ледяных полях Северного ледовитого океана, на вершинах гор, покрытых вечными снегами.

В-пятых — и это самое главное,— мы дышим не тем кислородом, который вот сейчас, сию минуту или вчера утром выдали в атмосферу растения. Туго нам пришлось бы, если бы в атмосфере был лишь суточный или недельный запас кислорода: что растения выработали, то животные и люди за этот же срок «выдышали».

Мы живем запасами, которые создали растения за многие миллионы лет. Ученые, которые называются геофизиками, подсчитали, сколько тонн кислорода накоплено в атмосфере Земли. Тонна чего-нибудь — это много, правда? Попробуй-ка ее с места сдвинуть! Так вот, кислорода в атмосфере полтора квадриллиона тонн. Если это написать цифрами, получится число пятнадцать с четырнадцатью нолями. Может, тебе легче будет понять, как это много, если ты представишь себе миллиард тонн, увеличенный еще в полтора миллиона раз...

Современные растения успевают восполнять не только тот кислород, который из этих запасов идет на дыхание всех живых существ, но даже и тот, который расходуется в топках, в печках, в двигателях, в химических установках.

Теперь ты видишь, как надо беречь растения! Если, неразумно истребляя их, человечество нарушит кислородное равновесие атмосферы, кислород начнет убывать, и плохо придется тогда всему живому, а в первую очередь нам, людям.

И. КАНАВЕЦ,
сотрудник физического факультета МГУ

На старте—свет и мысль

Здравствуй, дорогая редакция!

Письмо я села писать потому, что в классе у нас произошел большой спор: что всего быстрее на свете? Одни говорят, что быстрее всего мысль, а другие — что свет быстрее. Кто прав?

Ответа ждет весь шестой «а». Отвечайте с самой большой скоростью.

Надя Тенькова
Зерносовхоз «Щербаковск», Казахстан.

Когда ребята хотят узнать, кто из них быстрее всех бегает, они становятся в ряд и по сигналу бегут наперегонки до конца двора, до угла дома, до берега речки — словом, до какой-нибудь финишной черты. Но так узнается только сравнительная скорость, кто быстрее кого добежал. Лучше и точнее получится, если измерить, кто какое расстояние пробегает за один и тот же промежуток времени. Именно так определяют скорость ученые.

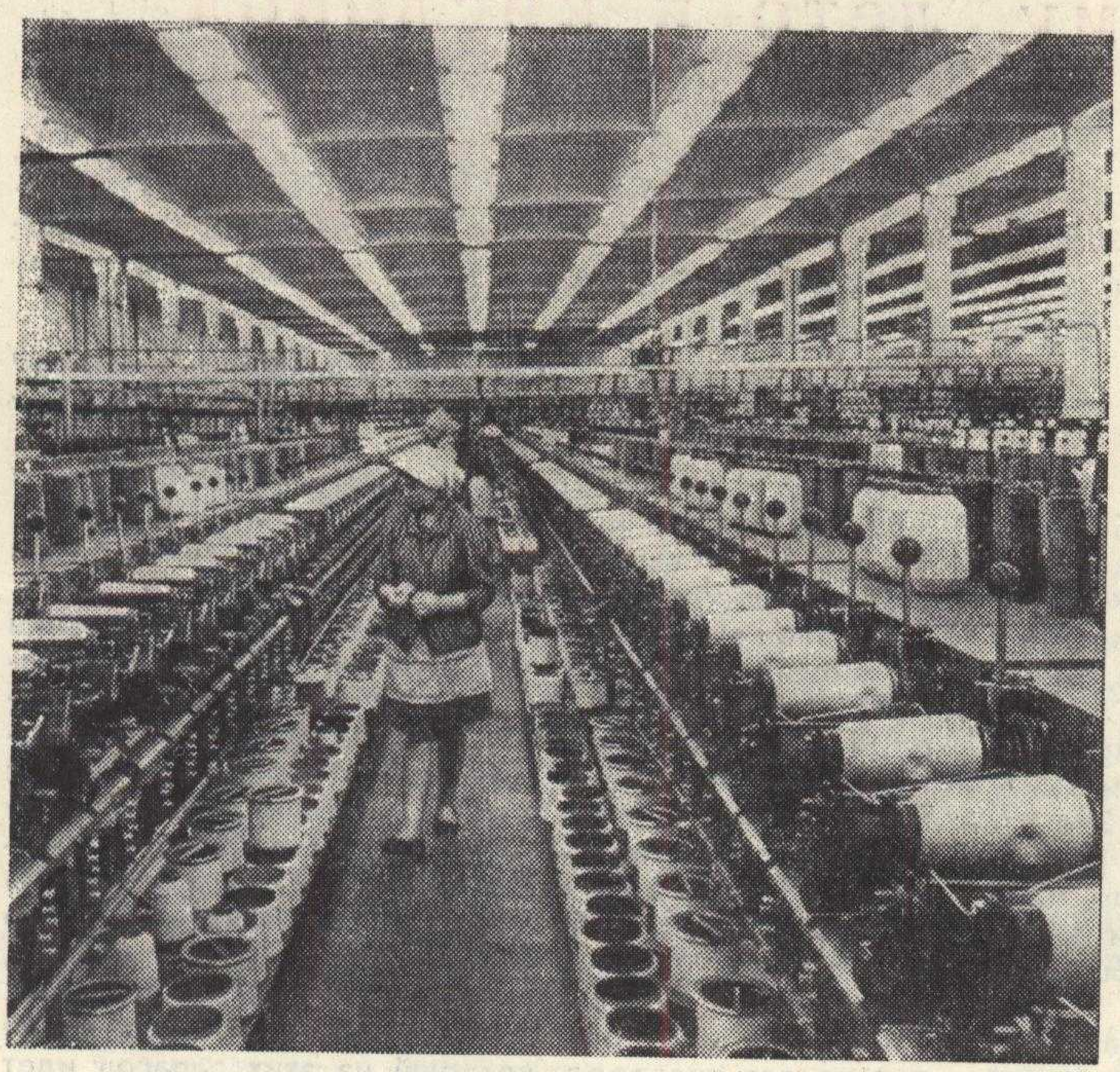
Скорость света измерена давно. Первым это сделал датский астроном Рёмер почти триста лет назад. Скорость света огромна: 300 000 километров в секунду.

А мысль? Ведь это результат очень сложной работы мозга, нервных клеток его коры. От клетки к клетке, от одного участка коры к другому идет множество сигналов, из которых и складывается то, что называется мыслью. Никто не пробовал измерять скорость мысли. Можно лишь сказать, с какой скоростью передается сигнал от нейрона к нейрону по живым «проводам». Эта скорость — самое большее 100 метров в секунду.

Чтобы долететь до звезды, хотя бы ближайшей от Солнца, световому сигналу надо четыре с половиной года. Со скоростью нервного импульса это путешествие длилось бы тринадцать с половиной миллионов лет.

Значит, мы думаем медленно? Ничуть! Ведь пути нервных сигналов микроскопически малы. Чтобы преодолеть их, нервному импульсу достаточно стотысячных долей секунды. Вот и получается быстро.

Е. ВЛАДИМИРОВА

Еще одна волшебница

А эта девушка — волшебница по профессии. Светлый сухой порошок она превращает в блестящую капроновую нить.

Встретили мы ее на Черниговском комбинате искусственного волокна. Комбинат новый и громадный — один из самых больших в Европе. Работают здесь точные станки-автоматы. Волшебнице остается только ими повелевать.

На празднике зимы

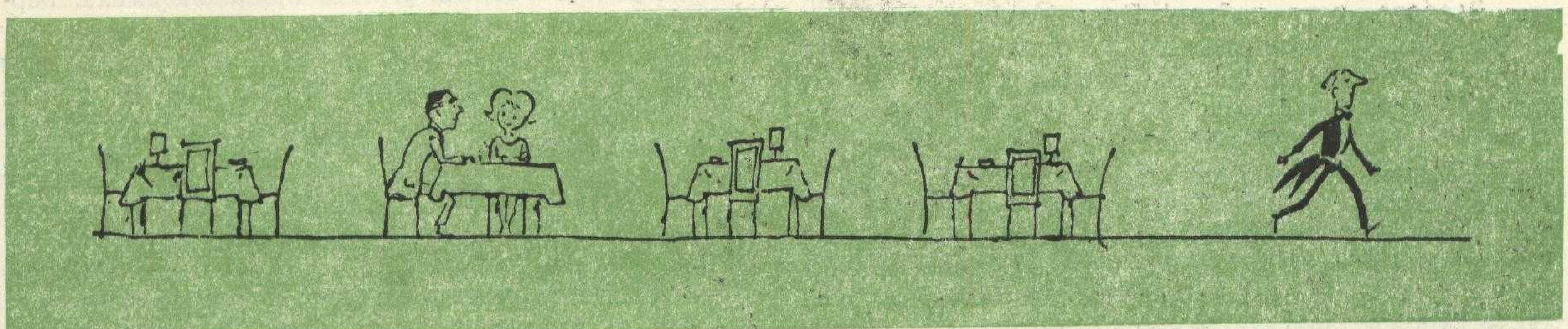
На Севере нам повезло: мы как раз попали на праздник зимы. Оленеводы-ненцы выбрали из стада самых лучших бегунов и соревновались в езде на упряжках.

Ох, до чего легка и стремительна — будто птица летит — ненецкая оленья упряжка! Пожалуй, и на поезде ее не обогнать! За четверкой оленей — длинные санки. На санках — каюр в меховой ма́лице, похожей на костюм космонавта. Ма́лица натянута поверх теплой шерстяной и меховой одежды, плотно затянута сыромятным ремнем. Сама она на двойном меху: внутри медвежий, а снаружи гладкий олений, чтобы костюм не обледенел. Одни только глаза открыты у каюра: при такой скорости сорокаградусный мороз опасен, олени и то простужаются!

Эрих КЕСТНЕР

Рисунки Хорста ЛЕМКЕ

Маленький Человек

(Окончание.)

Речь могла идти только о похищении. Но кто похитил Максика? И зачем? Было ясно, что Максика обменяли на куклу, чтобы похищение не сразу было обнаружено.

Одна из горничных видела, как из комнаты выходил официант. Нет, она не знала его в лицо. Ни дежурный по коридору, ни ресторан не посылали его к Максику.

— По-видимому, это был не официант,— сказал директор гостиницы,— а преступник, который переоделся официантом.

Горничная спросила:

— Почему же мальчик не позвал на помощь? Я бы наверняка услышала крик!

— Его усыпили,— объяснил Йокус.— Разве вы не чувствуете запаха?

Полицейский комиссар Штейнбайс, руководивший расследованием, тоже не мог сообщить ничего утешительного. Он вошел в комнату, держа в руках белый китель.

— Мы нашли его в одном из мусорных ящиков, стоящих во дворе. Преступник скрылся, по-видимому, через служебный выход, прежде чем его закрыли.

— А еще? — спросил директор гостиницы.— Хоть какое-нибудь указание или след?

— Ровным счетом ничего больше,— ответил полицейский комиссар Штейнбайс.— Я отослал моих людей. Они битый час обыскивали спичечные коробки у всех выходящих из гостиницы. Все напрасно. Ни в одной из коробок не было Маленького Человека. Во всех коробках были обнаружены только спички.

— Аэродром, вокзалы, автострады? — спросил Йокус.

— Мы делаем все, что в наших силах, — ответил Штейнбайс.— Но больших надежд я не питаю. Скорее найдешь иголку в стоге сена.

— Радио?

— Каждые полчаса сообщается о ходе розыска. Объявление о вашей награде в двадцать тысяч марок передается регулярно.

Йокус вышел на балкон и взглянул на небо. Через некоторое время он обернулся и сказал:

— Увеличиваю сумму. Кто даст решающее для розыска указание, получит от меня пятьдесят тысяч марок.

— Мы немедленно сообщим об этом по радио,— сказал полицейский комиссар.

— Все же до меня никак не доходит,— начал директор гостиницы.— Зачем им понадобился мальчик ростом в пять сантиметров, знаменитый, как Чаплин или Черчилль? Ведь его не продашь ни в один цирк. Частным образом его тоже не покажешь. Тут же явится полиция.

У горничной на лице появилось таинственное выражение.

— Может быть, это способ вытянуть деньги у профессора? — прошептала она.— Может, они ему вернут Максика, если профессор ночью положит деньги в дупло какого-нибудь дерева? Такие случаи бывают?

Директор гостиницы пожал плечами.

— Но тогда кто-нибудь из них позвонил бы или прислал письмо.

* * *

Когда Маленький Человек пришел в себя, у него трещала голова. Он, правда, лежал в своей спичечной коробке. Но лампу на потолке он не узнавал. Где же он?

Из радиоприемника слышалась танцевальная музыка. В воздухе висел голубой табачный дым. Какой-то мрачный мужской голос произнес:

— Отто, взгляни-ка, не проснулся ли наконец карлик.

В этот момент танцевальная музыка оборвалась, и голос диктора объявил:

— Внимание! Внимание! Повторяем важное сообщение.

Максик затаил дыхание, весь превратившись в слух.

— Как мы уже сообщали,— продолжал голос в приемнике,— сегодня утром из гостиницы был похищен всем вам известный Маленький Человек. Преступник переоделся официантом. Брошенный им белый китель найден. Полиция обращается к населению с призывом оказывать ей активное содействие. Профессор Йокус фон Покус увеличил объявленную им награду до пятидесяти тысяч марок. Все наблюдения, которые могут нам помочь в розыске, просим сообщать на радио или полицейскому комиссару Штейнбайсу. Цирк СТИЛЬКЕ сообщает, что все пред-

ставления отменяются впредь до особого распоряжения дирекции цирка. Передача окончена.

Опять раздалась музыка.

Немного погодя послышался полный благоговения голос Отто.

— Здорово, черт побери! Этот Йокус-покус дает жизни! Пятьдесят тысяч? Вот это называется легкий заработок! А, Бернгард? Что скажешь?

— Я скажу, что ты был ослом, ослом и остался,— проворчал голос Бернгарда.— Пятьдесят тысяч! Ради этого не жертвуют положением.

— Ну, ладно, ладно,— пробормотал Отто.— Просто мысль такая мелькнула.

— Тоже мне мыслитель,— заметил Бернгард.— Мыслить предоставь мне, понятно? А теперь я пойду звонить.

Снова заскрипел стул.

— Следи за карликом.

Когда дверь захлопнулась, Максик чуть приоткрыл глаза и увидел большого лысого мужчину. Тот рассматривал на свет бутылку. Вот, значит, он каков, этот Отто.

«Теперь или никогда!» — подумал Максик и стал изображать пробуждение. Он закричал:

— Помогите! На помощь! Где я?

Максик в отчаянии огляделся вокруг и зарыдал, прижимая обе руки ко рту. Это было проделано на высоком артистическом уровне.

Ошарашенный Отто просто обалдел. Он спрыгнул со стула и в бешенстве зашипел:

— Заткнись, мерзавец!

Максик заорал изо всех сил:

— Скажите мне, где я! Как вы смеете так со мной разговаривать? Кто вы такой? На помощь! Йокус! На помощь!

Он орал так громко, надеясь, что его услышат. Но кругом было тихо. Его никто не услышал, никто, кроме лысого пьяницы по имени Отто.

— Попробуй еще заорать! Я тебе налеплю целый метр лейкопластыря на морду. Понятно? — мрачно заявил Отто.

— Мне ваш тон не нравится,— ответил Максик.— Вызовите мне, пожалуйста, такси!

Эта просьба вызвала у Отто припадок смеха. Вернее, это была смесь смеха, кашля и чиханья. Казалось, Отто вот-вот взорвется. Но, к сожалению, этого не произошло. Наконец он успокоился, вытер слезы и прохрипел:

— Такси ему понадобилось. Только и всего! А Бернгард пошел самолет заказывать!

* *
*

Белый китель официанта был куплен в городе за два дня до похищения Маленького Человека. В специальном магазине рабочей одежды. Это в конце концов удалось выяснить полиции. Но кто купил белый китель и как выглядел покупатель, продавцы не помнили.

Да, дела были плохи. Даже очень плохи. Никто не знал ни улицы, ни дома, ни комнаты, в которой держали в плену Максика. А сколько улиц, домов и комнат в городе с миллионным населением?!

Даже сам Максик не знал, где он находится.

Правда, одно преимущество в сравнении с Йокусом, марципановой девушкой, цирком и всем остальным миром у него все-таки было: он точно знал, что все еще жив и здоров! А этого мир не знал! И Максик очень страдал, потому что думал, что из-за него страдает Йокус. Да, плохи были дела. Очень плохи.

Оба жулика не спускали с него глаз. Одного они его не оставляли ни на секунду. Ночью тоже. Один из них все время дежурил возле спичечной коробки. Есть они ходили по очереди и, чтобы не обращать на себя внимания, каждый день в другом ресторане.

Максику еду готовил Отто на керогазе. Он делал это скорее плохо, нежели хорошо, хотя и старался.

— Ешь как следует,— приговаривал он каждый раз.— Потому что, если ты заболеешь или загнешься, Лопес с нас три шкуры сдерет.

— А кто он такой, ваш сеньор Лопес? — спрашивал Максик.

— Это не твоего ума дело! — отвечал раздраженно Отто.

Максик молча улыбался. Потом вдруг требовал:

— Открой окно, пожалуйста! Мне нужен свежий воздух!

Отто, кряхтя, вставал, открывал окно и так же тяжело садился на место.

Через пять минут Максик притворялся, будто он мерзнет.

— Я замерз. Закрой окно, пожалуйста!

Отто, кряхтя, вставал, закрывал окно и тяжело опускался на стул.

Через пять минут Максик снова спрашивал:

— Осталось что-нибудь от ананасного торта?

Отто, кряхтя, подымался, подходил к шкафу, садился на место и ворчал:

— Нет, ты все сожрал.

— Пожалуйста, пойди и купи новый.

— Нет! — рявкал Отто, да так, что стены дрожали. — Нет, гнусный коротышка!

Потом он вдруг вспоминал, что отвечает за здоровье мальчика, и, сделав над собой усилие, произносил как можно мягче:

— Ладно, принесу, когда Бернгард вернется с обеда.

— Заранее благодарен, — вежливо говорил Максик и с нетерпением ожидал каких-нибудь событий. Например, чтобы постучали в дверь, или позвонили, или чтобы сосед устроил скандал по поводу крика среди бела дня. Ведь только ради этого он и доводил Отто до белого каления. Пусть рычит, как пес на цепи!

«Странно, — думал Маленький Человек. — Не может быть, чтобы в доме было всего две комнаты. Должны же здесь жить еще и другие люди. Никто не стучит и не звонит! Где же я?»

Он старался не показать, что у него на душе. Но ему было очень страшно. Вы это понимаете? Вел он себя вызывающе, а сам при этом трясся, как студень.

Больше всего он боялся Бернгарда, потому что тот никогда не орал. Голос у него был такой холодный, словно он раздавался из холодильника. Когда он говорил, у Максика мурашки пробегали по коже. И мальчик остерегался злить его. К счастью, Бернгард часто отлучался из дому.

Заботы и страхи Максика увеличивались. Полиция и Йокус его на находили. Объявление о высоком вознаграждении не давало результатов. Сам он тоже не мог придумать выхода.

Конечно, по ночам, когда лысый Отто спал на кушетке, Максик изучал комнату. Он спускался по скатерти вниз, а потом вверх по шторам взбирался на подоконник. Но что он видел? Дома на другой стороне улицы. За ними — церковную башню. Окно было закрыто наглухо.

Он ползал по полу и тщательно изучал стены и двери. Нигде ни малейшей щелки, куда бы он мог протиснуться. Ну, а если бы ему даже удалось в конце концов выбраться в коридор? Там ведь тоже двери! Дверь от квартиры, входная дверь с улицы! По крайней мере две!

Но думать о щелях, которых нет, было напрасным времяпрепровождением. Он сидел теперь в этой чертовой комнате. И сидел прочно, как гвоздь в стене! А время шло, и его невозможно было затормозить. Скоро мошенники, которых он и знал-то лишь по имени, сядут в какой-нибудь самолет. Со спичечной коробкой в кармане Бернгардовой куртки.

А в спичечной коробке будут вовсе не спички. Вместо них в ней будет лежать усыпленный хлороформом некто Максик Пихельштейнер, знаменитый Маленький Человек, о котором мир больше никогда ничего не узнает. И не только мир, а что в тысячу раз хуже — о нем не узнает знаменитый фокусник профессор Йокус фон Покус.

Максик стиснул зубы. «Ни в коем случае не падать духом, — подумал он. — Бежать! Не выйдет? Ну мы еще посмотрим!»

* *
*

Среда оказалась днем, богатым событиями. Отто уже с утра солидно надрался и по собственной охоте стал рассказывать Максику разные вещи про таинственного сеньора Лопеса. Позднее из города вернулся Бернгард. Он показал Отто билеты на самолет, вылетающий в пятницу, но вскоре опять ушел, потому что был голоден.

— Я поем в «Кривом Кубке», — сказал он, — через час тебя сменю.

Когда Бернгард ушел, у Максика вдруг ужасно разболелся живот. Он кричал и стонал так громко, что Отто пришлось заткнуть уши. Но, я думаю, лучше всего будет, если я сначала перескажу вам то, что за несколько часов до этого происшествия Отто рассказывал о таинственном сеньоре Лопесе.

Итак, Отто уже за завтраком успел перехватить. Он напился, что называется, в дым. Наверное, он спутал кофейник с бутылкой. Или просто решил прополоскать горло спиртом. Так или иначе, но он вдруг ни с того ни с сего заговорил:

— Сеньор Лопес — это персона. Сеньор, по-нашему, — господин. Так сказать, важная особа. Хозяин, одним словом. Он богаче английского банка. На каждом пальце у Лопеса по два кольца. А на некоторых — три. За одно такое кольцо можно купить всю Швейцарию. Что Швейцарию! Лопес владеет по меньшей мере третью Южной Америки. Медь, олово, кофейные плантации, серебряные рудники и фермы. Одних быков — целая пропасть. Они по конвейеру идут в консервные банки. Шагом марш! Ать-два, ать-два, ать-два! У него своя крепость. Между Сантьяго и Вальпараисо. Собственный самолет и собственная охрана. Отчаянные стрелки. Целая сотня. Они у мухи сигару изо рта отстрелят.

Тут Максик не выдержал и захихикал.

— Брось, — сказал Отто. — Над Лопесом особенно не посмеешься. Если где украли картину, которой цена миллион, будь спокоен, — она уже висит у него в подземной галерее. Только об этом никто не знает. Даже Интерпол. А если даже и узнают, ничего не могут поделать. Его охрана их близко к крепости не подпустит.

— Какой это Интерпол? — спросил Максик.

— Интерпол — это Международная полиция. Один раз она меня и Бернгарда чуть не сцапала.

— А я ему на что? — заинтересовался Максик. — Зачем он велел меня украсть и отвезти к нему?

— Человеку скучно, вот он и коллекционирует. Картины и людей. Вроде почтовых марок. За любую цену. Он даже целый балет украл. Одни красотки. Они ему каждый вечер танцуют.

— А на что я ему сдался? — спросил Максик дрожащим голосом.

— Понятия не имею. Захотелось ему тебя видеть. И баста. Потому что ты чудо природы. Вроде теленка с двумя или тремя головами.

Потом пришел Бернгард — об этом я уже упоминал.

— В пятницу мы летим, — сказал он, показывая билеты.

Вскоре он опять ушел. Он торопился в «Кривой Кубок», чтобы через час сменить Отто.

«Через час вернется Бернгард,— подумал Максик.— Надо действовать. Билеты уже у него. Сейчас или никогда!»

Поэтому-то так и разболелся живот у Маленького Человека. Это были колики, и мальчик громко плакал и стонал от боли. Отто даже пришлось зажать свои оттопыренные уши — так громко вопил Максик.

— А-а-а! — кричал он.— Ой-ой-ой! — вопил он.— У-у-у! — стонал и орал он во всю мочь, извиваясь, как гусеница, в своей спичечной коробке.

— Доктора! — кричал он.— Скорее доктора! Ой-ой-ой! Доктора!

— Где я тебе возьму доктора! — нервничал лысый Отто.

— Доктора! — ревел мальчик.— Скорее! Немедленно!

— Ты совсем спятил! — прикрикнул на него Отто.— Тебя весь город ищет, а я пойду за доктором, чтобы он нас выдал полиции.

— А! — стонал Максик, корчась и катаясь от боли.— Умираю! Спасите!

— Не смей! — в отчаянии закричал Отто.— Еще этого не хватало. Да он нам шею обоим свернет, если мы тебя живым не довезем!

— Ой-ой-ой,— причитал Максик.— Это колики! У меня бывают колики. Доктора скорее! Или валерьяновых капель!

Он выл, как целых восемь гиен!

— Валерьяновых капель? — кряхтел Отто, носовым платком отирая пот с лица.— Где я их возьму?

— В аптеке! — заходился Максик.— Скорее! Скорее! В аптеку! Ой-ой-ой! А то...— Он весь как-то сразу сжался, тяжело глотая воздух и уже почти неподвижно лежа в своей спичечной коробке.

Отто испуганно смотрел на коробку.

— Ты в обмороке?

— Еще не совсем,— шептал Максик. Глаза его закатились, и он стучал зубами.

— Я запру дверь, побегу в аптеку и сразу же вернусь. Понял?

— Да.

Отто нахлобучил шляпу, выбежал из комнаты, дважды повернул ключ в двери, сунул его в карман брюк, потом открыл вторую дверь, захлопнул ее за собой, повернул другой ключ, сунул и его в карман, и сбежал вниз по ступенькам. Из дому. Через палисадник и железную калитку. В поисках аптеки. Или хотя бы аптечного киоска.

— Валерьянку для карлика,— кряхтел он про себя.— И пол-литра для бедного Отто.

Комната была заперта. На ключ. До возвращения Отто никто не мог в нее войти. И выйти тоже никто не мог. Включая Максика. Но ему уже это было совсем не нужно.

То есть почему не нужно? Сказать вам почему? Наверное, вы уже сами догадались! Нет еще? Тогда слушайте!

Максику это было не нужно по той простой причине, что его уже не было в комнате! Он ее покинул одновременно с Отто. Как же ему это удалось? Очень просто — на его спине! Ведь это как раз и был тот самый план, который про себя составил Максик.

Маленький Человек, конечно, ни минуты не верил, что Отто пойдет за доктором. Но так надо было. Лысый Отто в миллион раз охотнее согласится побежать в аптеку. Так думал Максик. Так оно и случилось.

Только Отто повернулся спиной к столу, чтобы достать с вешалки шляпу, как Максик одним прыжком оказался у него на пиджаке. Это был прыжок, достойный такого знаменитого артиста, каким был Максик. И уже совсем простым делом было забраться по пиджаку на плечо. Пока Отто запирал на ключ дверь комнаты и входную дверь, пока он спускался вниз по лестнице и перебегал палисадник, Максик сидел на его плече. У калитки он спрыгнул на один из чугунных прутьев решетки. И этот прыжок был удачным. Школу, как мы знаем, Максик прошел отличную.

Правда, немного побаливал лоб: чугун все-таки не резина! Наверное, останется шрам или шишка на лбу, или и то и другое. Ну и что?

Максик теперь стоял на каменном столбе у калитки. Столб был украшен большим каменным шаром. Максик прислонился к шару и дышал полной грудью. Пахло жасмином. А главное, свободой!

Максик блаженствовал. Но для жасмина и блаженства время еще не подошло! Надо было отсюда уходить. И поскорее! Меньше чем через час вернется Бернгард из «Кривого Кубка». Сейчас минута была ему дороже, чем год!

Улица была пустынна, будто людей на свете вовсе никогда и не было. Дома по другую сторону улицы словно вымерли.

Максик, обернувшись, посмотрел на входную дверь, через которую он незадолго перед тем проходил, сидя на спине у Отто. Рядом с ней висела голубая табличка с белым номером. А под номером маленькими белыми буквами было выведено название улицы.

— Кикельханштрассе, 12,— пробормотал Максик.— Кикельханштрассе, 12.

Когда он в третий раз подряд произнес название улицы, окно на первом этаже в доме напротив отворилось. На подоконник вылез мальчик. В руке у него был кулек с вишнями. Он кидал их одну за другой в рот и выплевывал косточки прямо на улицу, пытаясь попасть в маленький зеленый мячик, лежавший на мостовой. Надо сказать, ему это не очень удавалось.

* * *

— Алло! — крикнул Максик.

Но мальчишка на окне даже и ухом не повел. Он продолжал упражняться в стрельбе. Надо сказать, что вовсе не так просто попасть в мячик. Матрос бы, конечно, попал. (Матросы — и это знает каждый ребенок — мастера плеваться. Но когда они становятся штурманами и капитанами, у них это получается уже не так хорошо. Видно, мастерство с годами слабеет.)

— Алло! — крикнул Максик еще громче.

Мальчик кинул взгляд на улицу, но, никого не увидев, продолжал свои упражнения.

Максик забеспокоился. Время шло. Что делать? Как отвлечь парня? Идея! «Я до тех пор буду его дразнить, пока он не разозлится!» — подумал он.

Он еще раз крикнул «алло». Парень никак не реагировал, и Максик добавил:

— Ты что, старая тетеря, совсем оглох?

Парень вздрогнул и поперхнулся косточкой. Он мрачно посмотрел в сторону Максика.

— Где этот нахал?

— Что глазами хлопаешь? — продолжал Максик.— Эх ты, ворона!

Тут парень перекинул ноги через подоконник.

— Сам ты ворона! — крикнул он.— Ну, берегись!

Он перебежал мостовую, остановился перед калиткой, сжал кулаки, но так никого и не обнаружил.

— Покажись, трус! — кричал он в бешенстве.—

Вылезай из-за кустов! Сейчас я тебя сотру в порошок!

Максик громко рассмеялся.

Парень поднял голову и увидел Максика, который стоял на столбе, прислонившись к шару. У парня от изумления отвисла челюсть. Он пытался произнести что-то, но у него отнялся язык.

— Ты меня знаешь? — спросил у него Максик.

Парень кивнул.

— Хочешь мне помочь?

Парень опять кивнул. Глаза его засветились.

— Мне пришлось тебя разозлить,— оправдывался Максик,— иначе бы ты ни за что не подошел ко мне. Прошу прощения.

Парень опять кивнул. Наконец ему удалось выдавить из себя:

— Пустяки, Маленький Человек! Уже все забыто. Меня зовут Эрих.

— А меня Максик. У тебя есть телефон?

Эрих кивнул.

— Протяни руку,— попросил его Максик.— Но только не сотри меня в порошок!

Эрих густо покраснел, и протянул Максику руку. Максик спрыгнул на раскрытую ладонь.

Эрих перебежал улицу и посадил Маленького Человека на подоконник, а сам через окно пролез в комнату, потом подхватил Максика и подбежал к письменному столу. На нем стоял телефон.

— Куда ты хочешь звонить? — спросил Эрих.

— В полицию,— ответил Максик,— потому что если я позвоню в гостиницу к Йокусу... но ты ведь не знаешь Йокуса?

— Не знаю? — обиделся Эрих.— Профессора Йокуса фон Покуса? Я вас обоих знаю. По цирку, по телевидению, по газетам и вообще!

— Потому что, если я позвоню Йокусу, то он тут же прибежит сюда и свернет шею лысому Отто. А потом и Бернгарду. А это сильно помешает делу.

— Я все понял,— сказал Эрих.— Отто и Бернгард — это похитители.

Он взглянул на газетную вырезку, лежавшую под стеклом на письменном столе.

— Вот обращение полиции. С номером телефона и так далее.

— Молодец, Эрих,— сказал Максик, потирая руки от радости.— Когда дозвонишься, положи трубку на стол. Ладно? Я сам хочу говорить.

Эрих набрал номер, потом сказал:

— Соедините меня, пожалуйста, с полицейским комиссаром господином Штейнбайсом. Ему некогда? Очень жаль! Передайте ему привет от Маленького Человека!

Эрих подмигнул Максику и шепнул:

— Проняло! Дежурного чуть удар не хватил.

Через три секунды из телефонной трубки загремел голос, словно комиссар находился здесь же, рядом с ними:

— Штейнбайс слушает! Что случилось?

Максик встал на колени перед микрофоном и крикнул:

— Говорит Маленький Человек! Максик Пихельштейнер. Я удрал! Из дома номер 12 по Кикельханштрассе. Отто сейчас вернется. Я нахожусь в доме напротив...

— Дом номер 17,— быстро подсказывал Эрих.— У Шустриков. Первый этаж слева.

— Дом номер 17, у Шустриков, первый этаж слева. Вы меня поняли? Одну минутку, я только перебегу к другому концу трубки.

Мальчик помчался к слуховому концу трубки.

— Сейчас мы к тебе приедем! — кричал полицейский комиссар.— Будь осторожен! Что еще?

Максик отбежал назад к микрофону и от волнения чуть не просунул голову внутрь.

— Не включайте, пожалуйста, сирену и сигнальную лампу. Отто еще в аптеке и может пронюхать опасность. А самое главное, господин комиссар, ничего не говорите Йокусу! Пока еще ничего не говорите! Очень, очень, очень вас прошу! А то он будет очень, очень, очень волноваться! А как он себя вообще чувствует? А Роза Марципан? А...

Эрих прижал к уху трубку и сказал:

— Все. Тишина. Наверное, дежурный с третьего этажа прыгнул прямо в машину. С двадцатью пистолетами в кобуре.

— Мы живем в век скорости,— заметил Максик.— Отнеси меня на окно, пожалуйста.

Эрих положил трубку на аппарат.

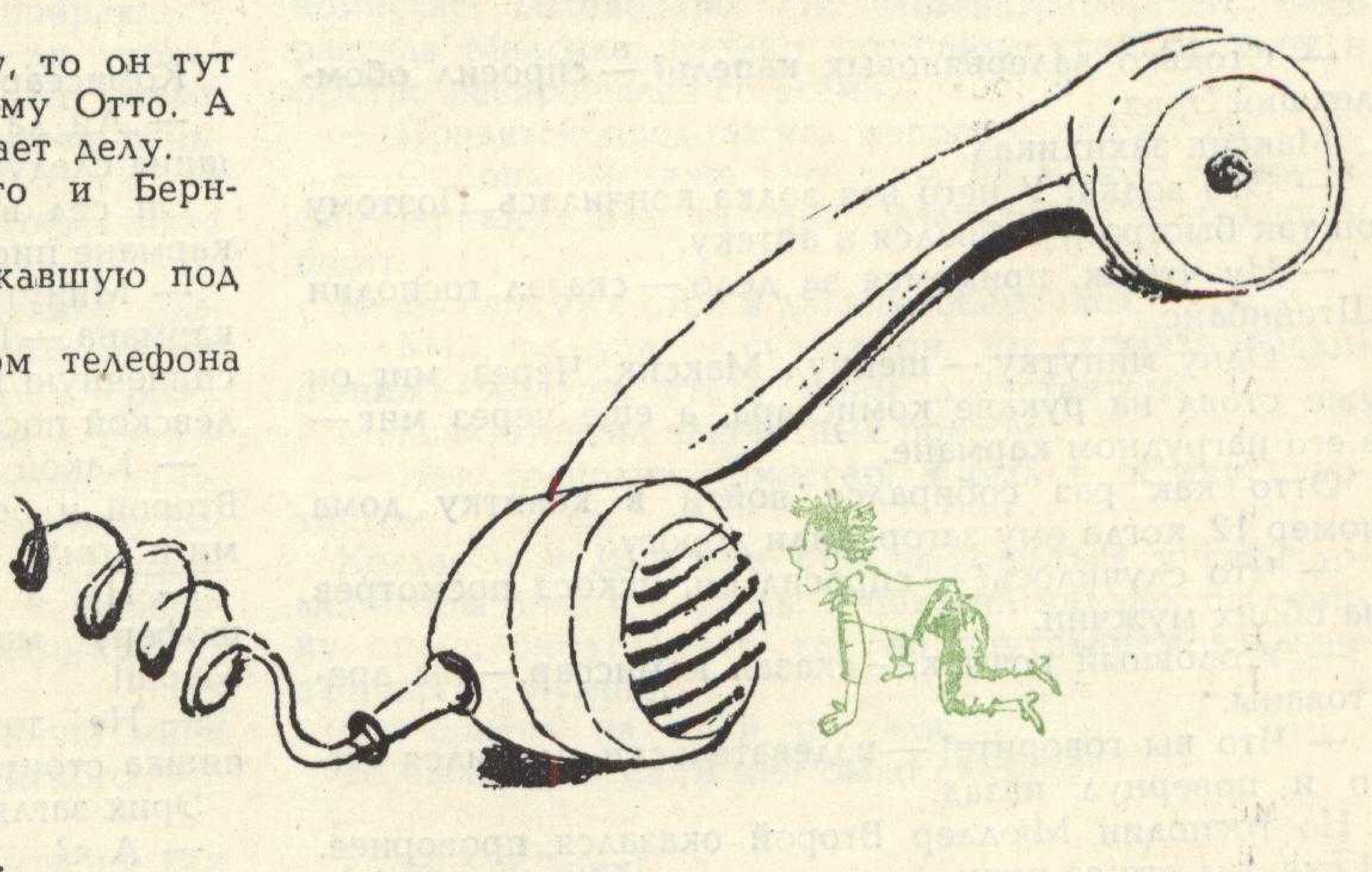
Они сидели у раскрытого окна и с нетерпением ждали развязки. Кто первым подойдет к финишу? Полицейский комиссар Штейнбайс со своими людьми? Или лысый Отто с валерьяновыми каплями?

Эрих продолжал плевать косточками в зеленый мячик, но все еще не мог попасть.

Полицейский комиссар Штейнбайс и инспектор Мюллер Второй шли быстрым шагом по Кикельханштрассе. Три машины с людьми ждали за углом в переулке.

— Вон там, напротив, дом номер 12,— сказал инспектор.— Здесь они его прятали.

— Очень тихая улица,— заметил полицейский комиссар. Вдруг он схватился за щеку.— Кто это тут вишневыми косточками стреляет?

— Это я, простите! — крикнул мальчик.— Я метил в зеленый мячик.

— С каких это пор я похож на зеленый мячик?

— Номер 17, первый этаж слева,— пробормотал инспектор Мюллер Второй.— Мы у цели.

Комиссар подошел к открытому окну.

— Тебя случайно не Шустриком зовут?

— Да, Шустриком,— последовал ответ,— но о случайности не может быть и речи.

Инспектор Мюллер Второй усмехнулся.

— Мы из уголовного розыска,— проворчал комиссар.— Нам нужен Маленький Человек.

Эрих сказал:

— Он всем нужен. Покажите-ка удостоверение!

У комиссара вдруг очень зачесались руки. Но потом он все же вынул удостоверение и предъявил его дерзкому мальчишке.

Эрих внимательно стал изучать документ.

— Бумаги в порядке, Максик,— сказал он. Только теперь они увидели на окне Максика.

— Добро пожаловать, господа! Как он себя чувствует?

— Кто он?

— Йокус!

— Привыкает к голоду,— сухо ответил комиссар.

Лицо Максика омрачилось. Но только на секунду. Потом он вновь просиял и стал потирать руки.

— Сегодня вечером он съест не меньше четырех шницелей. Вот будет зрелище!

Послышались быстрые неровные шаги. Максик вылез на наружный край окна.

— Вот он, лысый Отто,— сказал Максик.

Отто шел зигзагами по другой стороне улицы, в руке у него была большая бутылка.

А из машины номер два доложили:

— Господин комиссар! Мы только что получили сообщение: дом номер 12 по Кикельханштрассе принадлежит южноамериканской торговой фирме.

— А как же иначе! — опять раздался голос Максика.— Ведь все это связано с сеньором Лопесом.

Инспектор Мюллер Второй удивленно спросил:

— Что тебе известно о Лопесе?

— Немного,— ответил мальчик.— Но на сегодня достаточно.

Господин Штейнбайс кивнул.

— Он прав. Нам надо спешить. Машина номер два берет на себя этот дом. Машина номер три отвозит меня и Максика к профессору в гостиницу.

— Нет,— сказал Максик,— сперва арестуем в «Кривом Кубке» Бернгарда. Он сейчас там обедает. Он в десять раз опаснее лысого Отто.

— Столько валерьяновых капель? — спросил обомлевший Эрих.

Максик захихикал.

— Это водка! У него вся водка кончилась. Поэтому он так быстро и собрался в аптеку.

— Ну что ж, примемся за дело,— сказал господин Штейнбайс.

— Одну минутку,— шепнул Максик. Через миг он уже стоял на рукаве комиссара, а еще через миг — в его нагрудном кармане.

Отто как раз собирался войти в калитку дома номер 12, когда ему загородили дорогу.

— Что случилось? — спросил он, искоса посмотрев на обоих мужчин.

— Уголовный розыск,— сказал комиссар.— Вы арестованы.

— Что вы говорите! — издевательски удивился Отто и повернул назад.

Но господин Мюллер Второй оказался проворнее. И схватил его за руку.

— Ау! — сказал Отто и выронил из рук бутылку. Она вдребезги разбилась. Господин Штейнбайс свистнул. Из-за угла вылетели машины и резко затормозили. Шестеро полицейских в штатском спрыгнули на мостовую.

— Машина номер один отвезет арестованного в управление,— приказал комиссар.— Инспектор с командой машины номер два обыщет квартиру.

— Первый этаж слева,— сказал Максик.— Ключи у Отто в правом кармане брюк.

Ключи сразу же оказались в руке одного из полицейских.

Лысый Отто, как громом пораженный, взглянул на карман комиссара. Потом зарычал:

— Мухомор карликовый... Как ты сюда...

Он докончил фразу, уже сидя под надежной охраной в машине номер один.

Комиссар засмеялся.

— Ай да Максик! Все умеет, все знает. Итак, машина следует в «Кривой Кубок».

Он сел в кабину рядом с шофером и нащупал в кармане пистолет.

— Минутку! — крикнул Максик, высунувшись из кармана.— Пусть машина номер два захватит мою спичечную коробку, а то мне придется спать в королевской постели.

— Какой ужас! — воскликнул инспектор Мюллер Второй и бегом направился вместе со своими людьми к дому.

— Ну, а вы чего ждете? — обратился комиссар к шоферу машины номер три.— Поехали быстрее! Марш!

— Не так-то просто! — сообщил шофер.— Мальчишка стоит на подножке.

Эрих заглянул в кабину.

— А я?

Максик вздохнул так, словно это был последний или по крайней мере предпоследний вздох в его жизни.

— Какой стыд,— вымолвил он,— только выбрался из беды и сразу же забыл о друзьях!

Эрих Шустрик мигом залез в машину.

— Брось трепаться!

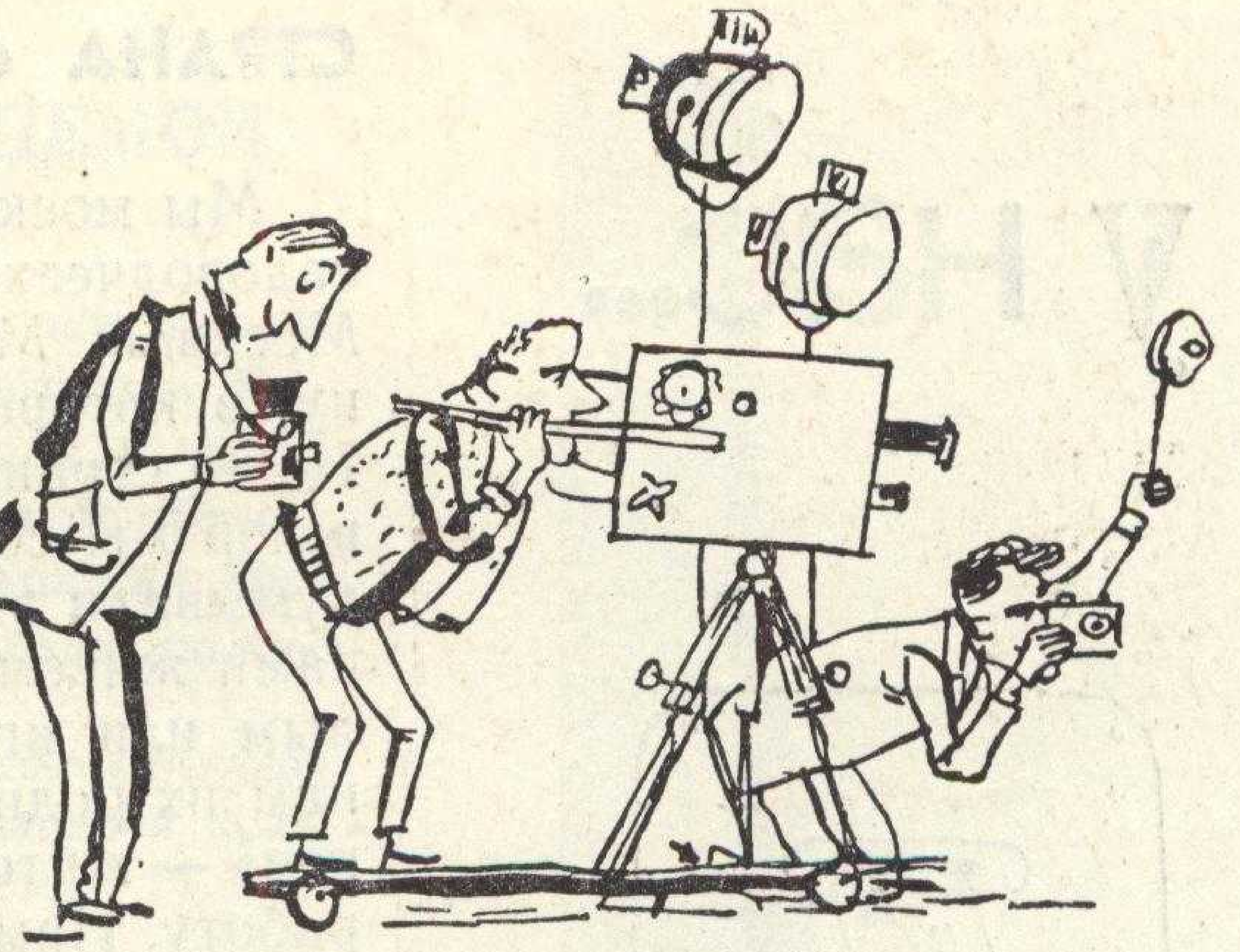
Машина номер один отвозила Отто в полицейское управление. Машина номер три мчалась по направлению к «Кривому Кубку». Машина номер два стояла перед домом номер 12. Улица Кикельханштрассе и зеленый мячик посреди мостовой выглядели так же, как и полчаса тому назад.

И только на тротуаре сверкали осколки бутылки.

После того, как и Бернгард был препровожден в Главное управление, Максик должен был отправиться в гостиницу. Эрих Шустрик остановился у машины и сказал:

— Ну, больше я вам мешать не буду!
— Ты едешь со мной,— сказал Максик.
— Конечно, ты едешь с нами,— подтвердил комиссар,— я же должен записать твои показания...

В гостинице (инспектор Мюллер Второй уже позвонил туда) собрался весь персонал, начиная от директора и кончая лифтерами. Все они столпились в вестибюле и кричали:
— Слава Маленькому Человеку! Трижды слава!
Девушки-телефонистки размахивали огромными букетами цветов. А главный кондитер протянул Максику ананасный торт. Он был величиной с автомобильное колесо.
Роза Марципан поднялась с Максиком на лифте. Она крепко держала Маленького Человека обеими руками и нежно прижимала его лицо к своей щеке.
— Он знает? — спросил Максик.
Она кивнула.
— Уже целых пять минут. Только он не хочет спускаться.
Лифт остановился. Роза пошла по коридору. Постучала в дверь.
— Это мы!
Дверь отворилась. Профессор раскинул руки и сказал:
— Проходите!
Голос его звучал так, словно он был простужен.
Роза, смеясь, покачала головой.
— Не могу видеть плачущих мужчин. Через час я за вами зайду.
Она вручила Йокусу Маленького Человека, сделала реверанс и побежала к лифту.
Обед состоялся в Голубом Салоне и понравился даже Эриху. Правда, когда дело дошло до отбивной, у него на глазах выступили слезы. Но этому была виной английская горчица, с которой он раньше не был знаком.
— Век живи, век учись,— сказал он, обмахивая язык салфеткой, как веером.
Йокус съел не четыре шницеля, а только два. Да и это длилось довольно долго. Потому что на него сразу свалилась куча дел: с директором Грозоветтером надо было обсудить предстоящее в пятницу представление. А тут еще беседы с репортерами, то и дело врывавшимися в ресторан. И, наконец, хотя и не в последнюю очередь, разговор с полицейским комиссаром Штейнбайсом, который с небольшим опозданием, но все же явился в гостиницу из Главного полицейского управления.
— А кто, собственно, получит объявленную мной награду? — спросил профессор у полицейского комиссара.
— Эрих! — вмешался Максик.— Это ведь ясно, как день!
— Я? Почему же я? Это даже странно! — возражал Эрих.— Если бы Максик меня так не обзывал, я бы до сих пор сидел у окна и ничего не знал. Лучше уж послать деньги Отто в тюрьму. Вот кто на самом деле освободил Максика!
— По недосмотру,— сказал директор Грозоветтер.— Он пошел за валерьяновыми каплями. Только и всего.
— А я разве собирался его спасать? — спросил Эрих.— Я его хотел как следует отлупить, вот и все!
— Не отлупить, а стереть в порошок! — весело крикнул Максик. Он сидел на столе и уплетал торт, которым его кормила Роза.
Но комиссар отодвинул тарелку и решительно заявил:

— Спасением Маленький Человек обязан лишь самому себе. Он был пленником и освободителем в одном лице. Докажите, что это не так, и я тут же, с вашего позволения, пойду в трубочисты.
Конечно, никто не захотел ему это позволить, и всем опять стало весело. Максик превзошел самого себя. Он изображал лысого Отто, расхаживая пьяной походкой по столу между тарелками и чашками, и повторял рассказ о сеньоре Лопесе, о его крепости в Южной Америке, о подземной картинной галерее, о личной охране сеньора, о балете.
Единственный человек, который не все время смеялся, а только изредка усмехался, был полицейский комиссар Штейнбайс. Он застенографировал весь рассказ Максика, громко захлопнул свой блокнот и быстро распрощался со всеми.
— Придется продолжить допрос,— сказал он.
— С Лопесом даже Интерпол не может справиться! — крикнул ему вдогонку Максик.— Он слишком богат.
Комиссар, уже стоя в дверях, обернулся.
— Мал, да удал,— сказал он, не скрывая восхищения.— Хочешь стать моим ассистентом?
Максик отвесил элегантный поклон.
— Нет, господин комиссар, я был и останусь артистом.
Когда Эрих Шустрик стал раздеваться у себя дома, чтобы лечь в постель, и повесил пиджак на спинку стула, он услышал, как во внутреннем кармане зашуршала бумага.
Он присел на край постели.
То была записка. В ней было сказано:

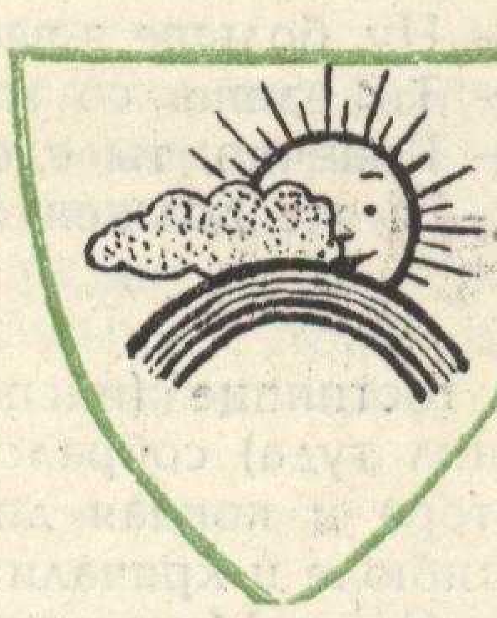
«Дорогой Эрих!
Сердечное спасибо за помощь. Твои новые друзья.
Максик и Йокус».

Когда Йокус с Максиком вернулись в свой номер, они обнаружили на ночном столике старую добрую спичечную коробку. Тут же лежала записка. В ней говорилось:
«Дорогой Маленький Человек!
При сем — согласно твоему пожеланию — прилагается твоя кровать из Кикельханштрассе.
Мюллер Второй, инспектор уголовного розыска».
Максик, потирая руки, сказал:
— Ну, теперь у меня опять есть все, что надо.

КОНЕЦ

а у нас...

СТРАНА «РАДУГА»

Мы москвички. Но летом мы живем в садоводческом поселке «Дружный» под Москвой. Мы придумали веселую страну, в которой живут добрые человечки. Наша страна зовется «Радугой». Каждый вечер мы собирались на сеновале и придумывали веселые приключения нашим человечкам. Но мы и сами живем по законам «Радуги». Днем мы помогаем взрослым или играем с малышами, которых на время поручают нам их родители. Малыши тоже любят играть в «радужничков» — жителей радужной страны. Нам весело делать любую работу. Нам помогает «Радуга».

Оксана Бобылева, Наташа Угрюмова, Ира Нестерова

г. Москва.

Я ДАЛ СЕБЕ СЛОВО

Полтора года назад мальчишки нашего двора единодушно считали меня «слабаком». Мне было горько слышать такое о себе, но, по справедливости говоря, мнение это было правильным. Вспоминаю, с какой завистью смотрел я на играющих в футбол или волейбол, а то и просто на гонявших по двору вперегонки.

Особенно огорчался папа. Он у меня офицер-моряк и никак не мог успокоиться, что я расту хилым и слабым. Собственно, он и привел меня однажды в гимнастическую школу при Тбилисском Дворце пионеров. Подвел к тренеру Тамаре Павловне Цигнадзе и сказал: «Надо этого паренька закалить. Как вы думаете, получится что-нибудь из этого «богатыря»?

Тамара Павловна ответила: «Все будет зависеть от него самого. Будет стараться, полюбит спорт — получится».

Я очень старался. Я полюбил спорт. Я дал себе слово не отступать. Многие мальчишки, поступившие вместе со мной,— кто из-за слабоволия, кто из-за лени, кто не выдержав напряжения тренировок,— бросили занятия. Я был с теми, кто остался.

Сейчас я хотя, может быть, и не очень хорошо научился работать на перекладине, брусьях, кольцах, но я сам чувствую, как спорт закалил меня. Стали крепкими руки, ноги, мышцы. Это очень меня радует. Сейчас я готовлюсь к соревнованиям.

Если все будет в порядке, то получу второй разряд по спортивной гимнастике.

Константин Хомутов

г. Тбилиси.

ОТ РЕДАКЦИИ. Нам было приятно познакомиться с тобой, Константин. Есть такие ребята, которые строят большие планы, а потом их не выполняют. А ты молодец: решил стать сильным и не остановился на половине пути, добился своего. Такие нам нравятся, с такими мы любим дружить!

НА УЛИЦЕ ХОЛОДНО, А ДОМА...

Наш дом очень большой, и ребят много. На улице холодно, а мы не скучаем. Соберемся все вместе и устраиваем интересные игры на смекалку, на хитрость, на быстроту действий. По вечерам открывается домашний кинотеатр «Орленок». Он как настоящий.

Однажды мы организовали кукольный театр. Поставили несколько сказок.

Нам весело!

Таня Палевич

г. Мезень, Архангельская область.

ПУЛЬХЕРИЯ И ДЕМОН

Мы все в семье очень любим животных. Сейчас у нас живут ручной петушок Чижик и семья кошек: мама Катя и трехмесячные котятки — Пульхерия и Демон.

Котятки забавные и так потешно играют, что мы с папой их сфотографировали во время очередного «состязания». Победительницей вышла Пульхерка.

Надя Логачева

г. Кореновск, Краснодарский край.

БЕДНЫЙ МОЙ ПОЛКАН

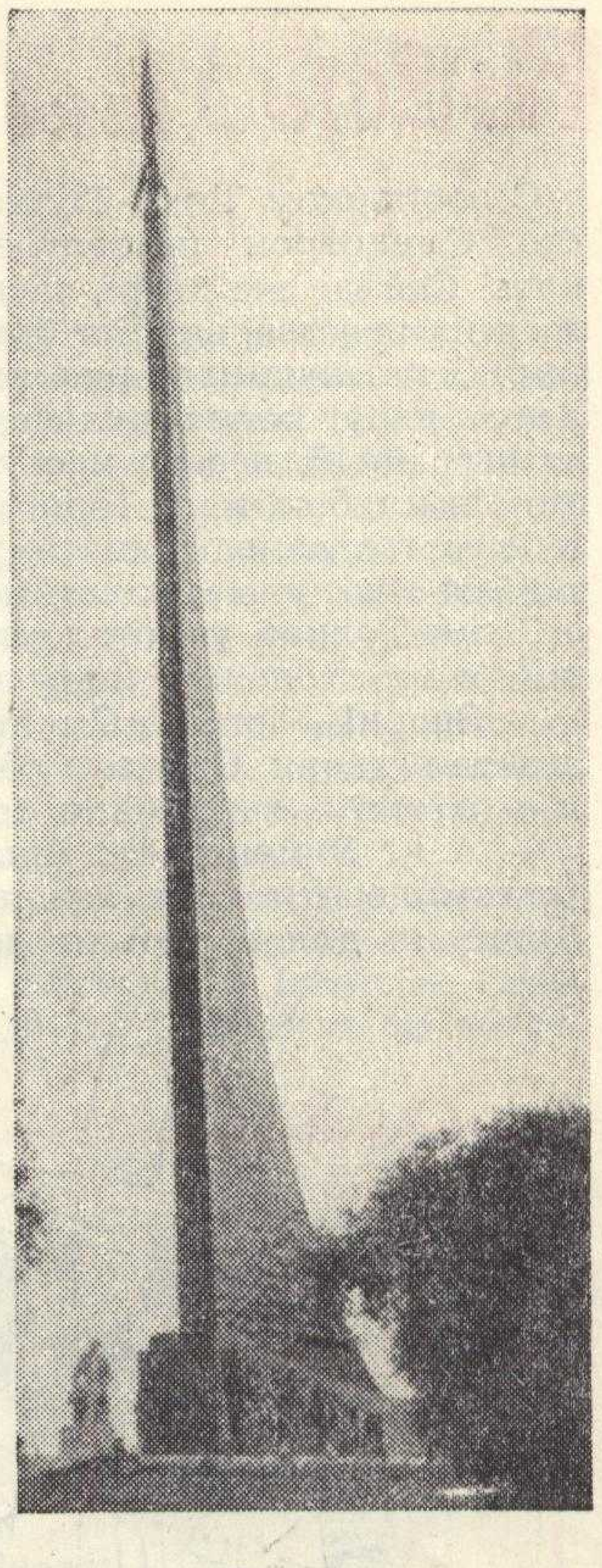
Прочитав в журнале «Пионер» рассказы ребят, я решил сам написать рассказ о том, как плохо обращаются ребята с животными.

Есть у меня собака Полкан. Хороший песик. И вот однажды он исчез и долго не показывался. Признаться, мы очень волновались за него, пока он снова не вернулся к нам. Вернулся он очень худой, а там, где должен быть хвост, торчал маленький обрывочек. Мы, конечно, сразу стали лечить его. Вскоре он поправился.

Я хочу сказать ребятам, чтобы они хорошо обращались с собаками, а не рвали им хвосты, ведь в этом нет ничего хорошего.

Саша Батраков

г. Киселевск.

Этим летом я был в Москве и сделал много интересных снимков. Посылаю вам один из них.

Слава Сатунин

г. Заволжье, Горьковская обл.

«МИРНАЯ НЕДЕЛЯ»

Я хочу рассказать про случай, который был у нас в субботу. В нашем классе много забияк. На классном собрании мы поспорили: кто же все-таки самый большой забияка? Одна девочка предложила организовать в классе «мирную неделю». Всем эта затея понравилась. Никто не будет дергать девочек за косички и драться портфелями.

Из класса все выходили возбужденные. И вдруг Левка ударил своего закадычного дружка Витьку. Его остановил строгий голос Людмилы Григорьевны: «Лева, как быстро ты забыл о «мирной неделе»!» А Левка растерянно улыбнулся и сказал: «Так ведь эта неделя начнется завтра...»

Дина Ахмадеева

г. Ташкент.

У НАС В КЛУБЕ «ДРУЖБА»

Ура! К нам в клуб пришла еще одна посылка из ГДР, а в этой посылке значки и книга о великом вожде немецкого рабочего класса Эрнсте Тельмане. Посылки часто приходят к нам в клуб из ГДР от нашего старого друга Вилли Рёзелера—секретаря комитета Свободной немецкой молодежи округа Бальгаст.

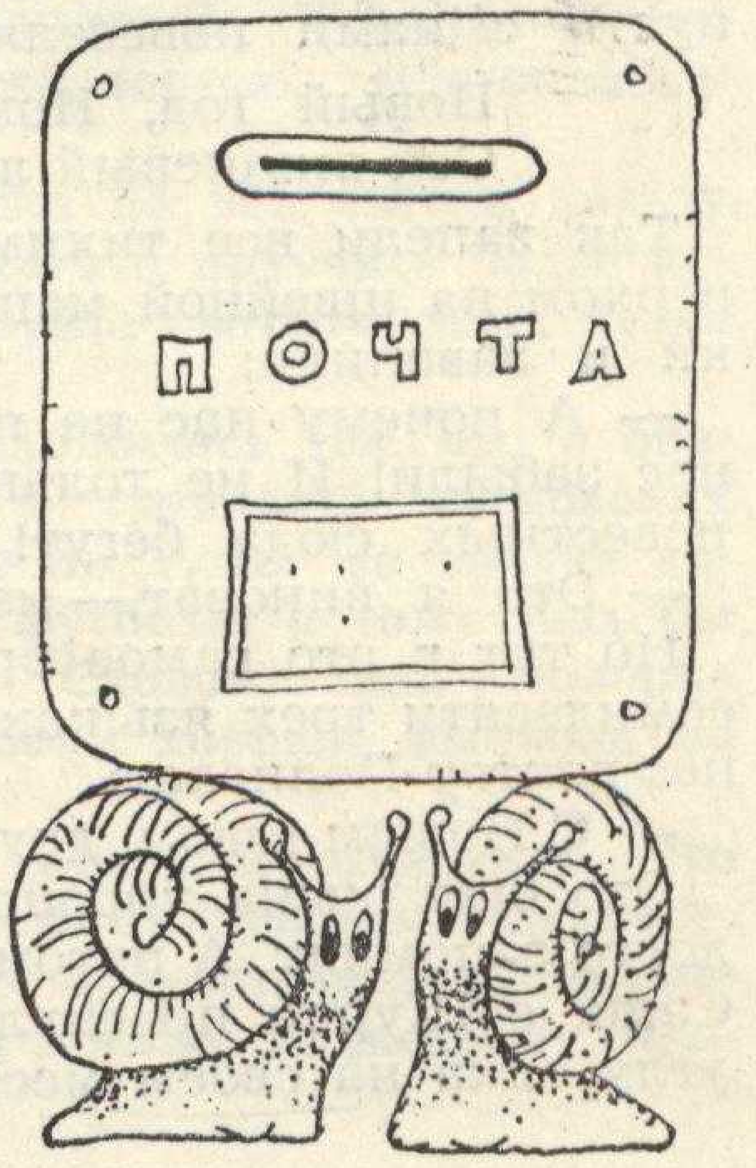
Клуб часто получает письма от юных пионеров ГДР. Из этих писем мы узнаем о жизни наших зарубежных друзей.

Недавно в областном художественном музее имени Горького была выставка детских рисунков. Их прислали нам ребята четырех стран: Чехословакии, Румынии, Кубы и Германской Демократической Республики. На выставке побывало более шести тысяч человек.

Галя Ложкина, Ира Арбузова

г. Киров, 49-я школа.

а у вас?

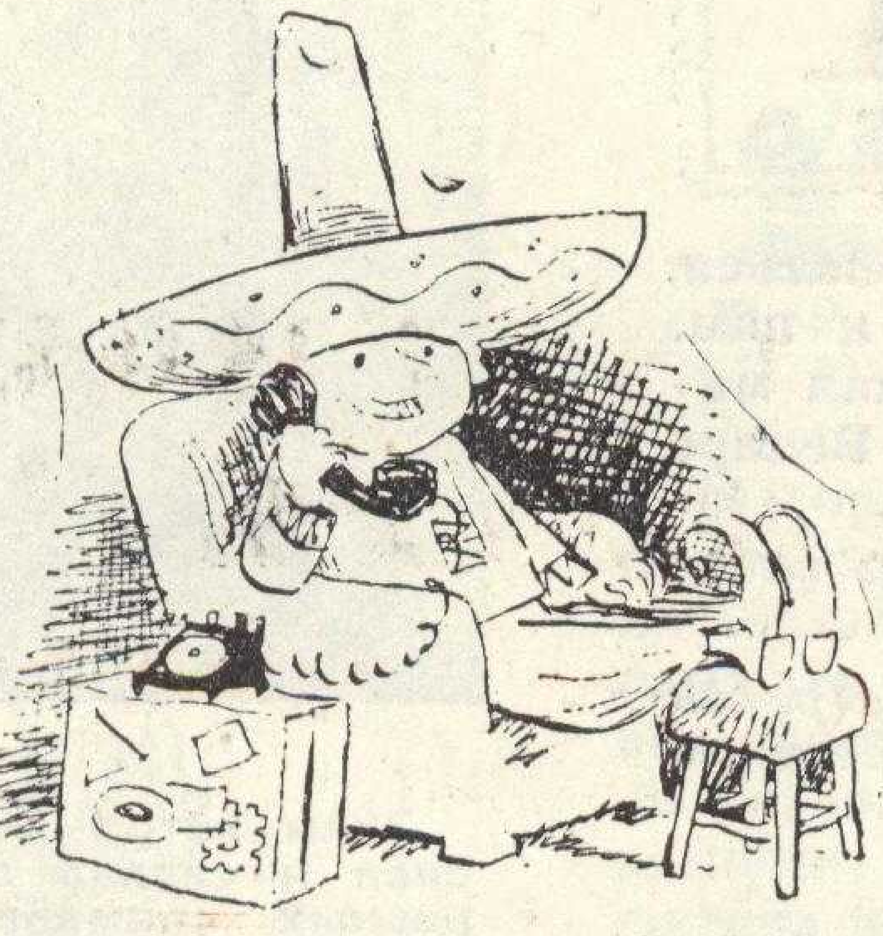
Новогодний Смехотрон

С зоопарком Тяни-Толкая было довольно просто. Смехотрон посоветовал и тянуть и толкать. Сейчас же дверь заскрипела от навалившегося на нее зверья. Тут был и визг, и писк, и рычание, и мяуканье, ржание, блеяние, хрюканье. Дверь вдруг распахнулась, и в коридор выкатился огромный, весело и с удовольствием шевелящийся клубок, из которого во все стороны торчали хвосты, лапы, копыта, уши, пасти, зубы и рога. Вся эта куча с хохотом каталась по коридору, а Тяни-Толкай работал уже за четверых, заталкивая своих подопечных в комнату с елкой.

— Звери! — сказал Смехотрон.— Вы так не пролезете в двери. Сначала распутайте ваши хвосты.

— А ты? — закричали все звери. — А ты?

— А я? У меня еще Пылеглотик тоскует сразу на семидесяти трех языках. И я еще никакого угощения для гостей не достал.

Наконец все были в сборе вокруг елки, и разговаривали, и смеялись. Тихо горели лампочки на елке. Ждали Смехотрона, он отправился за угощением. Вдруг из коридора донесся тяжелый топот. Все замерли, попрятались кто куда, думали, что это идет комендант. Медленно отворилась дверь, а на пороге появились автоматы: один с газировкой, другой с вишневым соком, третий, четвертый, пятый, шестой, кто с пирожками, кто с конфетами, кто с пирожными, кто с карандашами. Сзади выглядывает Смехотрон.

— Вот вам и угощение и всем в подарок по карандашу. Эти автоматы — очень хорошие ребята, я их давно знаю. Зачем им там без дела стоять, пусть с нами повеселятся. Ну-ка, споем!

Новый год, Новый год,
Сок вишневый льется в рот.

Так запели все тихим хором, но тут въехали верхом на швейной машинке Храбрые портняжки и завопили:

— А почему нас не позвали? Забыли нас, все нас забыли! И не только нас, вон еще трое неизвестных сюда бегут!

— Это я виноват,— извинился Смехотрон.

Но тут в это самое время ударили часы, и на семидесяти трех языках, но очень быстро произнес доктор Полиглот:

— С Новым годом, друзья!

Это был очень хороший праздник, все его надолго запомнят. А потом, утром, представьте себе, Саша с Шурой проснулись у себя в комнате, в углу елка на своем месте, все в порядке.

КЛУБ ФОРВАРДОВ

ВНИМАНИЕ! А ну-ка, форварды, отложим на время бутсы в сторону и возьмем в руки клюшки. Наш клуб встает на коньки в этом номере, и да здравствует на всю зиму хоккей!

У СПОРТА СВОЙ КАЛЕНДАРЬ

Всеволод БОБРОВ,
заслуженный мастер спорта

Что ж, ребята, вот и пришла пора членам «Клуба форвардов», выражаясь военным языком, переходить на зимнюю форму одежды. Футбол должен уступить место своему близкому родичу — хоккею.

«Вот тебе и на!— удивитесь, возможно, вы.— Не слишком ли с большим опозданием пришла в «Клуб» зима? На дворе уже декабрь, а председатель «Клуба» только раскачивается...»

Конечно, по-своему вы правы: календарная зима наступила давно. Но что касается спорта, то здесь разговор особый.

Когда-то, когда я еще сам играл и в футбол и в хоккей, было все просто и ясно. Мы начинали футбольный сезон с первой весенней травкой, а заканчивали с первыми осенними дождями. Зимой мы выходили на первый лед, надевали коньки и хоккейные доспехи, чтобы снять их, когда лед начнет таять под лучами мартовского солнца.

Теперь радио доносит до нас вести о первых забитых футболистами голах, когда в Москве еще царит глубокая зима, а последний матч чемпионата страны назначается на последние числа ноября. Да и тогда сезон еще не закончен — футболисты стремятся его продлить, отправляясь на товарищеские матчи в Южную Америку, в Африку, в Индию. А хоккейное первенство берет старт в сентябре и финиширует в апреле.

Вот и попробуй тут определи, когда приходит в спорте одно время года, когда уходит другое. Что ни говорите, а у спорта, во всяком случае, у футбола и хоккея, свой собственный календарь.

Именно по этой причине нынче футбол и хоккей стали разными спортивными специальностями. В мое время, лет пятнадцать назад, это были, так сказать, «смежные профессии». Скажем, я летом играл центральным нападающим в футбольной команде ЦСКА, а зимой перебирался на место левого крайнего в хоккейную команду своего спортивного клуба. Но шли годы. Обе игры развивались и совершенствовались. Рамки прежних сезонов стали для них тесны. Футбол раздвинул их, начиная и заканчивая свои дела на юге, хоккей — с помощью искусственного льда. Пришлось и нам, игрокам, делать выбор, решать, какой из двух прекрасных дам отдать свою руку и сердце.

Каждый решил по-своему. Я выбрал хоккей. Тот же выбор сделали и мои друзья по команде Александр Виноградов и Виктор Шувалов. Оба они теперь стали известными хоккейными тренерами.

Но как играли в футбол мы, вы наверняка и не видели,— вы тогда были совсем маленькими, а многих еще и не было вовсе. А вот игрой знаменитого футболиста Игоря Нетто юные болельщики, конечно, восхищались не раз. Ну, а известно ли вам, что Игорь когда-то был прекрасным хоккейным форвардом и защищал цвета команды мастеров московского «Спартака»? Да разве только Нетто! Лев Яшин, лучший футбольный вратарь мира, один из героев лондонского чемпионата, был когда-то моим противником на хоккейном поле. Он защищал ворота московского «Динамо», а я, играя за ЦСКА, вовсю старался забросить в них как можно больше шайб.

Кстати сказать, и теперешние мои два питомца, четырехкратные чемпионы мира по хоккею,— московские спартаковцы Борис Майоров и Вячеслав Старшинов — отличные футболисты. Оба могли бы выступать за команду мастеров, а возможно, со временем — и за сборную СССР. Но им пришлось сделать выбор. Футболу они отдают июнь и июль, остальные месяцы — хоккею. Иначе нельзя. Раздели они свои симпатии пополам — и не стать бы им большими мастерами ни в одном из видов спорта.

«А что все-таки больше любите вы: футбол или хоккей?» — такой вопрос задают мне очень часто. И я всякий раз задумываюсь. Ответить очень трудно. Обе игры прекрасны. И каждая по-своему. Футбол — своей мудростью, красотой долгих, многоходовых комбинаций, мощными ударами форвардов и акробатическими бросками вратарей. Хоккей — своей стремительностью, мужественностью, многокрасочностью, азартом...

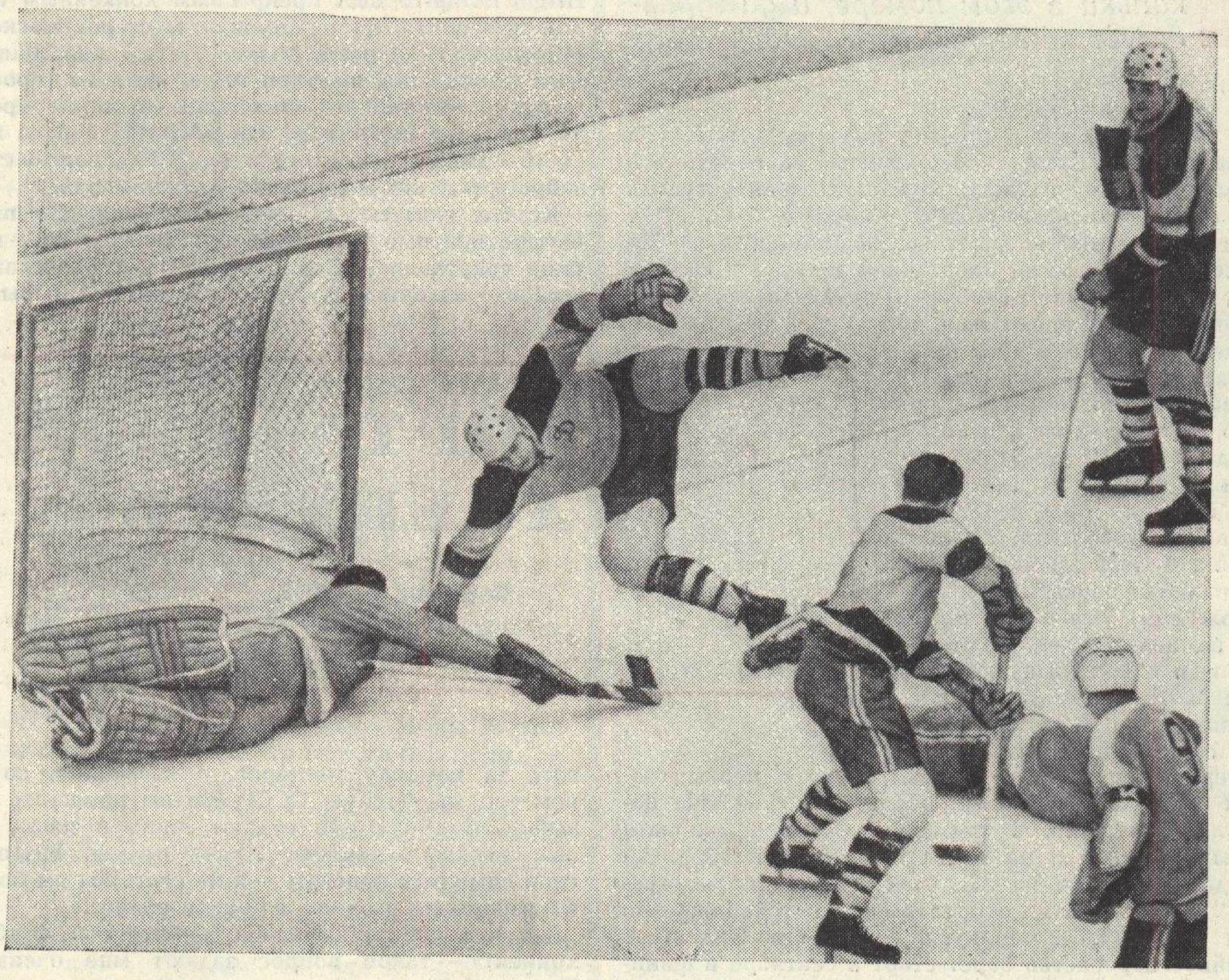
Я, наверное, привел далеко не все «за» в пользу своих любимцев. Если вы хотите получить более исчерпывающий ответ, попробуйте сыграть сами. Тогда вы все поймете.

Моя спортивная судьба сложилась так, что я оказался связан с хоккеем: я тренирую московских спартаковцев. Дело это мне по душе. Но вполне допускаю, что, останься я в футболе, я тоже был бы доволен своей участью. Словом, как говорил В. В. Маяковский: «Все работы хороши, выбирай на вкус».

Но так или иначе, вас теперь не удивляет, что наш «Клуб» передает эстафету хоккеистам в декабре. Значит, теперь мне остается предоставить слово знаменитому форварду нашего хоккея Александру Альметову.

Все о тройке

Александр АЛЬМЕТОВ,
заслуженный мастер спорта

В любой команде есть деление на нападающих и защитников. Но только у нас, в хоккее, и те и другие делятся еще на так называемые «тройки» и «пары». Вроде бы ничего в этом особенного нет: делятся, ну и пусть себе делятся, раз так диктует тактика. Только на самом деле все это ох как непросто!

Представьте себе класс. В нем человек тридцать. Вообще-то это очень здорово, если в нем все тридцать — ребята хорошие, на которых можно положиться во всем. Ну, а если, в крайнем случае, попадется один-другой, которые тебе не по душе, тоже ничего страшного. Он сидит в одном ряду, ты — в другом. У него своя компания, у тебя — своя. Закончились уроки — ты его до завтра и не увидишь. Ну, а если этот самый «один-другой» оказался твоим соседом по парте?

По игроки одной хоккейной тройки нападающих — это еще больше, чем соседи по парте. Каждый из вас сам пишет контрольную работу, сам отвечает у доски, несет домой свой собственный дневник со своими «пятерками» или «тройками». А мы всегда пишем одну, общую контрольную. И отвечаем вместе. И оценка нам общая выставляется. Мы друг за друга в ответе.

Вот что такое хоккейная тройка. Это маленькая команда, команда, в которой каждый из трех целиком зависит от двух остальных. Тут уж невозможно, чтобы «не по душе».

Наша тройка — первая тройка нападения команды ЦСКА — просуществовала восемь лет. В год мы играем приблизительно восемьдесят матчей. Это значит: восемь лет — шестьсот сорок матчей. В каждой игре мы проводим на поле приблизительно треть времени — двадцать минут. Значит, Константин Локтев, Вениамин Александров и я провели на поле бок о бок, вместе атакуя, вместе защищаясь, вместе разыгрывая комбинации, вместе забивая голы, двести тринадцать часов. И это не считая тренировок, которые по времени куда дольше, чем официальные матчи. А ведь сколько мы ездим, сколько живем на сборах! И всюду — и в своем общежитии и в гостиницах — живем обычно втроем в одной комнате.

Теперь вам, наверно, самим несложно ответить на вопрос, могли б мы вот так жить и играть, если б не были настоящими друзьями, если б не были готовы в любой момент прийти на помощь друг другу, если б таили друг на друга обиды.

Нескромно хвалить игру своих друзей и свою собственную. Но, пожалуй, коли играли бы мы хуже других, не сделали бы нашу тройку первой тройкой нападения сборной команды Советского Союза — команды, которая вот уже четыре года подряд является чемпионом мира. Да и говорю я об этом не для того, чтобы похвалиться, а чтобы еще раз подчеркнуть: без настоящей дружбы больших успехов хоккейной тройке не видать. А чтобы вы не упрекнули меня в нескромности, приведу другие примеры.

Лет семь назад все специалисты хоккея вдруг в один голос заговорили о том, что в московском «Спартаке» появилась очень интересная тройка нападающих — братья Майоровы и Вячеслав Старшинов. А вскоре самые сильные команды, да и мы, армейцы, почувствовали, что разговоры эти были не напрасны. Сейчас эта тройка известна всему хоккейному миру.

Конечно, и оба брата — Борис и Евгений — и их постоянный партнер Вячеслав Старшинов — очень хорошие игроки. Но разве дело только в этом? Они дружат с детства. Борис у них вроде за старшего. Он первым поступил в институт — Московский авиационно-технологический. Вслед за ним стали студентами этого института и оба его партнера. Окончив институт, Борис сдал аспирантские экзамены, взял тему диссертации. Через год сдает кандидатский минимум и Вячеслав. Евгений тоже не отстает: он инженер в проектном институте и собирает материал для диссертации.

— Но,— скажете вы мне,— сейчас ведь нет этой тройки. Евгений сначала вышел из сборной, а теперь ушел и из «Спартака».

Верно, ушел. Он получил в свое время серьезную травму — так называемый «привычный вывих плечевого сустава». Всякое неудачное столкновение на поле с соперником надолго выводит его из строя. Вот и пришлось ему покинуть большой хоккей. Но знаете, как трудно приходится Борису и Вячеславу? И сами они и тренеры мучительно ломают голову, подбирая третьего игрока.

Кроме нашей, армейской, и спартаковской, в сборную СССР входит еще одна тройка. Ее у нас называют «молодежная». В ней вместе с Анатолием Фирсовым играют двадцатилетние хоккеисты Володя Викулов и Витя Полупанов. Все они из нашей команды — из ЦСКА.

Ну что, кажется, общего между опытным, закаленным бойцом, взрослым женатым человеком Толей Фирсовым и его юными партнерами? У них-то какая может быть особенная дружба?

...По утрам, когда мы идем на тренировку, мы почти всякий раз наблюдаем такую картину: «молодежная тройка» занята каким-то делом. То играют в теннис, то о чем-то яростно спорят, то просто отдыхают втроем где-нибудь в укромном углу на лавочке. Все эти занятия придумывает Фирсов. Он-то, постигший в хоккее многое, понимает, что без этого распадется тройка, не будет мощной и монолитной, разладится взаимопонимание на площадке.

А присмотритесь, как ведет себя Фирсов на поле по отношению к ребятам. Словно заботливая наседка, отдающая своим птенцам самые лакомые зерна. Фирсов очень любит забивать голы и умеет делать это — недаром же он самый результативный игрок последнего первенства СССР. Но сколько кружит он по полю с шайбой, выжидая, когда его партнеры займут удобную позицию, чтобы тут же отдать им пас! И счастлив, когда гол забивают Полупанов или Викулов. Между прочим, оба они по итогам прошлого сезона вошли в десятку самых метких форвардов нашего хоккея. А соавтором всех их успешных атак неизменно был Анатолий Фирсов.

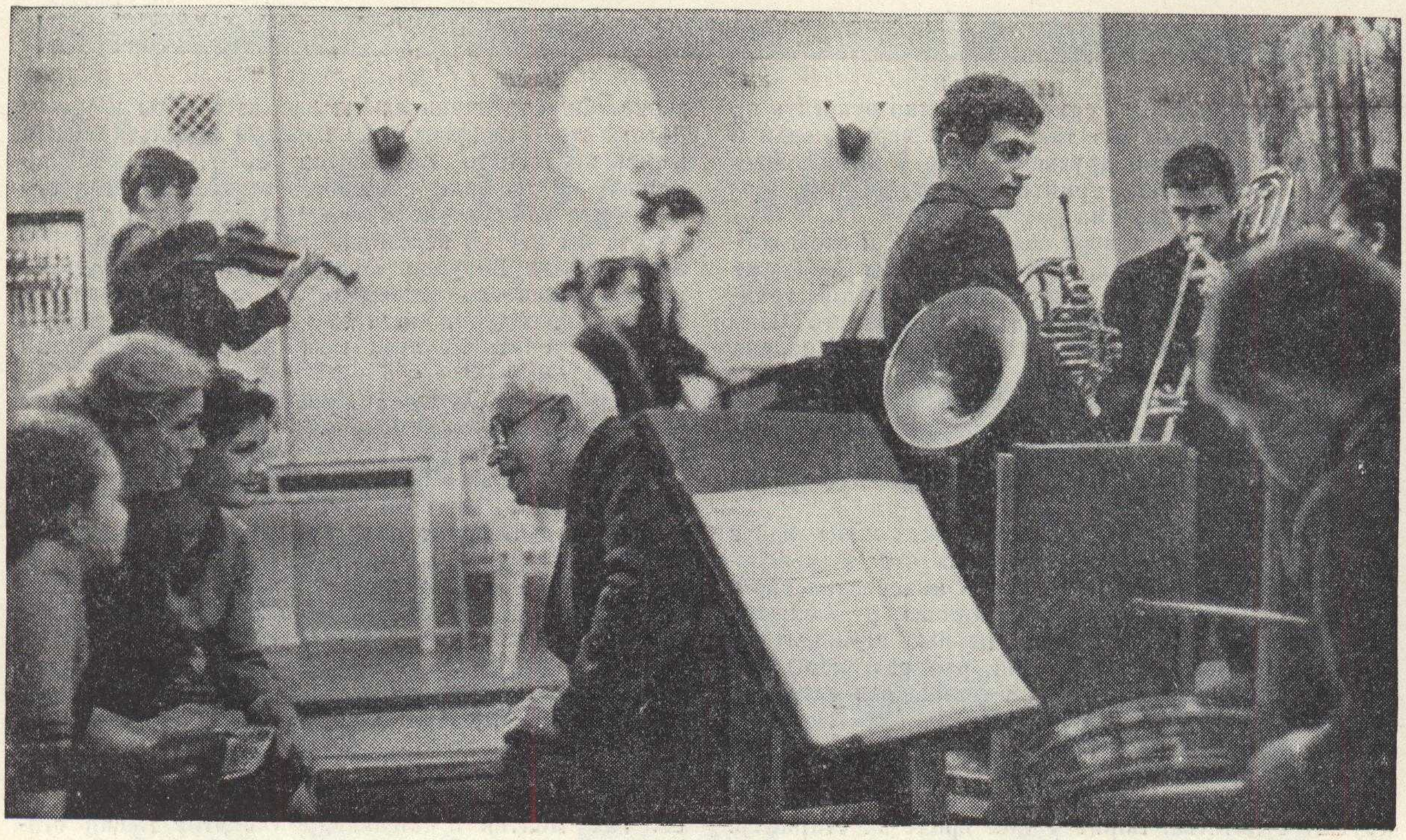
Сколько я ни думаю, сколько ни вспоминаю, мне трудно найти в нашем нынешнем хоккее такие же тройки друзей, как те, о которых я вам рассказал. И вот — не может же это быть простым совпадением — именно три эти тройки считаются самыми лучшими в истории советского хоккея последних лет.

Только мне бы не хотелось, чтобы у вас сложилось неверное представление о том, что такое настоящая дружба, как понимаем ее я и мои друзья. Дружба — это вовсе не обязательно вместе ходить в кино, читать одни и те же книжки, иметь одинаковые вкусы. Дружба — она во взаимопонимании в жизни и в игре. Вот я, например, довольно медленно вхожу в спортивную форму. Обычно чемпионат страны уже идет, а я все еще никак не разыгрался. Так Локтев и Александров в этот месяц стараются за троих, подчищая все огрехи в моей игре. И хоть бы раз кто-нибудь сказал мне дурное слово, покосился бы в мою сторону. Или еще, Александров у нас, что называется, солист. Его страсть — забивать голы, его стихия — атака. Черновую работу в защите он не любит, да и не очень-то умеет выполнять. Мы с Костей это знаем. И оба, причем прежде всего Локтев, отдуваемся тут безропотно, опять же за троих. И никогда, за все восемь лет, не было у нас на этой почве никаких конфликтов.

Но хоккей — игра, игра к тому же вихревая, стремительная. В ней чаще, чем в любой другой игре, возможны и ошибки, какие-то неточности. Я, скажем, жду, что мой партнер выскочит справа, и отдаю туда пас, а он замыслил иное, и шайба потеряна. Или я жду от него передачи, а он бьет по воротам сам. Что тут скрывать, другой раз и обругаешь своего партнера мысленно. Или он разозлится на тебя. Но не было в нашей жизни случая, чтобы кто-то затаил, не высказал обиду, чтобы скопил хоть грамм злости на другого. Все трое мы верим: если люди желают друг другу добра, если верят друг в друга, они всегда договорятся, всегда найдут общий язык, всегда поймут один другого.

Сейчас в жизни нашей тройки наступила самая трудная пора. Нас, собственно, осталось двое. Самый старший и мудрый среди нас, тридцатитрехлетний Константин Локтев, закончил играть в хоккей. Он стал тренером. Мы вместе, втроем, долго думали, как будем играть дальше. И решили вот что. Вместо Кости к нам придет молодой парень. Конечно, Локтева он нам не заменит. Мы сами должны его заменить. Мы должны играть так, чтобы наш новый партнер не почувствовал своей неопытности, чтобы он поверил в себя, в свои силы, в свой талант. Мы не имеем права обращаться с ним не как равные с равным. Иначе он может замкнуться, иначе не почувствует в нас своих друзей.

А тогда прощай, тройка!

Имени Ленина

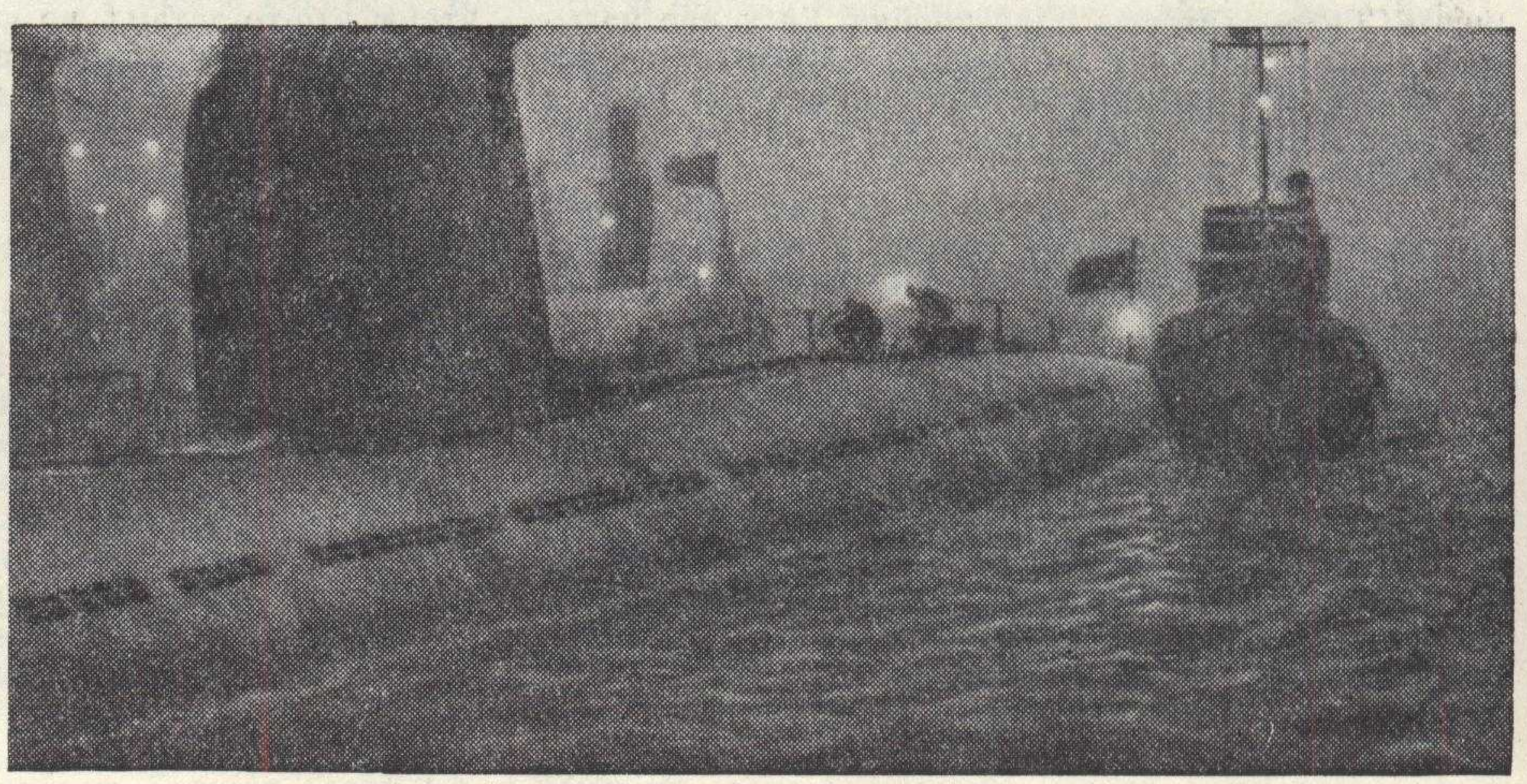
А вот и Пулковский меридиан! Мы в Ленинграде. Перед нами открывается дверь в музыкальную школу имени Ленина...

Это было в 1918 году. Враг подошел к стенам Петрограда. Жители города получали по восьмушке хлеба в день: кончились запасы продовольствия. И в один из тревожных дней в кабинете Владимира Ильича Ленина в Смольном появился пушечный мастер Фомин — делегат Путиловского завода. Просьба у Фомина была необычная: открыть для детей рабочих студию, где бы они занимались музыкой. Владимир Ильич не удивился, он тут же позвонил в отдел народного образования и попросил поддержать путиловцев. И вскоре на Рижском проспекте открылась первая в Советском Союзе детская студия-школа.

Много талантливых музыкантов — композиторов, дирижеров, концертмейстеров — воспитала эта школа. Нередко они приезжают в гости к ребятам. Наведываются к ним и заводские шефы. И среди них самый любимый и почетный гость — «дедушка Саша», старейший путиловец Александр Андреевич Фомин.

Часовые границ

Наше фотопутешествие через сто меридианов закончилось на скалистом берегу Баренцева моря. Отсюда во мгле полярной ночи Дмитрий Диевич сделал последний снимок. Видите: это подводные лодки, чуткие и грозные часовые советских морских границ.

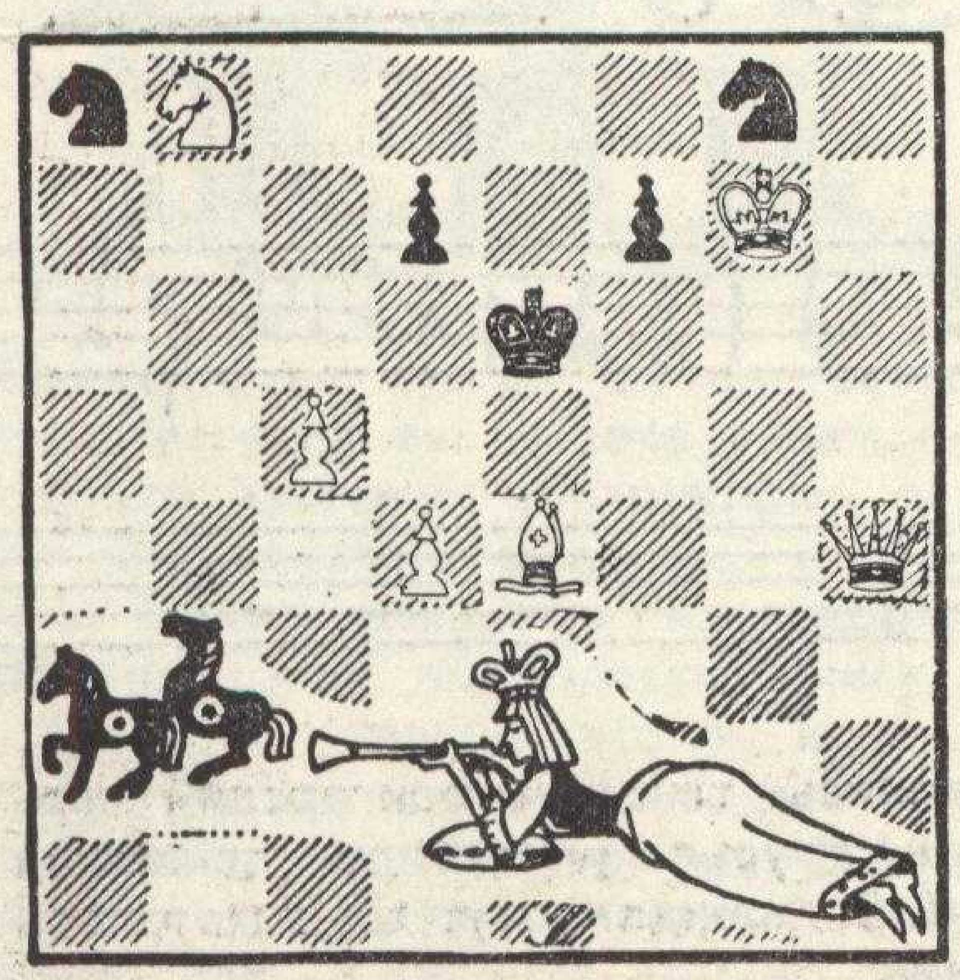

ПЕШКИН в 1967 году

Да, ребята, последний раз встречается с вами Пешкин в этом году. Но он уже приготовил для вас, своих верных друзей, новые хитрые загадки, интересные и таинственные шахматные истории.

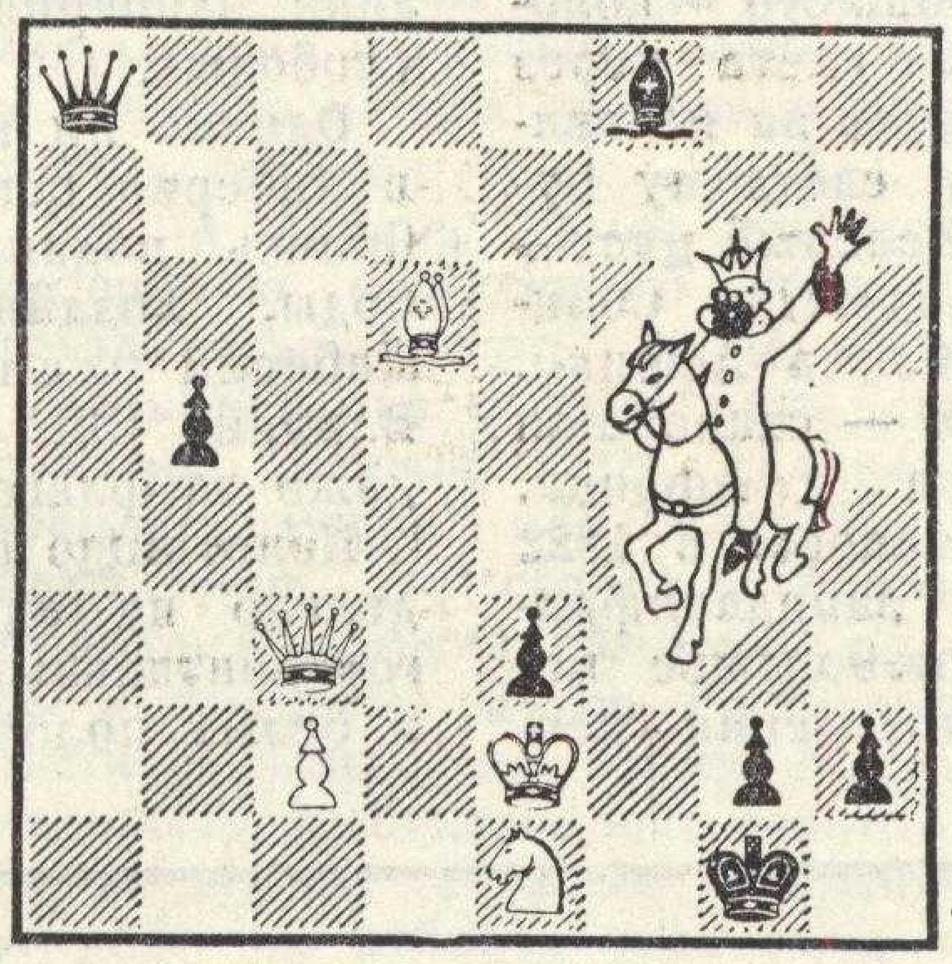
В первых номерах нашего журнала в будущем году мы подведем итоги конкурса, вы узнаете о том, кто получил спортивный разряд, и продолжите заочные шахматные сражения.

А сейчас будьте внимательны, не торопитесь! Вам предстоит решить два последних конкурсных задания.

В девятом задании основная боевая сила белых—ферзь. Смотрите, как ферзь ведет стрельбу по мишеням. Главная цель — черный король. Как поразить эту мишень и заматовать черных в два хода? Игру, как обычно, начинают белые.

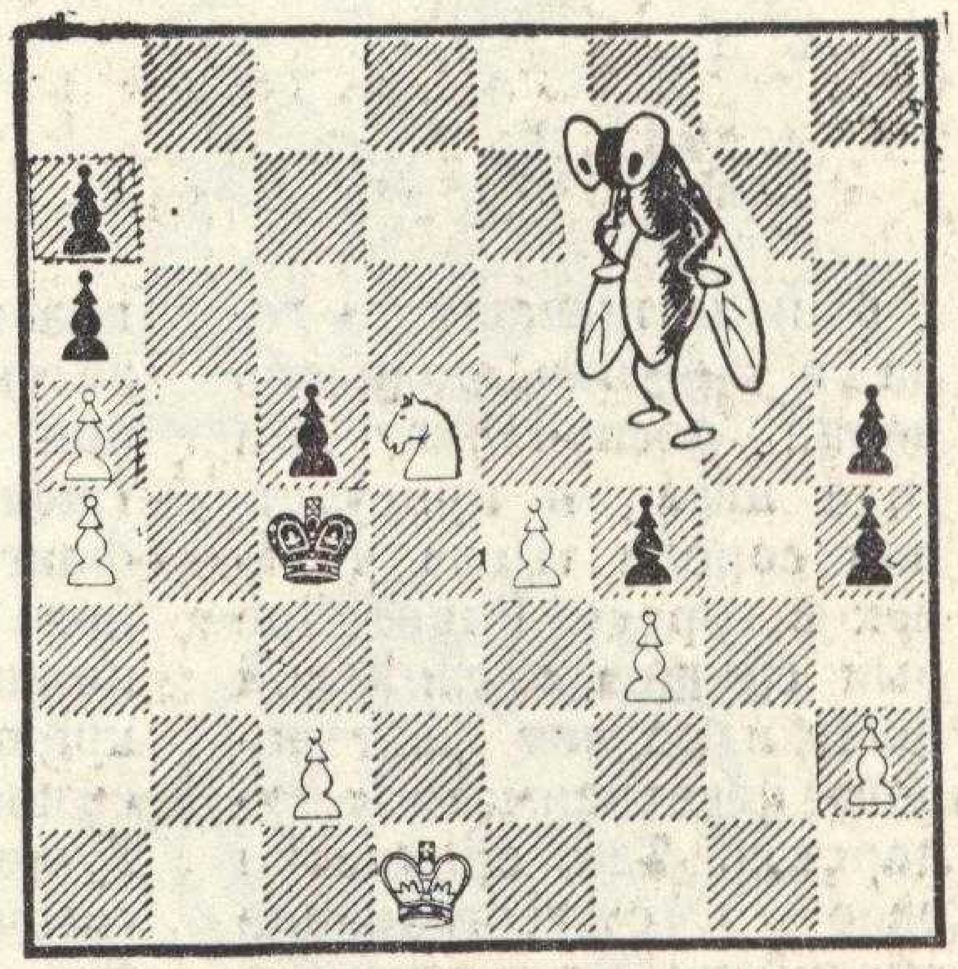
Всего лишь два хода! Задание короткое, но найти путь к цели нелегко. Рассказывают, что опытный шахматист американец Бирилл установил рекорд: за один час он решил шестьдесят две задачи-двухходовки. Меньше минуты на задачу! Но с заданиями Пешкина не так легко справиться... Пешкин уморил бы этого Бирилла...

Кто скачет, кто мчится на белом коне? Белый король принимает парад своих войск в десятом, последнем задании Пешкина. Все пешки, ферзь, конь и слон заняли свои места. Черный король оттеснен в угол. Развязка кажется близкой, но не торопитесь: пешка h2 готова к броску на h1, и ферзь a8 тоже не зря притаился в засаде. И, несмотря на это, белые, начиная игру, могут сломить оборону противника и дать мат в три хода королю черных.

Пешкин ждет ваших решений, друзья. Срок их присылки обычный: шлите ответы не позднее чем через месяц после получения журнала.

И еще раз советую всем участникам заочного соревнования: решайте задачи сами, не ищите помощи у более сильных шахматистов. Такая «победа» не принесет вам радости. Не огорчайтесь, если не решите задачи на этот раз, добьетесь своего в следующем конкурсе.

СЛОН И МУХА

Что делает эта любопытная муха на шахматной доске?

Вы, конечно, знаете, что из мухи не сделаешь слона. Но в веселый новогодний вечер и невозможное становится возможным. Давайте-ка попробуем поколдовать и превратить назойливую муху в белого слона.

Раз-два, готово... Муха уже не муха, а белый слон. Теперь найдите для него подходящее место на доске, поставьте слона на такую клетку, чтобы он оттуда удачно атаковал черного короля и дал ему мат в четыре хода.

Вот это и есть новогодняя шутка Пешкина. Появление слона на роковом для черных поле — первый ход белых.

Те из вас, кто правильно превратит муху в слона, будут награждены грамотами «Ферзя и ладьи». А когда будет объявлено решение этой задачи, мы расскажем вам и довольно занятную историю ее.

ВНИМАНИЕ! **ВНИМАНИЕ!**

ФОТОПУТЕШЕСТВИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

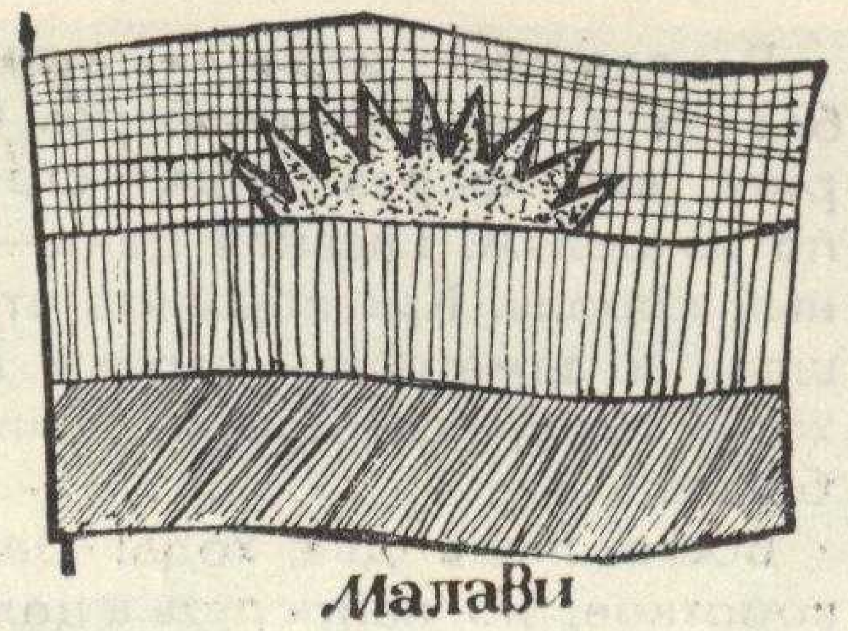
Читатель, принимай эстафету фотопутешествия по родной стране: «Пионер» открывает страницы для твоих лучших снимков!
Пусть твои фотографии расскажут:

об удивительных стройках,
о делах и событиях на разных меридианах,
о красоте родной земли,
о том, чем славится твой город или район
и как он встречает 50-летие Октября.

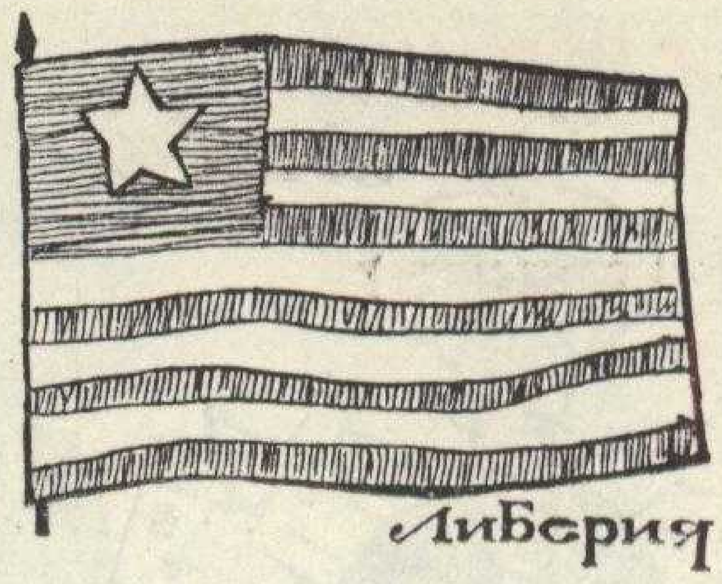
ЧЕРЕЗ 50 МЕРИДИАНОВ

НЕ ЗАБУДЬ вместе со снимком прислать страничку с рассказом-подписью.

Цвета нашей планеты

Малави

Либерия

6 июля нынешнего года в Африке родилась новая республика. Два года назад в присутствии сорока тысяч человек в городе Блантайре был спущен английский флаг и поднят флаг нового независимого государства. Так прекратил свое существование английский протекторат Ньясаленд, и появилось новое государство — Малави.

Его флаг разделен на три горизонтальные полосы: черная сверху, красная в середине и зеленая снизу. На черной полосе золотое (желтое) солнце. Цвета флага означают: от черного прошлого колониального гнета через кровь борцов за независимость к светлому будущему. Зеленый цвет— символ надежды. Солнце — эмблема Африки.

Либерия — старейшая республика Африки. История такова: в 1822 году на западноафриканском побережье появились поселения негров, бывших рабов из Соединенных Штатов. А четверть века спустя, в 1847 году, была провозглашена республика Либерия (Страна свободы).

Однако ни в США, ни в Либерии негры не добились подлинной свободы, хозяйничают в Либерии американцы. Влияние США сказалось даже на флаге Либерии.

Полотнище флага разделено на одиннадцать горизонтальных красных и белых полос.

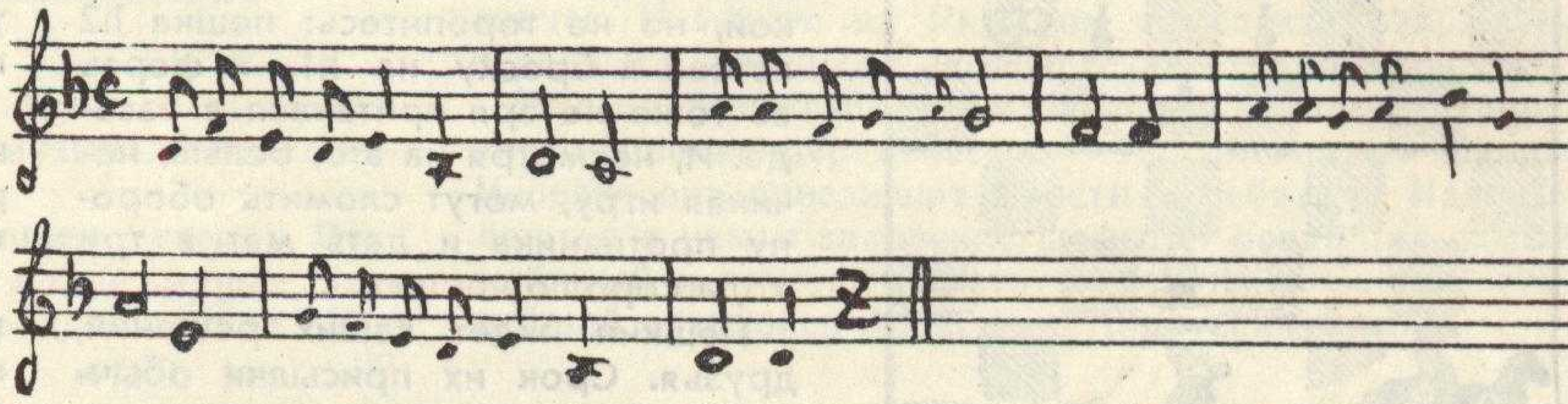
Слева, у древка, помещен крыж (прямоугольник) с белой пятиконечной звездой в середине.

Что же означает расцветка флага Либерии? Одиннадцать полос напоминают об одиннадцати подписях под Декларацией независимости Либерии (1847 год).

Звезда же вообще присуща флагам стран Африки как эмблема государства и всего континента в целом.

Л. БАСКАКОВА

Чардаш

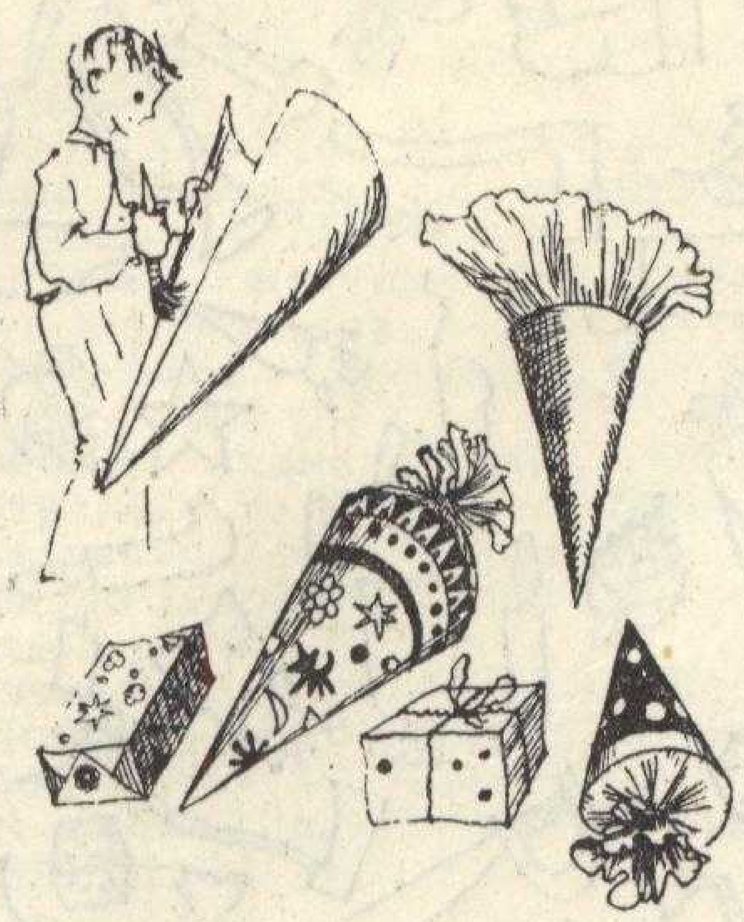
Приготовились, танцуем венгерский чардаш. Наши друзья упростили движения чардаша, чтобы каждому тут же захотелось встать в круг.

Да вот посмотрите сами. Все парами встали в круг, руки скрестили за спиной. На первые четыре такта сделали три танцующих шага вперед и шаг вправо, потом три шага назад и влево. На пятый-шестой такты покружились сначала вправо, потом влево. Посмотрели друг на друга и друг другу улыбнулись. Такты седьмой-восьмой: девочки поворачиваются к следующему ближайшему партнеру, мальчики хлопают в ладоши, и танец начинается сначала.

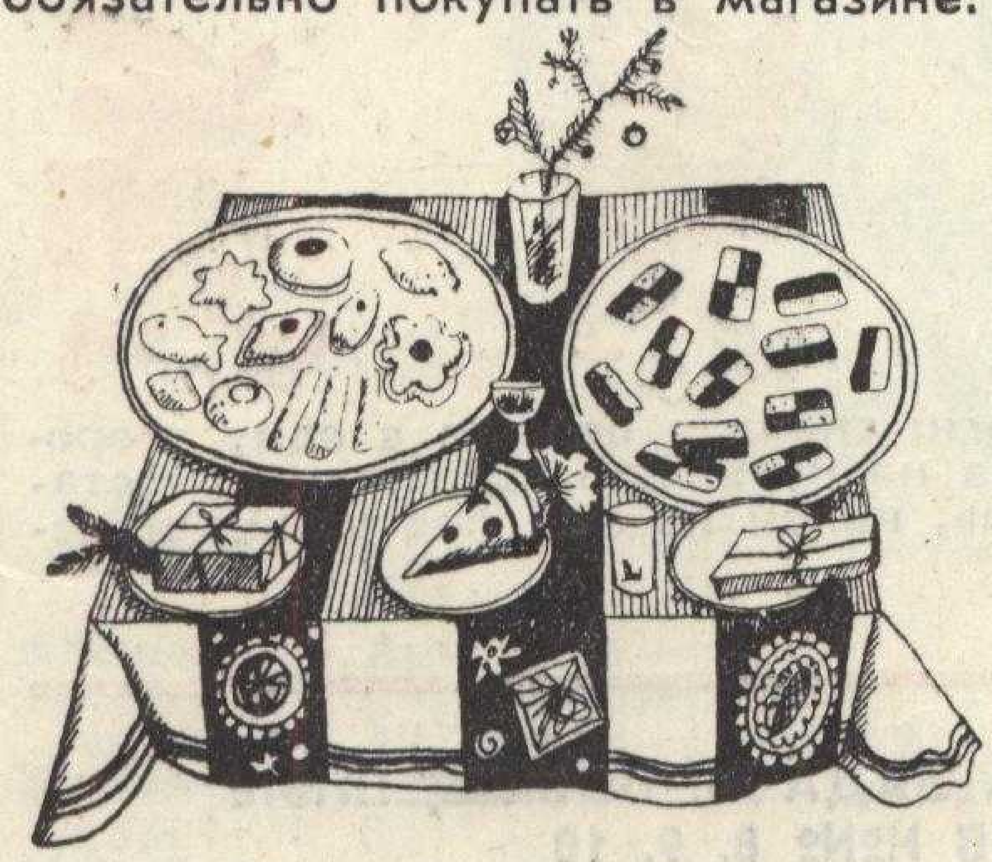
ТАНЦЫ СО ВСЕГО СВЕТА

НОВОГОДНИЕ СЕКРЕТЫ

Татьяна ДОБРОХОТОВА

Новый год — самый прекрасный, сказочный праздник. И все на этом празднике должно быть необыкновенным. На Новый год заведен хороший обычай — дарить подарки. Но подарки совсем не обязательно покупать в магазине.

Сделайте то, что вы лучше всего умеете: если вы умеете вязать — свяжите шапочку или шарфик, если вышиваете — вышейте платочек. Можно выпилить из дерева полочку или переплести книгу...

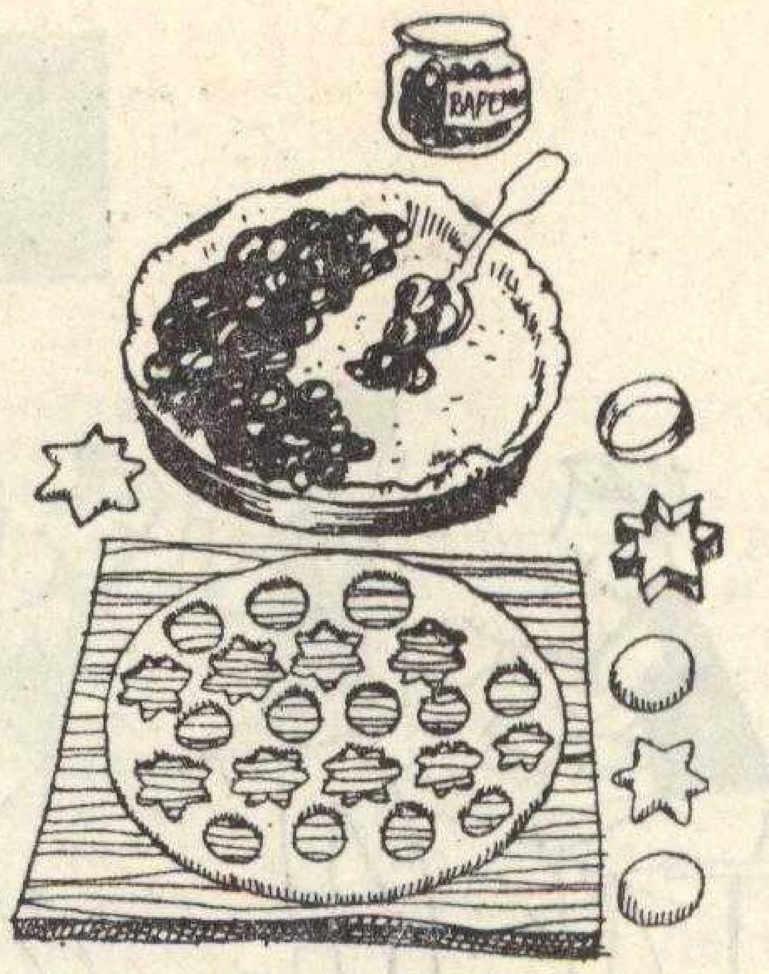
Подарки лучше всего класть под елку. А чтобы было еще интереснее, нужно сделать для подарков красивые кульки. Кульки, такие, как на рисунке, можно сделать из цветной или из белой бумаги, а потом наклеить на них разноцветные бумажные кружочки, звездочки, зверюшек — все, что вам больше нравится. Сверху, там, где широкий край кулька, можно приклеить большую полосу гофрированной бумаги. Когда вы положите в кулек подарок, гофрированную бумагу нужно собрать в центре и завязать цветной тесемочкой или сутажом. И можно класть праздничный подарок под елку.

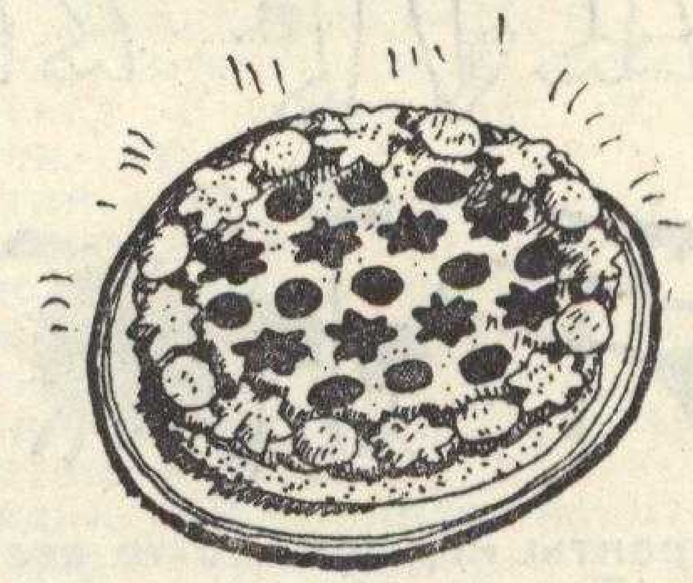
На праздничный стол можно сделать самим прекрасную скатерть. Возьмите большой лист бумаги, а если стол большой, то два. Наклейте на скатерть полоски цветной бумаги в двадцать сантиметров шириной, только не очень часто. На эти полосы наклейте еще разноцветный орнамент из звезд, цветочков, рыбок. Праздничный стол без цветов выглядит очень скучно, но достать живые цветы в середине зимы трудно, поэтому поставьте на стол две-три маленьких вазочки с еловыми веточками и повесьте на них несколько блестящих бусинок.

Ну, а теперь самое главное украшение новогоднего стола — праздничный пирог или печенье.

Возьмите два стакана муки, сто граммов сахара, сто двадцать граммов масла или маргарина, одно яйцо, две столовых ложки молока, немножко лимонной цедры и ванилина. Сухие составные части высыпьте на доску. Масло нарежьте кусочками или разотрите с мукой. В муке сделайте углубление, отбейте туда яйцо и влейте молоко. Сначала тесто порубите ножом, а потом вымесите руками. Готовое тесто оставьте на некоторое время в холодном месте — затвердеть. Когда оно затвердеет, начинайте делать пирог.

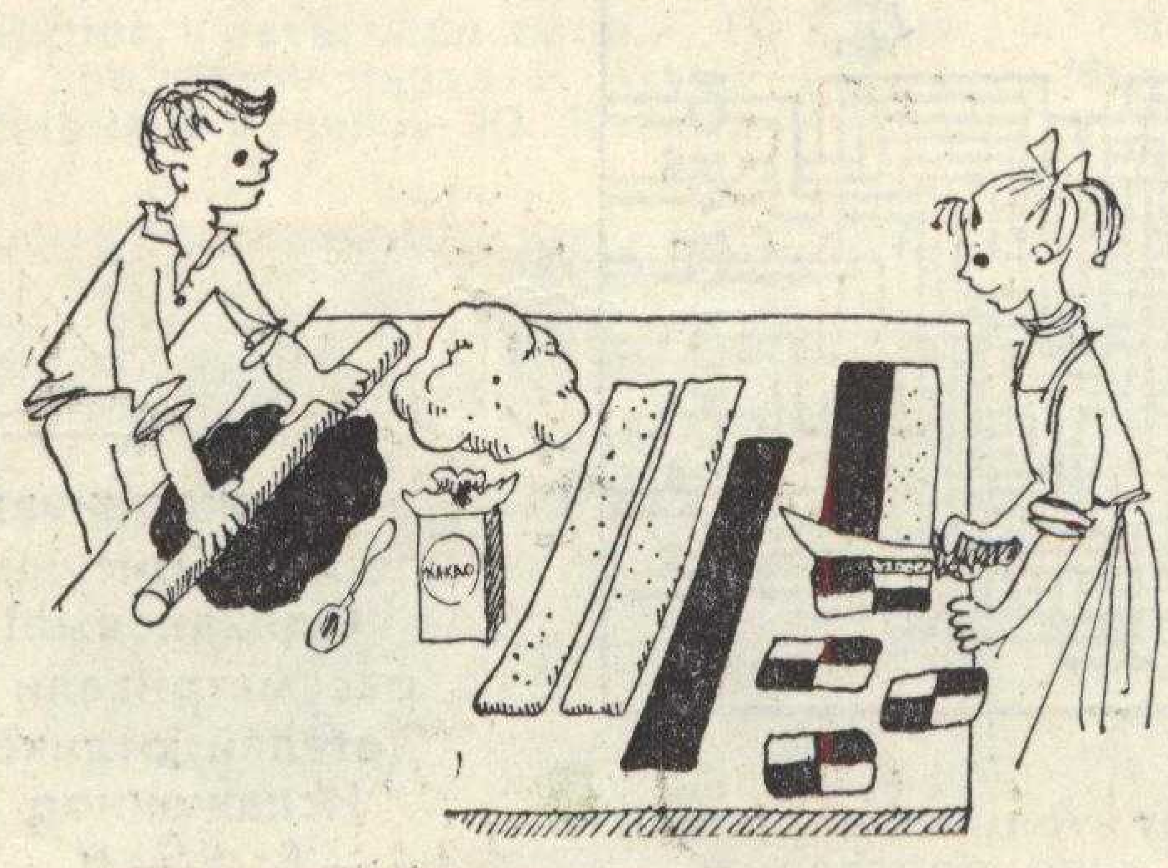
Из двух третей теста раскатайте пласт величиной с большую сковородку или форму, в которой вы будете печь. На пласт нанесите слой варенья. Оставшееся тесто тоже раскатайте и вырежьте на нем формочкой фигурки. Этот пласт теста с вырезанными фигурками положите на лепешку с вареньем. Из вырезанных кусочков теста сделайте кант пирога. Печь пирог надо в духовке минут тридцать — сорок при температуре 175—200°. Готов ли пирог, узнают по его золотистому цвету.

Из такого теста можно сделать еще двухцветное печенье. Тесто надо разделить пополам. В одну половину добавить две-три ложки какао-порошка и хорошенько размешать. Потом обе части теста раскатать пластом толщиной в полсантиметра. Из готовых пластов надо вырезать по две полосы шириной тоже в полсантиметра и положить их рядом друг с другом: светлую и темную. Теперь смажьте эти полоски теста белком и положите на них в обратном порядке две другие полосы. Поставьте тесто в холодное место, когда оно застынет, нарежьте его ломтиками и, перевернув каждый кусочек разрезом вверх, испеките.

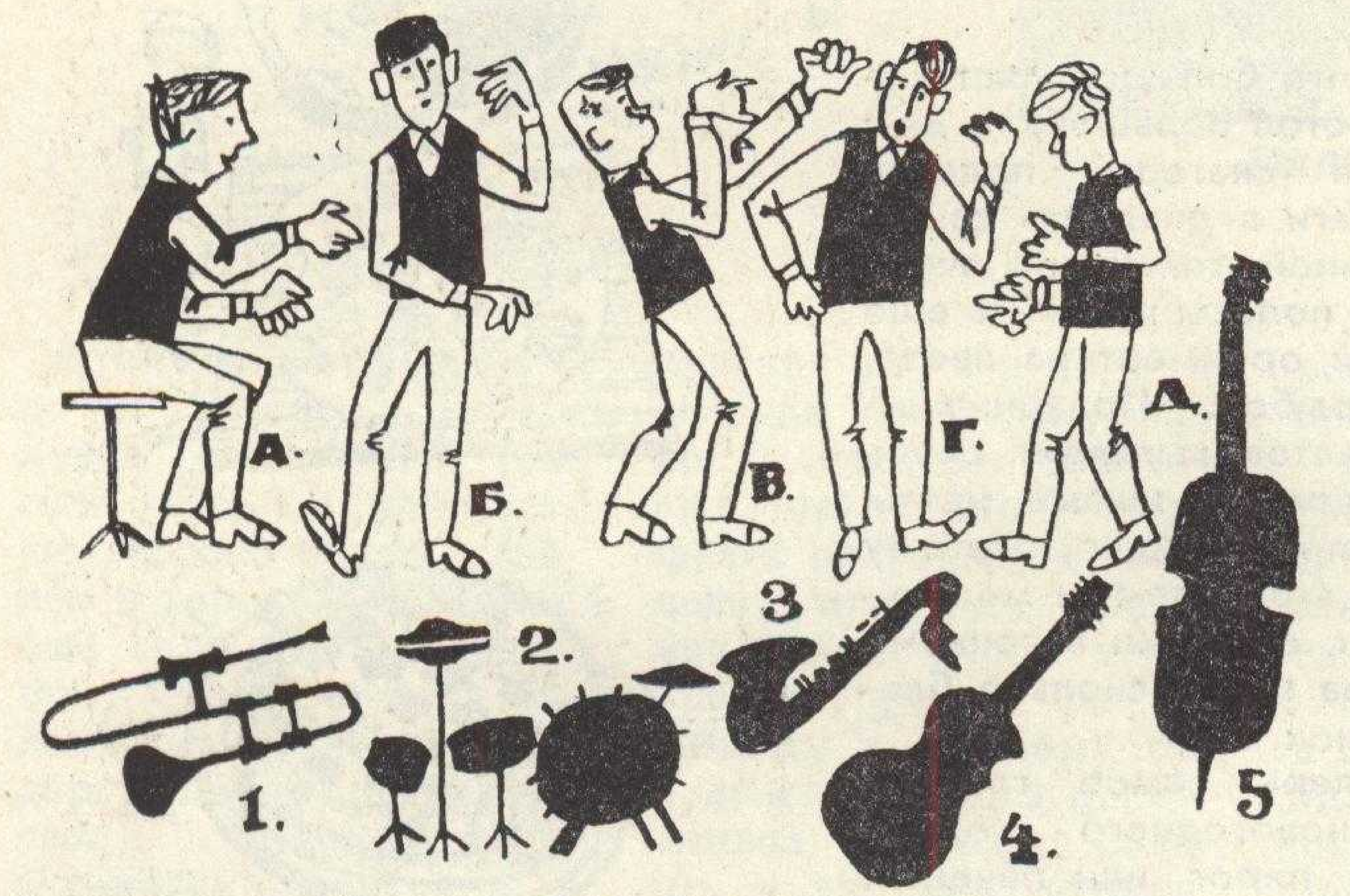
И еще один новогодний рецепт: не забудьте про хорошее настроение! Даже если у вас немножко подгорит печенье,— это не беда, не огорчайтесь. Если вы все сделаете сами, с любовью, все будут рады вашему угощению.

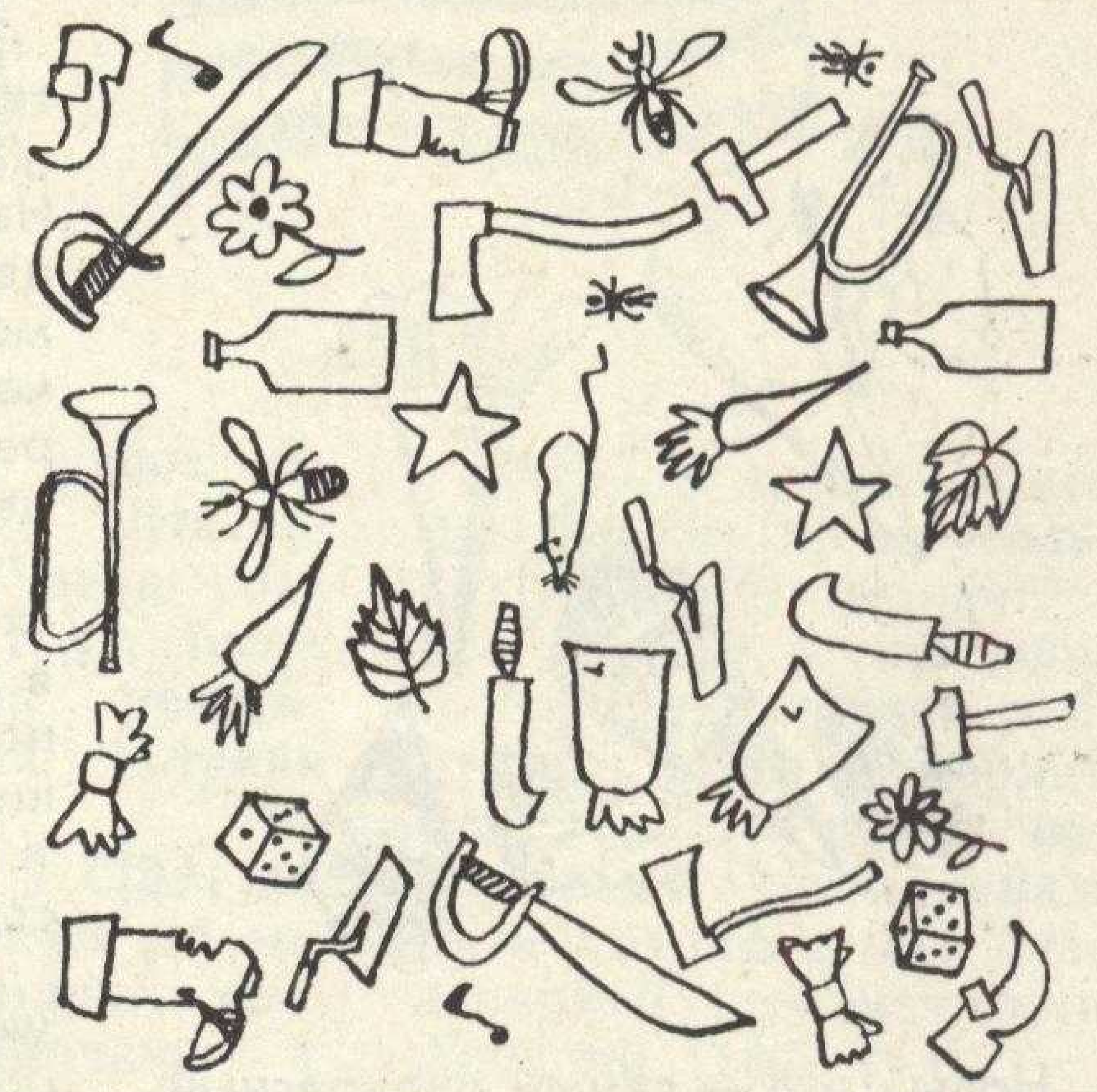

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

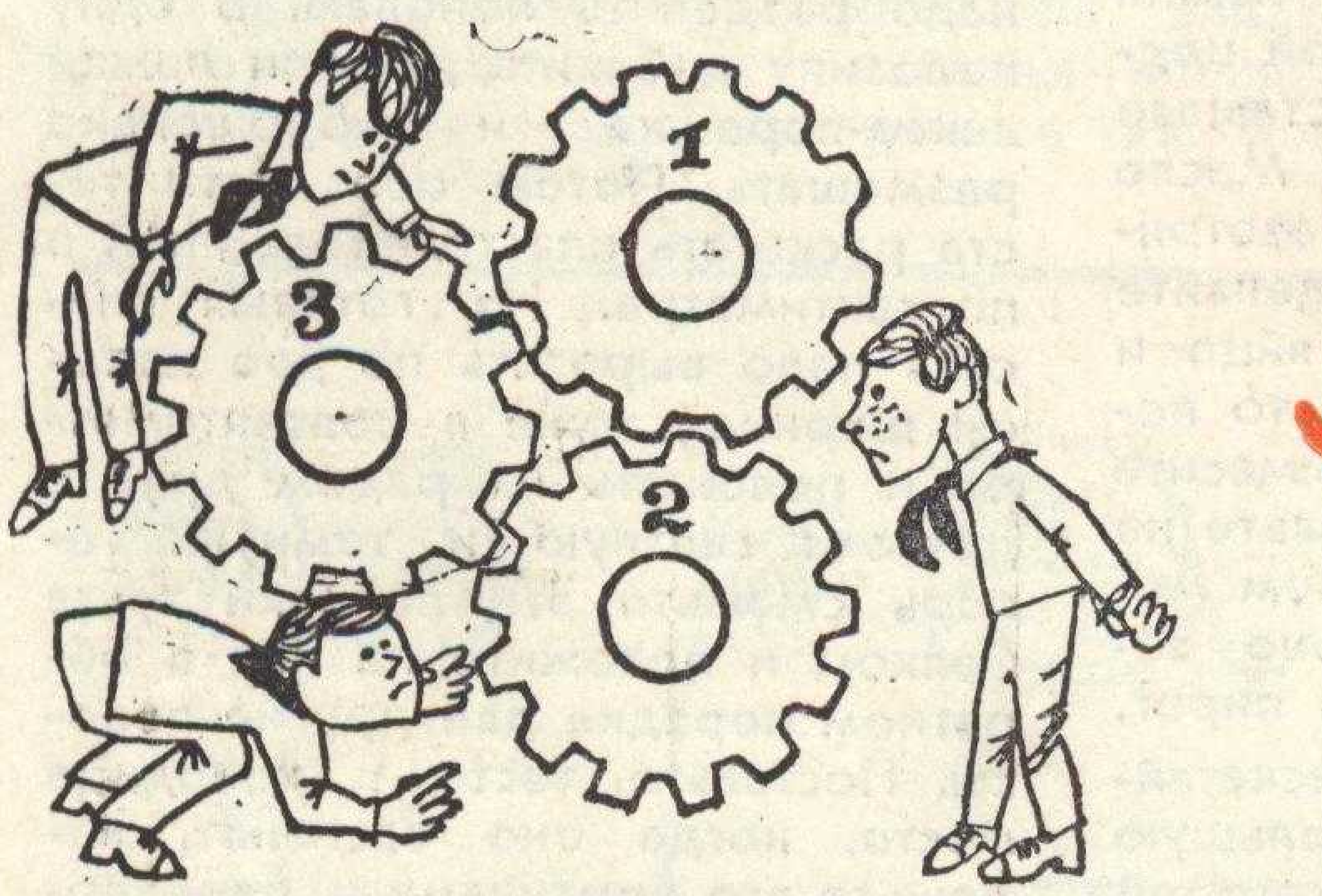
НЕСКУЧАЙКА

Оркестранты играют что-то веселое. Это видно с первого взгляда. Только вот на каком инструменте каждый из них играет — это с первого взгляда не определишь. Да и не обязательно! Важно определить правильно!

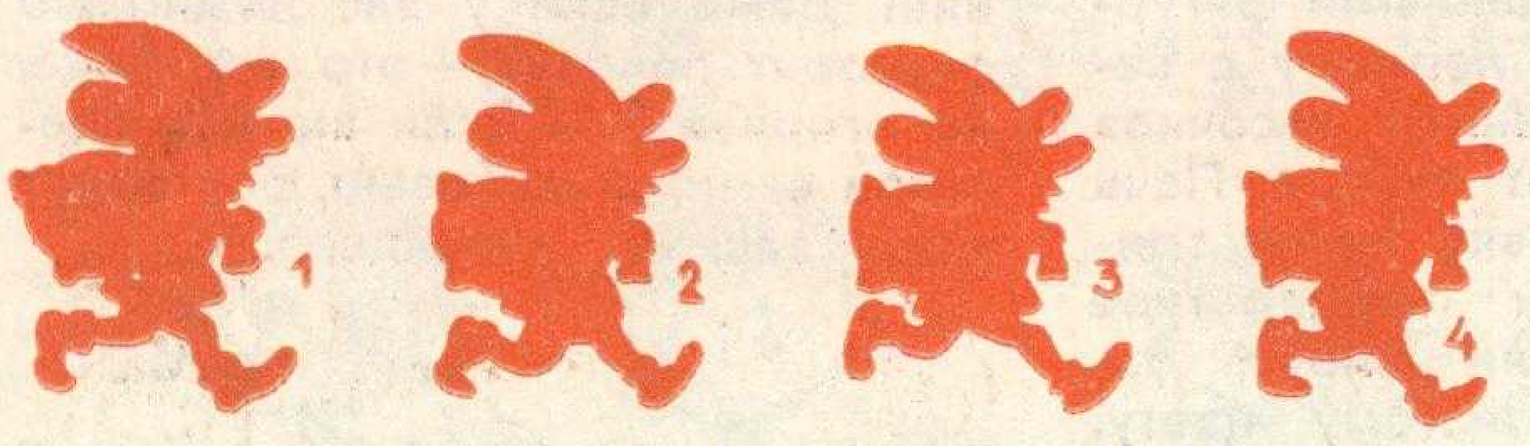
Сколько тут нарисовано предметов? Ты скажешь, сосчитать нетрудно? Хорошо. Тогда поищи, у какого из них нет пары.

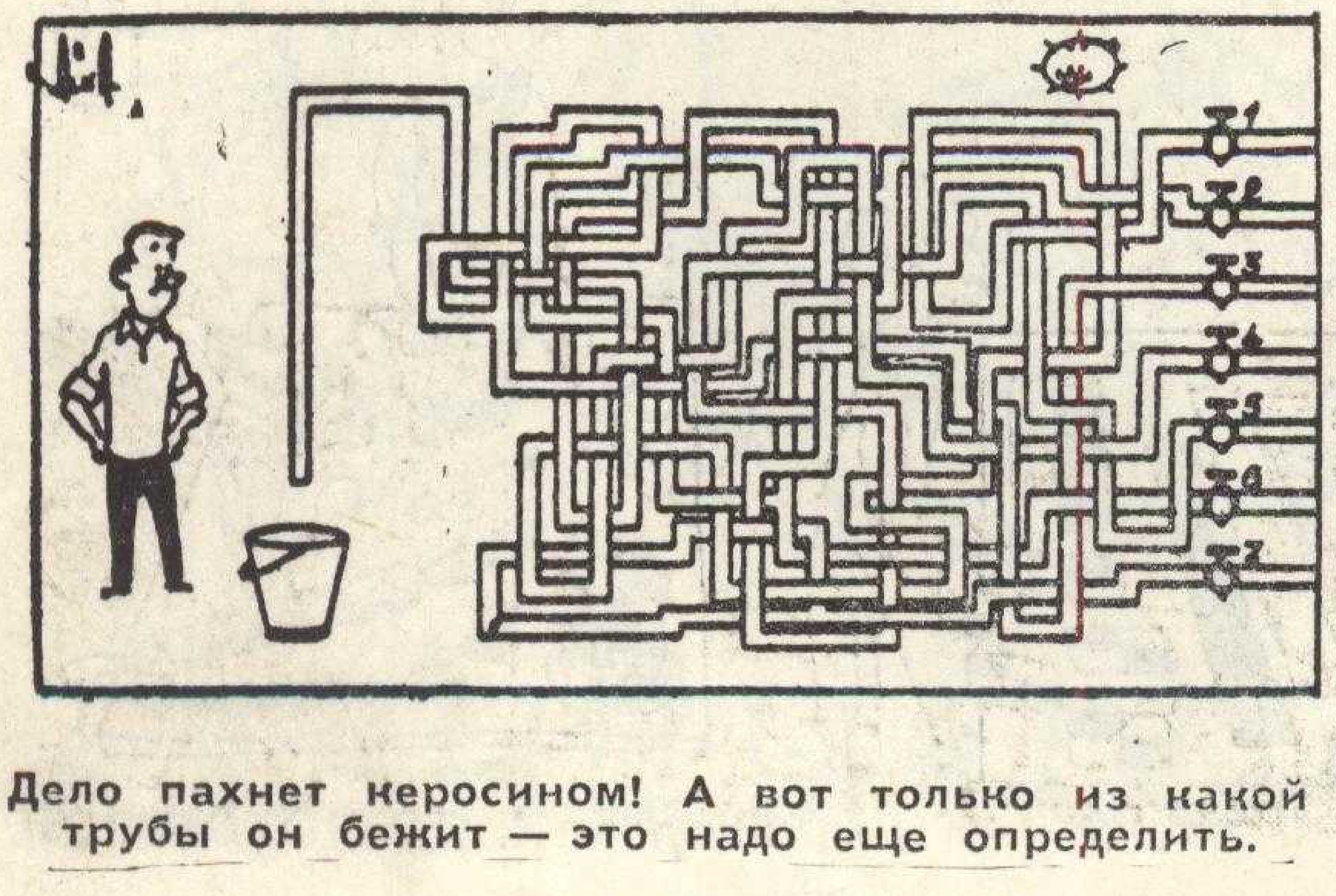

Эта задачка с подвохом. В какую сторону будут крутиться шестеренки № 2 и № 3, если ведущая шестеренка № 1 будет двигаться по часовой стрелке? А если против часовой стрелки?

Гномы сбились с дороги: сначала бежали в одну сторону, потом в другую. Да на пути еще поменялись местами. Вот и узнай теперь, какой из них под каким номером бежит обратно...

Дело пахнет керосином! А вот только из какой трубы он бежит — это надо еще определить.

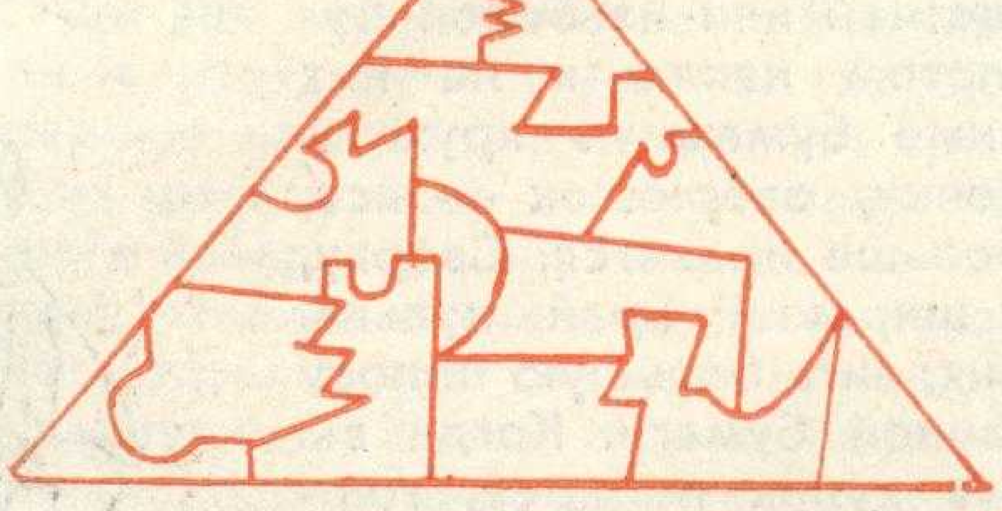
ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, ПОМЕЩЕННЫЕ В №№ 8, 9, 10

Семь случаев, где действуют сжатые газы: 1 — в автомобильном моторе (взрыв горючей смеси), 2 — в автоматах с газированной водой, 3 — в воздушном шарике, 4 — в камере мяча, 5 — в свистке судьи, 6 — в ружье (выстрел), 7 — в шинах велосипеда.

Ключи. Одинаковые ключи верхний и второй снизу.

Соедини все точки, и ты увидишь, что музыкант играет на контрабасе.

Помоги египтянину — сложи пирамиду так:

Прожорливая рыба съела полосатую рыбку. На первом рисунке она в правом нижнем углу.

Одинаковые! Нет, разные! Если вы внимательно рассматривали рисунки, то могли заметить, что семь деталей отличают верхний рисунок от нижнего.

Искаженное изображение: 1 — Д; 2 — А; 3 — Г; 4 — Б; 5 — В.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР»

ЗА 1966 ГОД

ПОВЕСТИ

Звезда упала в лесу.— А. Лиханов.— № 1.

Король Матиуш Первый.— Я. Корчак. Перевела с польского М. Павлова.— №№ 1—7.

Каждый мечтает о собаке.— В. Железников. — №№ 3—5.

Оруженосец Кашка.— В. Крапивин.— №№ 5—7.

Книжная лавка близ площади Этуаль.— Н. Кальма.—№№ 7—9.

Гуси-лебеди.— Л. Воронкова.— № 8.

Дети до шестнадцати.— Б. Никольский.— №№ 9, 10.

Маленький Человек.— Э. Кестнер. Перевел с немецкого К. Богатырев.— №№ 10—12.

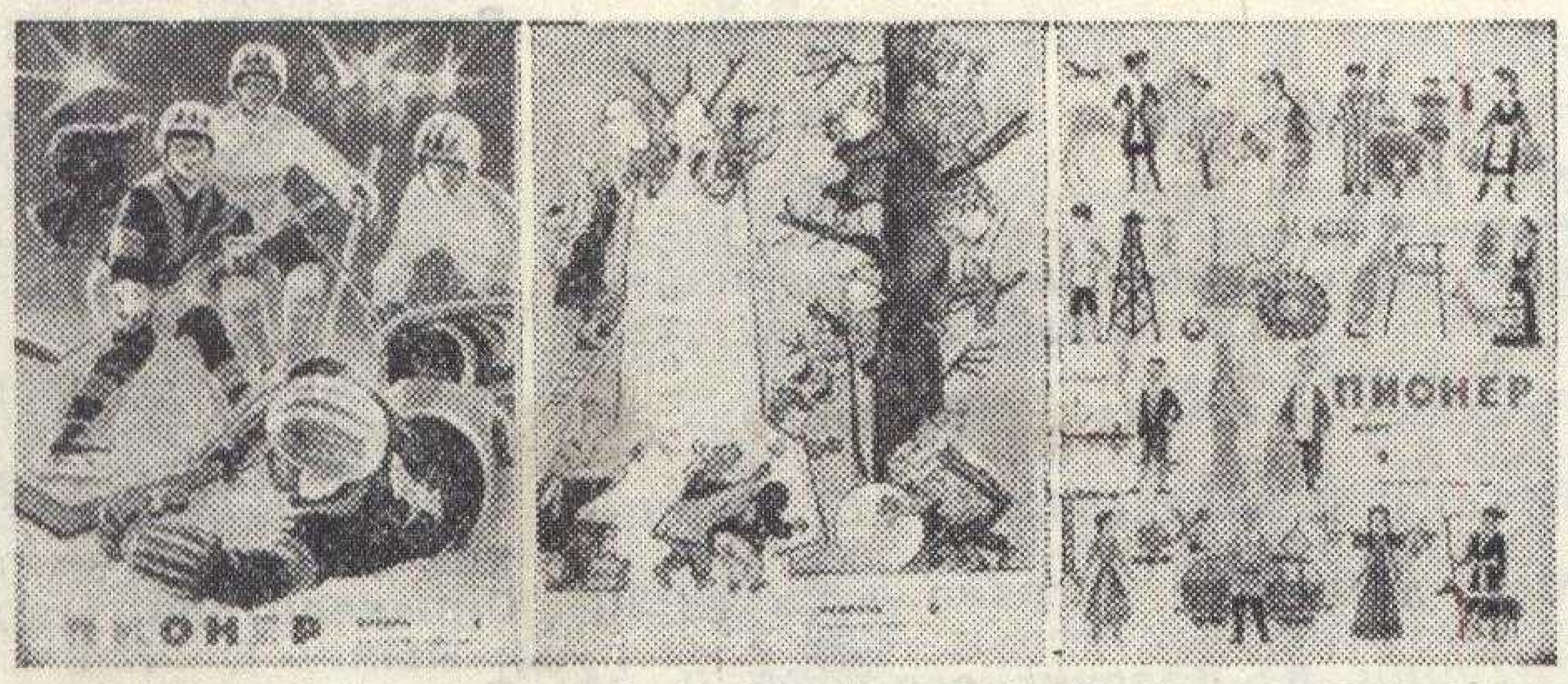
Мой боевой друг.— Ю. Яковлев.— №№ 11, 12.

РАССКАЗЫ И СКАЗКИ

Сын гипнотизера.—Э. Шим.— № 1.

Маленькая сказка.— № 2.

Банка козьего молока.— Э. Корпачев.— № 2.

Перед вами обложки «Пионера»

Алеша.— В. Аркавина.— № 2.

Трое.— З. Слабы. Перевела с чешского Н. Любкина.— № 2.

Бессмертный горнист.— Н. Богданов. — № 3.

Мирабелла и ткацкий станок. Влюбленная подводная лодка.— М. Арджилли. Перевел с итальянского А. Слюсарев.— № 4.

Кивви.— С. Косов.— № 4.

Аисты не сдаются.— А. Маркуша.— № 5.

На последнем уроке. А счастье было так близко.— М. Тарловский. — № 6.

Орлята.—В. Берестов.— № 6.

Боевые пчелы джунглей.— М. Варненская. Перевел с польского Я. Немчинский.— № 7.

Жили-были Упрямый и Глупый.— Антон Загогулин.— № 8.

С папой на рыбалку.— С. Карасдавов. Перевела с болгарского С. Озерова.— № 8.

Стрелок.—А. Некрасов.— № 10.

Двойка.— М. Тарловский.— № 11.

Прошка.— В. Крицкий.— № 11.

Тиха украинская ночь.— В. Драгунский.— № 11.

Ракушка.— А. Лельевр.— № 12.

Пиколетто.— Р. Рашел. Перевел с итальянского Л. Вершинин.— № 12.

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

Ну и здорово же было!— А. Азимов. Перевел с английского А. Бородаевский.— № 2.

Странный, незнакомый мир. — Я. Зайдель. Перевел с польского Е. Вайсброт.— № 3.

На хвосте у кометы.— А. Кларк. Перевел с английского А. Бородаевский. — № 4.

Идет человек.— С. Гансовский. — № 7.

Фурык.— В. Слукин, Е. Карташов.— № 8.

Встреча.—И. Хорошуха. Перевел с польского Е. Вайсброт.— № 9.

ТЕАТР «ФОНАРИК»

(Пьесы)

Зеленый мяч.— Е. Васильева и С. Маршак.— № 9.

Уж-уж-ужасная история.— В. Медведев.— № 10.

Ужасный урок.— Пьеса В. Драгунского.— № 12.

СТИХИ

Приглашение. Какие обязанности у бабушек. Просьба. — Д. Лукич. Перевел с сербского Ю. Вронский.— № 1.

Носите все свое с собой. Скворец.—А. Крестинский.— № 2.

Переправа.— Б. Слуцкий.— № 2.

Ученый пес.— Фазу Алиева. Перевела с аварского Ю. Мориц.— № 2.

Паромщик из Маутерна.— П. Хакс. Перевел с немецкого Ю. Коринец.— № 2.

Три окна.— Д. Лукич. Перевел с сербского Ю. Вронский.— № 2.

Два плюс два. Ужасный сон.— Из английской народной поэзии. Пересказал Вл. Орлов.— № 2.

Молчок.— Вл. Орлов.— № 3.

Кибернетические стихи. Робот. Таракан. Фотото. Плохой мальчик. Сосед. Карнавал.— Р. Сеф.— № 3.

Не на Земле, а на Луне.— С. Федоров.— № 3.

Пирог. Гость. Про осла.— Р. Рашидов. Пересказал Н. Олев.— № 4.

Черный ручей.— Ю. Коваль.— № 4.

Черепаха весной.— С. Федоров.— № 4.

Колыбельная. Первая помощь. Кастрюли.—А. Крестинский.— № 5.

Как делаются чудеса. Робот и хобот.—М. Ферко. Перевел со словацкого Ю. Левитанский.— № 5.

Утренняя колыбельная. Ночная считалка.— В. Берестов.— № 5.

Черный кот. Зеленый скрипач. Окунь. Будет уха неплоха. Речная речь.— Ю. Вронский.— № 6.

О тяжелом чемодане. Пони.— Л. Николаенко.— № 6.

Стихи аргентинских поэтов.— Перевел с испанского В. Викторов.— № 6.

Шутки.— В. Викторов.— № 7.

Сто фантазий. — Ю. Мориц.— № 7.

Окно.— Б. Слуцкий.— № 8.

Ночь на новостройке.— Е. Константинов.— № 8.

Чаинки-шелестинки.— О. Мандельштам.— № 8.

Дождик.— Л. Николаенко.— № 8.

По дороге мы шли...— Э. Мошковская.— № 9.

Отчего гуси вопят? — Улуро Адо. Перевел с юкагирского Г. Плисецкий.— № 9.

Старые друзья. Кружка. Рассказ охотника. Отчизна. Время. Осадки.— Л. Мартынов.—№ 9.

По Москве везут дрова.— Л. Николаенко.— № 9.

Загадки.— В. Фетисов.— № 9.

Оловянный солдатик. Песенка.— И. Киуру.— № 10.

Юкагирские костры.— Улуро Адо. Перевел Г. Плисецкий.— № 10.

Бум.— М. Садовский.— № 10.

Осень.— Н. Берендгоф.— № 10.

В разведке. Песня о Каховке. Спичка.— М. Светлов.— № 11.

Снегопад.— М. Садовский.— № 11.

Военные сны.— В. Орлов.— № 11.

Песня об отпускном солдате. Перекоп. Смерть друга.— Стихи Н. Тихонова.— № 12.

Мы мужчины. Очень приятно. Про дождик. Дорога.— О. Дриз. Перевел с еврейского Г. Сапгир.— № 12.

ОЧЕРКИ И СТАТЬИ О ЖИЗНИ У НАС И ЗА РУБЕЖОМ

Хозяйство твоей страны.—№ 1—4.

Съезд будет думать о будущем нашей страны (о XXIII съезде КПСС).— № 3.

Встречи с отважными.— И. Щедров.— № 3.

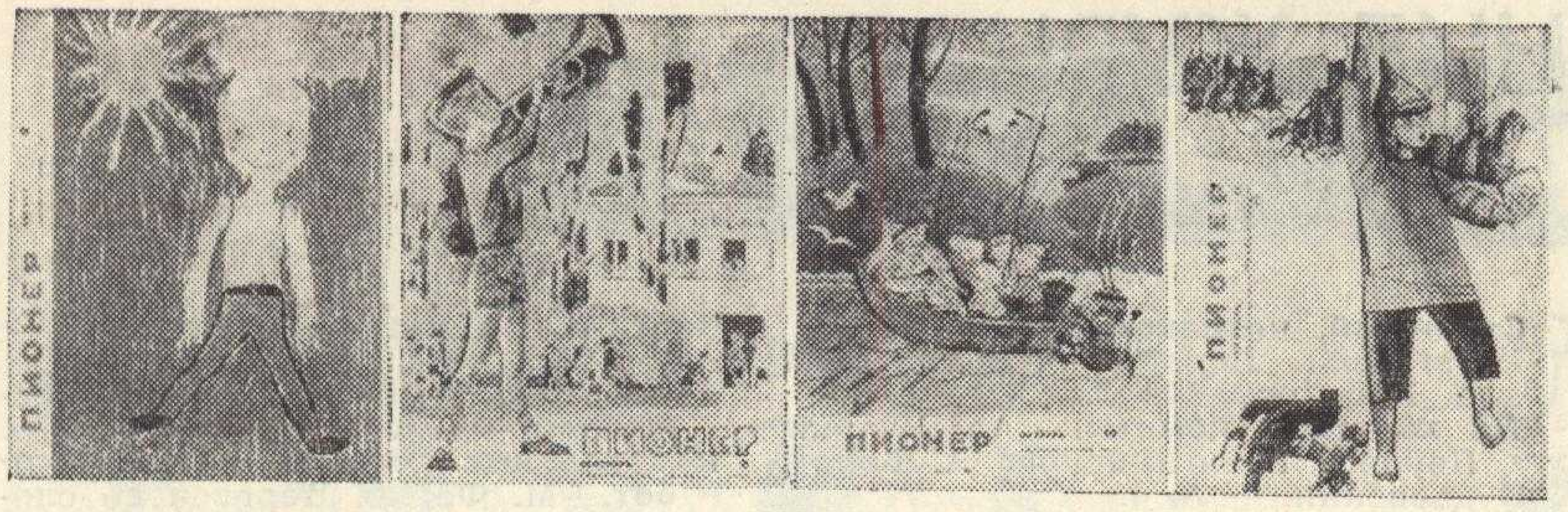
...А слава тебя найдет! — В. Матвеев.— № 3.

Рассказы о делегатах.— № 5.

В двух шагах от заграницы.— Н. Олев.— № 5.

Чудо фауны.— Р. Бершадский.— № 5.

ПИОНЕР
ПИОНЕР
ПИОНЕР
ПИОНЕР

ЧТО НАМ ЧИТАТЬ

ХРАБРЫЕ ПОРТНЯЖКИ

СМЕХОТРОН

«ПИОНЕР» ПРОСИТ ОТВЕТИТЬ

Дорогой читатель!

«Пионер» просит тебя ответить на эти вопросы. Как и в прошлом году, мы узнаем, что ребятам в журнале нравится больше, что меньше, а что вовсе не нравится. Это редакции нужно знать, чтобы в будущем году делать «Пионер» интереснее.

Не откладывай дела в долгий ящик: отвечай прямо сейчас! Рядом на страницах — содержание журнала за весь год, фотографии обложек, названия отделов. Просмотри внимательно, и тебе сразу все вспомнится.

1. Сколько времени ты выписываешь «Пионер»? ______

2. Будешь ли получать его в будущем году? ______

3. Выписываешь ли ты другие журналы? Какие? ______

4. Какие журналы ты не выписываешь, но любишь читать? ______

5. Что тебя больше всего в них интересует? ______

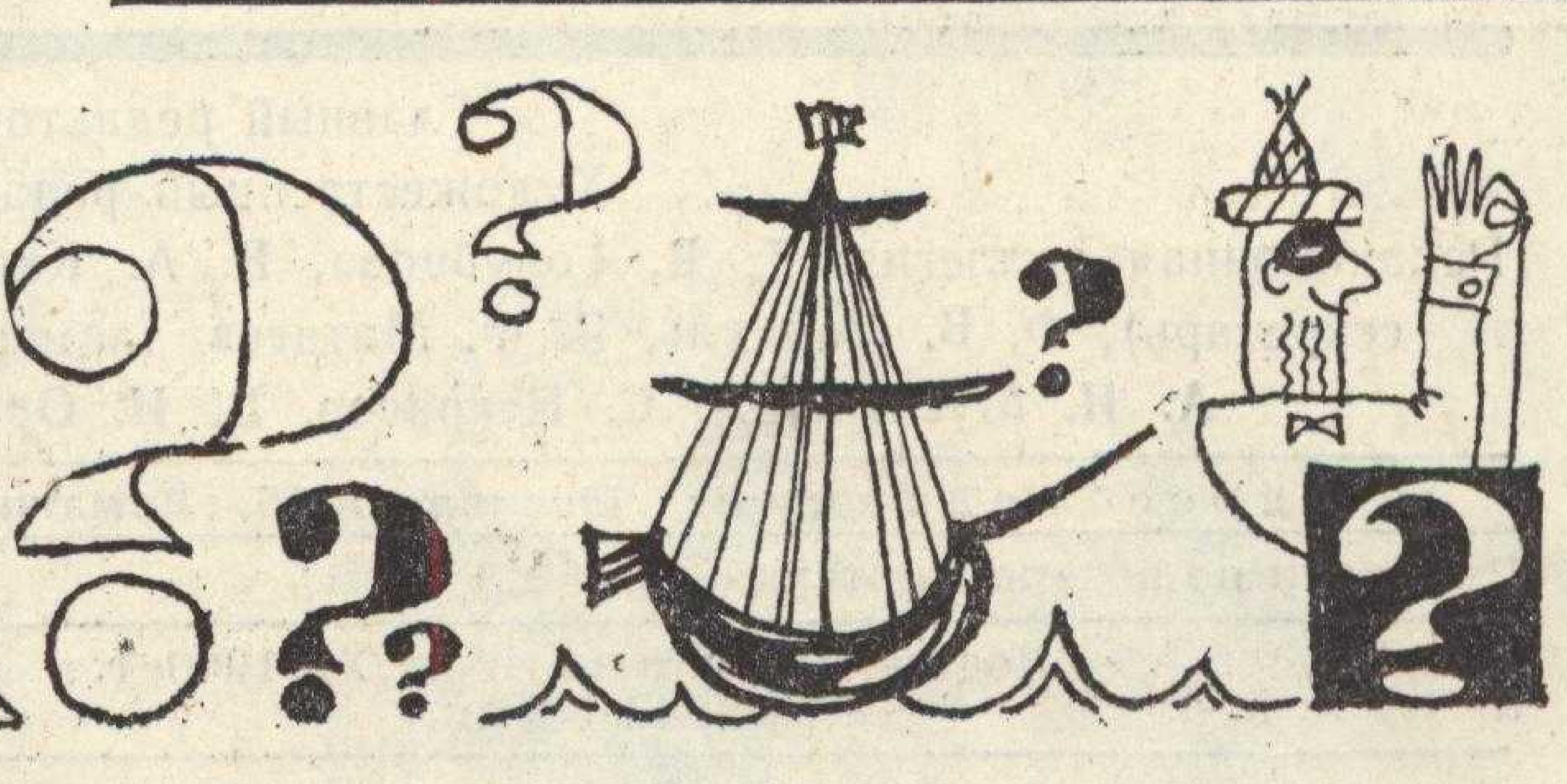
6. Как ты читаешь «Пионер»? ______

Читаю все подряд.
Сначала просматриваю весь, а потом выбираю, что буду читать.
Читаю сначала повесть.
Читаю сначала рассказ.
Читаю сначала «мелочи».
Сначала решаю задачки.
Сначала смотрю все картинки.
Прочитываю за день номер.
Читаю несколько дней.

7. Какая повесть в «Пионере» 1966 года тебе понравилась больше других? ______

8. Какой рассказ? ______

9. Какие стихи? ______

10. Какие повести и рассказы остались непрочитанными? ______

______

______

11. Какие разделы в журнале ты любишь, какие пропускаешь, не читая?

По компасу Октября.
Надо посоветоваться.
Фонарик.
Кораблик.
Почему и отчего.
Отовсюду и обо всем.
Клуб форвардов.
Что нам читать?
Тайны раскрытые и нераскрытые.
Пионерский глобус.
Кругосветка.
Подсказки.
Агентство ННН.
А у нас... а у вас.
Встречи с тремя неизвестными.
Шутки доктора Полиглота.
Вести из страны Хобби.
Смехотрон.
Смотрите не пропустите.
Такие же, как ты.
Танцы со всего света.
Храбрые портняжки.

12. Что еще тебе понравилось в «Пионере» в этом году? ______

13. Какая обложка понравилась тебе больше других? ______

14. Какая обложка меньше всего? ______

15. Сколько тебе лет и в каком ты классе?

______

16. Мальчик ты или девочка? ______

17. Где и кем работают твои родители?

______

18. Помогает ли тебе «Пионер» в школьных и пионерских делах? ______

______

______

Взрослых тоже просим ответить на анкету, исходя из своих наблюдений над тем, как читают журнал ребята.

Содержание

Главный редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**
Художественный редактор **П. И. Кузьмичев.**

Адрес редакции: **Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.** Телефон Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются. Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 10438. Подписано к печати 24/XI 1966 г. Форм. бум. 84×108 1/16. Объем 5,25 физ. печ. л.
8,82 усл. п. л. Тираж 642 900 экз. Изд № 2302 Заказ 3079.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина,
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ЗИМНИЕ ЗАБОТЫ ПИОНЕРА

Суровое время для птиц и зверей — зима. Морозы бывают очень жестоки, метут метели, снег покрывает землю толстым и плотным покровом, и даже на ветвях деревьев скапливаются подушки снега — кухта.

Зимой пионеру — защитнику природы — есть что делать. Прежде всего надо беречь деревья и кустарники. Деревья живут и зимой, но ветви и побеги их становятся ломкими. Никогда не обламывайте ветви кустов и смотрите, чтобы при уборке их не заваливали снегом. Кустарники с поврежденными ветвями весной долго болеют.

Озимые и травы глубоко под снегом, и зайцам-русакам до них не добраться. Они совершают набеги на плодовые сады, обгрызают кору на деревьях, скусывают ветки. Пионерам следует позаботиться и о зайцах и о садах. На заячьих тропках надо разбросать пучки сена, лучше с листочками, и опрыснуть их слегка соленой водой; от такого лакомства не откажется ни один заяц и после вашего угощения в сад не пойдет.

В многоснежные зимы серые куропатки приближаются к скотным дворам и к стогам сена: в полях им кормиться нечем. Неподалеку расчистите точок от снега до земли и насыпьте зерен. Куропатки по достоинству оценят вашу заботу о них.

Голодно зимой и белкам. Для них, как и для птиц, устройте кормушки. На дереве на высоте двух-трех метров прикрепите столик-полочку и насыпьте подсолнечных семечек, лесных или кедровых орехов, положите моркови, семена арбуза. К беличьим кормушкам будут прилетать и птицы — поползни, синицы и дятлы.

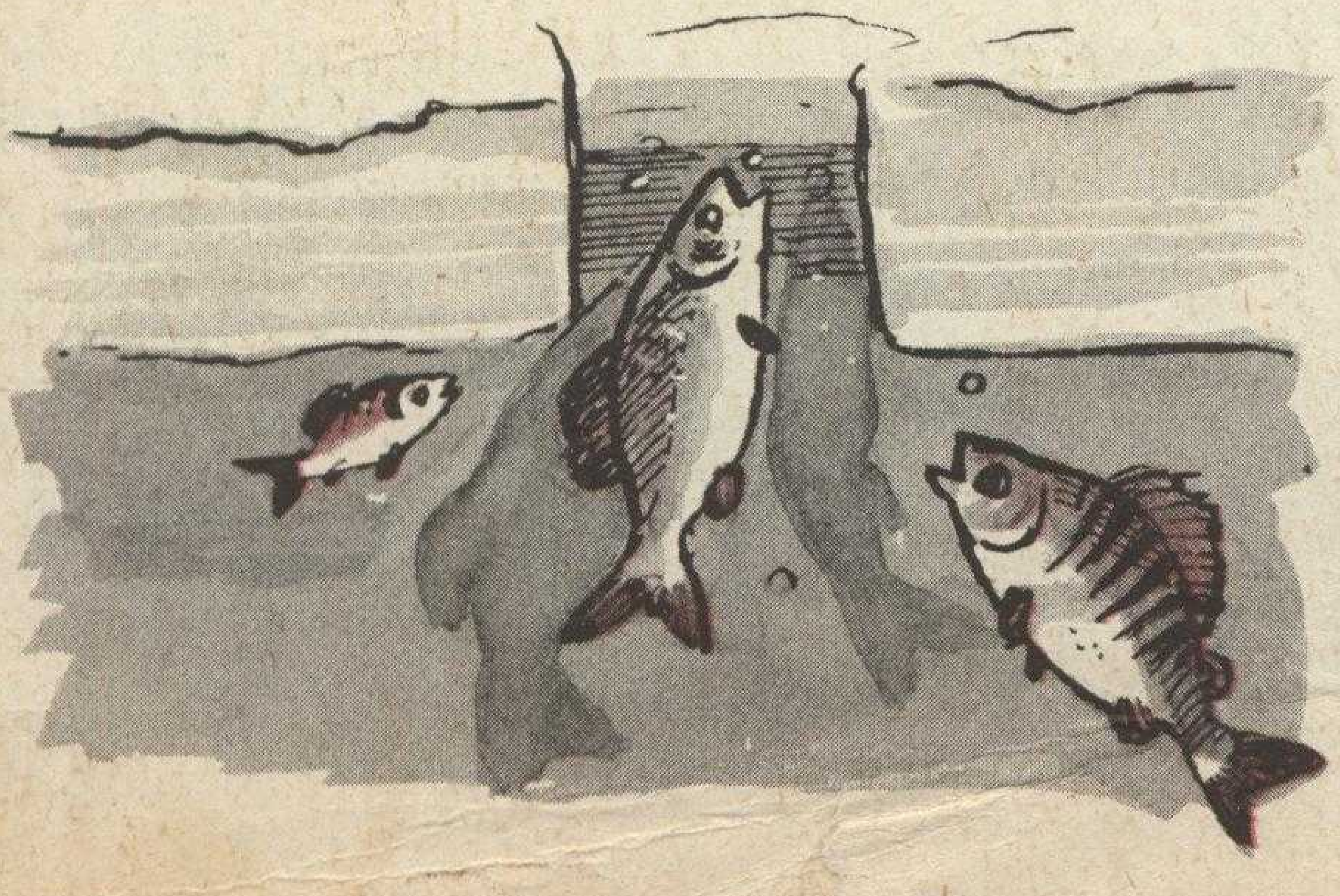
Не забывайте подсыпать корм и на птичьи кормушки.

Крепкий ледяной панцирь на прудах и озерах не пропускает кислорода в воду, и рыба подо льдом начинает задыхаться, образуется «замор». Попросите взрослых пробить во льду несколько прорубей и позаботьтесь о том, чтобы они не замерзали, каждый день очищайте их ото льда.

В середине зимы пора приступать к изготовлению дуплянок-синичников. Синицы разбиваются на пары рано, в феврале они уже ищут места для устройства гнезда. Значит, синичники надо развесить в январе.

Размеры дуплянки-синичника: высота — 25—30 сантиметров, ширина внутри — 10—12 сантиметров, леток — 3—4 сантиметра. Вешать их надо на проволоке. Если даже птицы не станут вить гнездо в дуплянке, то в студеные ночи будут ночевать в них.

ВСЕРОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ОХРАНЫ ПРИРОДЫ

Цена 25 коп.
Индекс 70694.

Рисунок О. Зотова.

Дед Мороз, чтобы скорей управиться, решил развозить подарки на машине. Жаль только, знаки дорожные он не очень хорошо выучил. Запутался.

Вот уж скоро пробьет полночь, а Дед Мороз никак не может попасть в Дом пионеров.

А вы, ребята, знаете эти знаки? Помогите Деду Морозу!